

под редакцией «Друзей Анжелики»

Анн Голон

Анжелика

Маркиза Ангелов

I

роман-поток

Annotation

Переводы книг «под редакцией Друзей Анжелики» представляют собой отредактированный читателями перевод новой версии, осуществленный издательством «Клуб семейного досуга» в 2008 - 2011 годах.

1 том. Анжелика - Маркиза Ангелов. Анн Голон

Время действия 1645 - 1656 гг.

Место действия - Пуату, Монтелу, Плесси, Пуатье.

С точки зрения сюжетной линии соответствует первой части романа «Анжелика». Роман «Маркиза ангелов» включает в себя события с семилетнего возраста героини и до свадьбы по доверенности в Монтелу. Книга описывает жизнь маленькой Анжелики в отчем доме. По сравнению со старой версией романа детству героини уделено больше внимания, чем раньше. Ярче и глубже передаются атмосфера жизни провинциальной, бедной семьи. Домашнее посредственное образование, недостаточная строгость воспитания и, как следствие, свободомыслие и независимость всех старших детей Сансе. Сказки, легенды, предания о героях прошлого, настоящих и вымышленных, рассказы о духах и приведениях, разбойниках и контрабандистах, игры с деревенскими озорниками - вот чем было наполнено детство нашей героини. Наиболее полно описаны взаимоотношения Анжелики с отцом, матерью и прочими членами семьи. Яркими красками расцветает на страницах романа историческая канва - фронда, тридцатилетняя война, быт простых крестьян с их бедами и праздниками... Важным является и появление на страницах колдуньи Мелюзины, их дружба с Анжеликой. Отныне источник

знахарских познаний героини перестает быть для читателя секретом. Новая версия наиболее полно рисует образ маленькой девочки, плоть от плоти Пуату, с ее бесконечной жаждой жизни, бесстрашием, жизнелюбием, толикой любопытства, легкомыслия и волевым, лидерским характером. Она по житейски умна, практична, умеет приспосабливаться к обстоятельствам и довольствоваться малым, несмотря на впитанную с молоком дворянскую заносчивость и гордость. В итоге хочется добавить, что новая версия дает возможность читателю лучше понять истоки формирования характера нашей героини, причины ее страхов и предрассудков по отношению к будущему мужу, а также осознать эпоху, в которой жили наши герои, где великие умы и открытия соседствовали с изгнанием бесов из крыс и вешанием колдуний.

- [Часть первая](#)
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
- [Часть вторая](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
- [Часть третья](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
- [Часть четвертая](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)

- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)
  - [27](#)
  - [28](#)
  - [29](#)
  - [30](#)
  - [31](#)
  - [32](#)
  - [33](#)

- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)

- [70](#)
  - [71](#)
  - [72](#)
  - [73](#)
  - [74](#)
  - [75](#)
  - [76](#)
  - [77](#)
  - [78](#)
  - [79](#)
  - [80](#)
  - [81](#)
-

Часть первая

Монтелу

Глава 1

1646

— Нянюшка, — спросила Анжелика, — зачем Жиль де Рец убивал столько детей?

— Ради дьявола, деточка моя. Жиль де Рец, машекульский людоед, хотел стать самым могущественным сеньором на свете. В его замке было полно реторт, колб и котелков с колдовским варевом, от которого шел страшный чад. Дьявол требовал приносить в жертву детские сердца. Так и начались преступления. Потрясенные матери со страхом и ужасом показывали пальцами на черный донжон Машекуля, над которым кружило воронье, — так много трупов невинных младенцев лежало в его подземельях.

— Он их всех съедал? — дрожащим голосом спросила Мадлон, маленькая сестра Анжелики.

— Нет, не всех, всех съесть он просто не смог бы, — ответила кормилица.

Склонившись над котлом, где варилась капуста со свиным салом, она какое-то время молча помешивала суп. Ортанс, Анжелика и Мадлон, три дочери барона де Сансе де Монтелу, замерев над мисками с ложками в руках, с волнением ждали продолжения рассказа.

— Он поступал еще хуже, — наконец продолжила рассказчица полным гнева голосом. — Сначала он приказывал привести к себе бедных испуганных мальчиков и девочек, которые громко кричали и звали мать. Сеньор, развалившись на своем ложе, наслаждался их страхом. Затем по его приказу ребенка подвешивали на что-то вроде виселицы, которая сжимала его грудь и шею. Ребенок отбивался как придушенный цыпленок, его крики становились тише,

глаза выкатывались из орбит, он синел. А в большом зале слышались только смех мучителей и стоны маленькой жертвы. Потом Жиль де Рец приказывал снять ребенка с виселицы; он сажал его к себе на колени, прижимал лобик бедного ангелочка к груди и тихо, ласковым голосом, успокаивал его.

«Ничего страшного, — говорил он, — мы просто немножко поиграли, но теперь все позади». Ребенку обещали конфеты, мягкую постель, шелковый костюмчик, как у маленького пажа. Понемногу малыш успокаивался. Его мокрые от слез глазки начинали светиться радостью. И тут сеньор внезапно вонзал свой кинжал в его шею... Но самое ужасное происходило, когда он похищал молоденьких девушек.

— Что он с ними делал? — не выдержала Ортанс.

Но тут старик Гийом, сидевший у очага и растиравший листья табака, вмешался в разговор, ворча прямо в желтоватую бороду:

— Замолчите же, сумасшедшая старуха! Я старый солдат, но вы с вашим вздором способны заставить дрожать от страха даже меня.

Толстуха Фантина Лозье живо принялась ему возражать:

— Вздор?! Сразу ясно, что вы не из Пуату, Гийом Лютцен. Но, знайте, стоит проехать чуть дальше, к Нанту, и вы непременно встретите на своем пути проклятый замок Машекуль. Вот уже два века минуло с тех пор, как там вершились преступления, а люди все еще крестятся, проходя мимо него. Но вы ведь не из наших краев, откуда вам знать о наших предках.

— Хороши ваши предки, если все они такие, как Жиль де Рец!^[1]

— Жиль де Рец был страшным злодеем и до сих пор никакая другая провинция, кроме Пуату, не может похвастаться тем, что среди них жил такой же

преступник! Но когда он умер, осужденный и приговоренный в Нанте, раскаявшись и прося у Бога прощения, все матери, чьих детей он мучил и съел, надели по нему траур.

— Ну, это уже слишком! — воскликнул старый Гийом.

Да, такие мы, жители Пуату. Великие во зле и великие в прощении!

Грозная, с ожесточенным видом кормилица разлила суп по расставленным на столе мискам, а затем горячо поцеловала малыша Дени.

— Конечно, — продолжила она, — я недолго ходила в школу, но могу отличить детские сказки от старинных преданий. Жиль де Рец действительно жил на белом свете. Может быть, его душа все еще бродит вокруг Машекуля, но его тело гниет в нашей земле. И потому о нем нельзя болтать с такой же легкостью, как о домовых и феях, что гуляют вокруг больших дольменов на полях. Хотя не следует слишком насмехаться и над этими лукавыми духами...

— А над призраками, нянюшка, над ними можно смеяться? — спросила Анжелика.

— Лучше не стоит, моя малышка. Призраки не злые, но почти все они печальные и обидчивые, зачем же добавлять насмешки к мукам этих бедняг?

— А почему старая дама, что появляется в замке, все время плачет?

— Кто знает? В последний раз, когда я встретила ее, лет шесть тому назад, между бывшим караульным помещением и большой галереей, мне показалось, что она не плакала, наверное, потому, что ваш дедушка повелел творить за нее молитвы в часовне.

— А я слышала ее шаги на лестнице, ведущей в башню, — заявила служанка Бабетта.

— Наверняка это была крыса. Старая дама Монтелу очень скромная и не любит никого беспокоить. Может

быть, она слепая? Мне так кажется из-за того, что она ходит с вытянутой вперед рукой. Или же она что-то ищет. Иногда она подходит к спящим детям и проводит рукой по их лицу.

Голос Фантины звучал все тише и печальней.

— Может быть, она ищет умершего ребенка?

— Женщина, мрак в вашей голове глуше, чем в склепе, — вновь запротестовал папаша Гийом. — Возможно, сеньор де Рец и был большим человеком, и вы гордитесь тем, что он жил на вашей земле... два века тому назад, и дама Монтелу была всеми уважаема, но по мне, нехорошо волновать славных крошек, которых вы так напугали, что они даже перестали забивать ужином свои маленькие животики.

— Надо же, я задела ваши чувства, грубый солдат, чертов наемник! Сколько таких же маленьких животиков, как у этих крошек, вы проткнули пикой, когда служили австрийскому императору на полях Германии, Эльзаса и Пикардии? Сколько хижин вы подпалили, закрыв двери и зажарив в них целые семьи? Неужто вы никогда не вздергивали крестьян одного за другим, пока ветки на деревьях не ломались под их тяжестью? Вспомните их жен и дочерей, которых вы насильовали до тех пор, пока они не убивали себя от стыда!

— Такова жизнь, такова жизнь, моя дорогая. Жизнь солдата — это война. Но жизнь этих девочек, которые сидят перед нами, предназначена для игр и веселых историй.

— До того самого дня, пока солдаты и разбойники не пройдут как тучи саранчи по нашей провинции. Тогда жизнь этих девочек станет как жизнь солдата, в нее войдет война, нищета и страх...

С этими горькими словами кормилица открыла большой глиняный горшок, наполненный рагу из

зайчатины, намазала куски хлеба маслом, раздала их по кругу, не забыв и старого Гийома.

— Это я вам говорю, Фантина Лозье. Слушайте меня, мои детки.

Ортанс, Анжелика и Мадлон, которые воспользовались спором, чтобы опорожнить свои миски, снова подняли носы, а Гонтран, их десятилетний брат, оставил темный угол, где сидел, надувшись, и подошел поближе. Наступало время для рассказов о войнах и грабежах, о наемниках и разбойниках, где в красном зареве пожара слышался звон шпаг и женские крики...

— Гийом Лютцен, вы знаете моего сына? Он служит конюхом у нашего хозяина, барона де Сансе де Монтелу.

— Да, знаю, славный малый.

— Так вот! Все, что я могу вам сказать о его отце, это то, что он служил в армии монсеньора кардинала Ришельё, которую тот отправил в Ла-Рошель на погибель протестантам. Сама я не гугенотка и всегда молила Святую Деву Марию, чтобы она сохранила меня невинной до свадьбы. Но когда войска нашего христианнейшего короля Людовика XIII прошли по провинции, самое меньшее, что про меня можно было сказать, что девственницей я быть перестала. И сына своего я назвала Жаном Латником в память обо всех этих чертях, один из которых стал его отцом, и чьи кованые кирасы разорвали единственную рубашку, что тогда была на мне.

А если рассказать, что творили со мной на соломе в сарае те разбойники и бандиты, которые не раз выходили на дорогу, подгоняемые голодом, то вам всю ночь не сомкнуть глаз. В это время остальные поджаривали ступни моего благоверного на очаге, чтобы заставить его признаться, где он припрятал деньги. Я чуяла запах, да думала, что они жарят свинью.

И тут толстая Фантина принялась смеяться, а затем налила себе яблочного винца, чтобы промочить горло, пересохшее от разговоров.

***

Вот так, под знаком Людоеда, среди призраков и разбойников началась жизнь Анжелики де Сансе де Монтелу.

Все в семье звали Фантину просто Кормилицей. Где же были дети Фантины Лозье, в то время как она няньчилась с многочисленным выводком де Сансе, поскольку баронесса, их мать, сама не могла их всех выкормить? Вероятно, они тоже населяли большую кухню, наполненную шумными рассказами, запахами вкусных супов и рагу в больших котлах.

А где был тот человек, ее «благоверный», ступни которого не раз поджаривали разбойники? Быть может, где-то в помещениях замка, где несколько конюхов и немногочисленные слуги заботились о лошадях, носили воду и дрова, работали в коровнике небольшой усадьбы.

В крови кормилицы текла толика мавританской крови, которую арабские завоеватели, сарацины, в VIII веке донесли до самых границ Пуату.

Анжелика с молоком впитала ее страстность и мечтательность, в которых воплотился дух провинции, дух болот и лесов, открытых, словно заливы, теплым океанским ветрам.

Ее пестрая жизнь казалась девочке чередой трагедий и чудесных историй. Жажда жизни стала для малышки лекарством от страха. Она с жалостью смотрела на дрожащую от ужаса малышку Мадлон и на свою старшую сестру Ортанс, такую чопорную, но горящую желанием спросить у кормилицы, что именно разбойники вытворяли с ней в сарае на соломе.

Анжелика в свои семь лет очень хорошо представляла, что именно происходило в сарае. Сколько раз она водила корову к быку или козу к козлу? И ее друг, пастушок Николя, объяснил ей, что мужчины и женщины делают то же самое, чтобы у них появились дети. Так и у кормилицы появился Жан Латник. Но Анжелику смущало, что когда кормилица рассказывала об этом, в ее голосе слышались то томность и исступление, то самый что ни на есть искренний ужас. Но не стоило и пытаться понять кормилицу, ее молчаливость, вспышки ее гнева. Достаточно и того, что она просто была, такая большая и подвижная, с сильными руками, коленями, скрытыми под бумазейным платьем, всегда готовая принять вас, словно птенчиков в свое гнездо, спеть вам колыбельную или рассказать о Жиле де Реце.

Старый Гийом Лютцен, говоривший неторопливо и с заметным акцентом, был куда проще. Его называли то швейцарцем, то немцем. Вот уже несколько лет, как его, босого и хромящего, увидели бредущим по римской дороге^[2]. Он вошел в замок Монтелу и попросил кружку молока. А потом остался как слуга, привычный к любой работе, готовый смастерить и починить что угодно. Барон де Сансе поручил ему носить письма соседям и встречать сборщика податей, когда тот являлся требовать долги. Старый Гийом долго слушал его, а затем отвечал на своем диалекте то ли швейцарского горца, то ли гессенского крестьянина, и обескураженный сборщик уходил.

А еще он тоже знал рассказы, приводившие детей в восторг. Его пыл рассказчика чаще всего просыпался с наступлением лета, ведь именно с приходом тепла солдаты идут на войну, полководцы покидают королевские дворы, танцы и развлечения и присоединяются к своим войскам. Армии снимаются с

зимних квартир и вновь идут сражаться, порой даже не зная куда и против кого...

Лютцен показывал на восток, туда, где вставало солнце, и начинал свой рассказ о неведомых империях, германских солдатах, которыми правил император, как во времена римлян, и еще о турках. В тех далеких странах война не прекращалась ни зимой, ни летом, эта война длилась бесконечно. Земли были так опустошены, что теперь на каждом лье обитало больше волков, чем людей. И он шел до тех пор, пока не добрался до земли, где не было войны.

С какого поля боя он явился? С севера или востока? И как случилось, что чужеземный наемник пришел по дороге из Бретани? О нем знали только, что при Лютцене он сражался под командованием кондотьера Валленштейна^[3], и именно ему, Гийому, досталась честь проткнуть брюхо славного толстого шведского короля Густава Адольфа, когда тот, заблудившись в тумане во время битвы, напоролся на австрийских копейщиков.

На чердаке, где жил Гийом, среди сетей паутины блестели на солнце его старые доспехи и каска, из которой он, бывало, пил горячее вино или хлебал суп. Огромная пика, втрое выше его самого, служила для того, чтобы сбивать с деревьев созревшие орехи. Но больше всего Анжелика завидовала маленькой, инкрустированной деревом, черепаховой терке, которую он называл «беспутной», как и самих немецких наемников, которых на французской службе тоже величали «беспутными».

Двери просторной кухни замка весь вечер не знали покоя. Ближе к ночи они открывались, принося с собой сильный запах навоза, слуг, служанок и кучера Жана Латника, столь же неразговорчивого, сколь болтлива была его мать. Вслед за ними пробирались собаки: две

длинные борзые Марс и Маржолен и таксы, испачканные грязью по самую макушку.

А в самом замке двери распахивались перед ловкой Нанеттой, которая служила горничной, в надежде приобрести хорошие манеры и покинуть своих бедных хозяев, попросившись на службу к маркизу де Плесси-Бельер, чей замок возвышался в нескольких лье от Монтелу. Сновали туда-сюда двое слуг с нечесаными лохмами, спадавшими на глаза. Они таскали дрова для большого зала и воду для комнат. Затем появлялась мадам баронесса. У нее было доброе лицо, иссушенное на открытом воздухе и увядшее от многочисленных родов. Она носила серое саржевое платье и черный шерстяной капюшон, потому что в большом зале, где она проводила время с дедушкой и старыми тетушками, было более сыро, чем в кухне.

Она осведомлялась, скоро ли будет готов отвар для господина барона, охотно ли сосал грудь малыш, и мимоходом гладила по щеке прикорнувшую Анжелику, чьи длинные волосы цвета темного золота разметались по столу, сверкая при свете очага.

— Настало время идти в постель, девочки. Пюльшери проводит вас.

И старая теть Пюльшери появлялась с извечной покорностью. Бесприданница, она так и не смогла найти ни человека, пожелавшего взять ее замуж, ни монастыря, готового ее принять, и вместо того, чтобы целыми днями стонать и ткать гобелены, она, желая быть полезной, охотно взяла на себя роль гувернантки при племянницах. Все относились к ней с легким презрением и оказывали гораздо меньше почтения, чем другой тете, толстой Жанне.

Пюльшери собирала племянниц. Служанки укладывали самых маленьких, а Гонтран, у которого не было наставника, отправлялся к своему тюфяку на чердаке, когда ему заблагорассудится.

Вслед за тощей старой девой Ортанс, Анжелика и Мадлон добирались до зала, где свет очага и трех свечей с трудом разгонял нагромождение теней, веками копившихся под средневековыми сводами. Развешенные по стенам гобелены служили защитой от сырости, но время и прожорливые черви покрыли тайной изображенные на них сцены. Только чьи-то безумные глаза на бледных, словно смерть, лицах с укором следили за обитателями замка.

Девочки делали реверанс дедушке. Он сидел перед камином в черном широком плаще, подбитом облезлым мехом. Но его белые руки, покоившиеся на рукоятке трости, выглядели по-королевски. Он носил широкополую черную шляпу, а его борода, подстриженная под углом, как у покойного короля Генриха IV, опиралась на маленький плоеный воротничок, который Ортанс втайне считала совсем вышедшим из моды.

Второй реверанс для надутой тети Жанны, которая никогда не улыбалась, — и вот они уже на парадной лестнице из тесаного камня, влажной словно грот. Зимой комнаты покрывались изморозью, но зато летом в них было свежо. Заходили туда только на время сна. Постель, где спали три маленькие девочки, словно надгробие, возвышалась в углу пустой комнаты — всю мебель распродали еще прошлые поколения. Плиточный пол, который зимой устилали соломой, покрылся многочисленными трещинами. На кровать взбирались по трем ступеням. Надев коротенькие ночные рубашки, натянув чепцы и на коленях поблагодарив Бога за его милость, три девочки де Сансе де Монтелу залезали на пышную перину своего ложа и проскальзывали под дырявые покрывала. Анжелика тотчас же находила дырку сначала в простыне, а потом и в покрывале, куда просовывала

розовую ножку и начинала шевелить пальцами, смеша Мадлон.

Малышку пугали истории кормилицы, и она тряслась, словно заяц. Ортанс тоже было страшно, но как старшая сестра она не подавала вида. Только Анжелика принимала свой страх с восторгом и радостью. Жизнь была полна тайн и открытий. В деревянной обшивке стен грызлись мыши, а совы и нетопыри перелетали с одной башни на другую, испуская резкие крики. Во дворе скулили борзые, а мулы приходили с лужаек, чтобы почесать свой лишай о стены замка.

Иногда, снежными ночами, можно было услышать вой волков, вышедших из дикого леса Монтелу к человеческим жилищам. А когда наступала весна, по вечерам до замка порой доносилось из деревни пение крестьян, танцующих ригодон^[4] при лунном свете.

Глава 2

Когда Пюльшери думала об Анжелике, то иногда плакала. Она видела в ней крах не только того, что полагала традиционным воспитанием, но и крах их знатного рода, теряющего всякое достоинство из-за бедности и нищеты.

С рассветом малышка всякий раз куда-то убегала. Простоволосая, одетая почти как крестьянка — в рубашку, корсаж и выцветшую юбку. Ее маленькие и изящные, как у принцессы, ступни были загрубевшими, потому что, прежде чем помчаться дальше, она всякий раз забрасывала свои башмаки в первый попавшийся куст. Если ее окликали, она нетерпеливо поворачивала свое круглое, загорелое лицо со сверкающими глазами цвета бирюзы, цвета того самого болотного растения, которое носило ее имя^[5].

— Надо бы отправить ее в монастырь, — вздыхала Пюльшери.

Но барон де Сансе, молчаливый и измученный заботами, лишь пожимал плечами. Как он отправит в монастырь вторую дочь, если не в силах дать образование старшей; его доходы составляют едва ли четыре тысячи ливров в год, из которых пятьсот ливров он должен отдавать августинскому монастырю в Пуатье, где воспитываются два его старших сына?

***

В стране болот другом Анжелики был Валентин, сын мельника.

В лесной стране — Николя, сын многодетного крестьянина, служивший пастухом у мессира де Сансе.

С Валентином она разъезжала в плоскодонке по каналам, берега которых были усеяны незабудкой, мятой и дягилем-ангеликой. Высокий, душистый, густо растущий дягиль Валентин собирал целыми охапками. Мальчик потом продавал его монахам Ньельского аббатства, и те из корней и цветков делали целебный настой, а из стеблей — сладости. Взамен Валентин получал нарамники и четки, которыми швырялся в детей из протестантских деревень, а они убегали с громким плачем, как будто им плевал в лицо сам дьявол. Отца мальчика, мельника, огорчало такое странное поведение сына. Хотя он был католиком, но выказывал веротерпимость. И зачем его сыну торговать пучками дягиля, когда он рано или поздно унаследует мукомольное дело, и все, что от него потребуется, — устроиться в удобной мельнице, стоящей на сваях у воды? Но Валентин был из тех детей, которых трудно понять. Румяный и в свои двенадцать лет сложенный как Геркулес, он молчал как рыба, а взгляд его вечно где-то блуждал. И поэтому завистники мельника утверждали, что его сын просто слабоумный.

Пастушок Николя, болтун и хвастунишка, водил Анжелику в лес по грибы, за ежевикой и черникой. Вместе они собирали каштаны, а из ветвей орешника он делал ей дудочки.

Оба мальчика ревновали Анжелику так сильно, что, казалось, готовы друг друга убить. Девочка росла такой красивой, что крестьяне принимали ее за живое воплощение одной из фей, живущих в большом дольмене Поля Колдуний.

Анжелика страдала манией величия.

— Я маркиза, — объявляла она каждому, кто соглашался ее выслушать.

— Ах, вот как? И как же вы стали маркизой?

— Я вышла замуж за маркиза, — отвечала она.

«Маркизом» по очереди становились то Валентин, то Николая, то один из тех озорников, безобидных, как птички, которые носились с ней по лугам и полям.

А еще она так же забавно говорила:

— Я, Анжелика, веду на войну своих ангелочков.

Поэтому ее и прозвали: маленькая Маркиза Ангелов.

***

Почти каждый год бродячие торговцы-разносчики нарушали укромный покой бокажа^[6], принося то, что пробуждало мечты и тайные страсти.

Торговцев было двое.

Одного прозвали овернцем, потому что люди этой профессии действительно часто оказываются уроженцами Оверни^[7]. Он приезжал на запряженной ослом или мулом телеге, наполненной всевозможными тканями, посудой, предметами обихода и туалетными принадлежностями. Овернец целыми днями ездил по деревне от одного дома к другому, предлагая свой товар. Именно он привозил календари, и все были почти уверены, что в середине декабря увидят его двуколку. Покупателей он чаще всего знал не по именам, а по домам, или же по заранее оговоренным местам встреч, где они к взаимной выгоде совершали сделки.

Другой, тоже уроженец гор, возможно савояр^[8], не был столь постоянен. Шло время, и люди уже начинали беспокоиться. И вот, наконец наступал долгожданный день, когда одна из деревенских девушек бежала через луга с криками: «У него сундук!»

Это был маленький смуглый человечек с черными как смоль бровями.

Он приходил пешком.

Он носил тюрбан из выцветшего шелка, в который втыкал перо. Этот плюмаж, потрепанный непогодой, он

обновлял каждый год. Его плащ спускался до лодыжек. На спине торговец нес корзину высотой в человеческий рост, где лежала всякая мелочь и несколько отрезков тканей. А через плечо на перевязи висел знаменитый сундук, который он поддерживал левой рукой. Продавец ни разу не пришел без своего сундука, но люди все равно опасались: а вдруг им не повезет и на этот раз мужчина уже распродал все его содержимое, прежде чем дошел до Монтелу. Тогда грядущий год будет омрачен.

Правой рукой разносчик выуживал из сундука маленькие синие книжки, и ветер перелистывал их страницы со звуком, напоминающим трещотку прокаженного.

Но от трещотки люди разбегаются, а к книгоноше они сбегались. И это было счастье!.. Под крыши хижин, да и под своды просторных замковых кухонь приходило объединявшее умы время открытий.

А для Ортанс наступал час славы. Усевшись за большой стол, она читала вслух, а Анжелика и Нанетта, прижавшись к ней с обеих сторон, пытались разобрать слова. И какое это было счастье, если открыв и пролистав книжку, она сообщала, что нашла там продолжение истории о Николетте и Окассене^[9], песни о доблестном Роланде и его мече Дюрандале, о Карле Великом с его пышной бородой, о короле Артуре и рыцарях Круглого стола...

Обложки книг изготавливали из синей оберточной бумаги^[10], которой бакалейщики оборачивали булочки в сахарной пудре, перед тем как их продать. Быть может, одна забытая партия этой бумаги и подала книготорговцу-издателю из Труа идею печатать дешевые брошюры для деревенской бедноты и их детей, которых кюре и школьные учителя, и в хорошие, и в трудные годы, пытались обучать грамоте. Эти дети,

даже подрастая, не могли покупать газеты, подобно горожанам, а уж книги в кожаных переплетах и вовсе оставались недоступной роскошью для крестьян, привязанных к тяжелому труду на земле и обреченных на уплату разорительных, вытягивающих последние жилы налогов.

Очевидно, печатник предоставил своим работникам полную свободу решать, каким духовным содержанием заполнить листки в синей обложке, соединенные двумя пеньковыми шнурками, продетыми сквозь отверстия.

Выбор, почерпнутый на книжных складах, где пылились старинные, вышедшие из моды издания, оказался счастливым. Успех был немедленным и полным, и книгоноши неустанно пополняли запасы, осведомляясь о новинках и составляя списки персонажей, о которых хотела читать их публика. Вот почему в книгах воскресали старинные легенды, раздавался звон скрестившихся мечей и совершали подвиги герои, о которых можно мечтать, не опасаясь, что они разочаруют вас своей трусостью или недостойным поступком.

Одновременно и зачарованные, и воодушевленные волшебными историями, люди чувствовали, как крепнет в них чистая, как горный хрусталь, и твердая, как старинный алмаз, душа. Молча, но с гордостью за родной край и его славное прошлое, ощущали они защиту прочных стен древнего замка, возвышавшегося во мраке как черный каменистый остров между двумя первозданными стихиями Творения — водами болот, вытеснившими из морского залива горьковато-соленые потоки океана, и темной массой дремучего кельтского леса, простиравшегося до скалистых берегов на краю света.

***

Одна из стен замка Монтелу смотрела на болота. Это была самая старая стена, возведенная в далеком XII веке сеньором Ридуэ де Сансе, соратником Готфрида Бульонского^[11]. По краям ее возвышались две большие башни с крытыми дранкой мостками для дозорных. И когда Анжелика с Гонтраном забиралась туда, они развлекались тем, что плевали в машикули, откуда в средние века воины выливали из ведер кипящее масло на врагов. Стена была построена на узком, но высоком известковом мысе, поднимавшемся над болотами. Некогда, в первобытные времена, море доходило до этих мест. Уходя, оно оставило переплетение рек, крохотных озер, которые заросли травой и ивами и превратились в царство угрей и лягушек, так что крестьяне могли передвигаться здесь только на лодках. На островках бывшего залива стояли деревушки и одинокие хижины. Герцог де ла Тремуй, любитель экзотики, который однажды провел лето у маркиза дю Плесси, после путешествия по этой водной стране прозвал ее Зеленой Венецией.

Обширные водные луга, пресноводные болота простирались от Нюра и Фонтене-ле-Конт до океана. Немного не доходя до Марана, Шайе и даже Люсона, они сливались с горькими болотами, то есть с солончаками. А дальше начинался берег с его грядой, белой от драгоценной соли, из-за которой жестоко враждовали таможенники и контрабандисты.

Если кормилица почти не рассказывала историй о таможенниках и соляных контрабандистах (а такими историями увлекались все жители болот) то только потому, что она сама родилась на твердой земле и глубоко презирала людей, чьи ноги все время по колени в воде и которые, к тому же, гугеноты.

На сушу замок Монтелу смотрел многочисленными окнами фасада, построенного несколько позже. Только

старый подъемный мост с ржавыми цепями, на которых сидели индюки и куры, отделял парадный вход от лужайки, где паслись мулы. Справа располагалась господская голубятня и ферма, которая сдавалась в аренду. Другие фермы находились по ту сторону рва. Вдали виднелась колокольня деревни Монтелу.

А затем начинались дремучие леса, с их дубами и каштанами. Вы бы не нашли здесь ни единой прогалины вплоть до севера Гатина и Вандейского бокажа, и даже почти до Луары и Анжу, если бы решились пересечь этот край, не испугавшись ни волков, ни разбойников. Ньельский лес, самый близкий, принадлежал сеньору дю Плесси. Жители Монтелу отправляли туда пастись свиней, что приводило к постоянным тяжбам с управляющим маркиза, месье Молином, который слыл человеком суровым. Еще в лесу жили несколько мастеров, делающих сабо, угольщики и — колдунья по имени Мелюзина. Никогда Анжелике не позабыть тот день, когда она впервые встретила колдунью Мелюзину. Девочка играла с маленькими приятелями в войну. «Рыцари» в поисках удачи и подвигов мастерили себе мечи из тростника и камыша. Это случилось довольно давно. Анжелике исполнилось тогда не больше пяти или шести лет, но она уже была достаточно ловкой, чтобы лазить по деревьям, перебираясь с ветки на ветку. Один из мальчиков закричал: «Там наверху гнездо!..» Но как только она протянула к гнезду руку, чей-то голос приказал: «Прочь! Прочь, скверные дети! Не смейте губить жизнь!..»

Приказ произнесли на местном диалекте, но Анжелике сначала показалось, что перед ней потустороннее существо, может быть Белая дама, а другие ребята — и лазавшие по деревьям, и игравшие внизу, увидев под деревом окруженную

светом женщину, бросились наутек с криками: «Колдунья!.. КОЛДУНЬЯ!..»

Анжелика тоже спустилась с дерева, но не убежала и осталась наедине с видением. Она помнила, как женщина ей улыбнулась и провела своим длинным белым пальцем по ладони девочки, как будто для того, чтобы нарисовать там какой-то знак или что-то прочесть. Затем она сказала по-французски: «Зачем ты это делаешь? Посмотри, как взволнованы бедные родители там, наверху». И женщина показала Анжелике обеих птиц, отца и мать, с отчаянными криками носившихся вокруг дерева, на которых она раньше не обратила внимания.

С тех пор девочка полюбила гулять с Мелюзиной и старалась запомнить все, чему та ее учила. Уже само имя лесной колдуньи вызывало ощущение чего-то необычного. Тем, кто смотрел на нее издали, казалось, что она скользит над травой лужайки, не касаясь земли. Зимой она иногда появлялась у дверей, чтобы попросить кувшин молока в обмен на целебные травы.

По ее примеру Анжелика собирала цветы и корни, сушила их, кипятила, измельчала и раскладывала по мешочкам в тайном убежище, о котором знал только старый Гийом. А Пюльшери порой часами не могла дозваться девочку.

Разговоры с Мелюзиной, их встречи, их открытия — все это Анжелика бережно хранила в уголке своего разума, своего сердца — там, где было место только лишь для них двоих.

Мелюзина, колдунья.

Она была госпожой господского леса.

Со своей компанией Анжелика, Маркиза Ангелов, никогда не переступала границ общинных земель, очень большой территории, где крестьянам дозволялось собирать хворост для очага или пасти

свиней. Дальше никто не шел. Кроме них, Анжелики и Мелюзины. Ведь дальше начинался таинственный лес, с его мшистыми скалами, с его озерцами, сине-зелеными, едва видимыми под переплетающимися стеблями водных растений, тот самый лес, где разворачивались события эпических поэм из календарей и маленьких синих книжек.

Здесь вполне могли бы встретиться закованные в железные доспехи рыцари или, по крайней мере, какой-нибудь забытый со времен Мерлина дракон, неважно, изрыгает он пламя или нет. Ведь до сих пор провинция не могла похвастаться, что в ее календаре есть страничка, где изображен святой защитник героини — девы в белом одеянии, который связал бы дракона и изгнал бы его из страны или, по крайней мере, довел бы до края пропасти, где тот бы и сгинул по милости Божией.

В запретной глуши бродила только одна Мелюзина.

Она стала водить туда Анжелику. И однажды девочка поняла, что о прогулках с Мелюзиной она не расскажет никому и никогда.

Старый Лютцен знал только о тайнике в подвалах замка, где Анжелика хранила и сушила свои растения по примеру подруги. Она чувствовала, что все это нужно хранить в тайне. Крестьяне боялись старой женщины. Тот же хвастунишка Николая, как и все остальные, при виде ее удирал с воплями: «Колдунья! Колдунья!». Что не мешало им, захворав, тихонько прокрадываться к скале, у которой жила Мелюзина, или отправлять туда мальчишку, чтобы получить немного целебного отвара. По словам местных жителей, она не была похожа на других колдуний, и никто не знал, откуда она пришла.

Свои седые волосы Мелюзина перехватывала лентой, а иногда украшала цветами, и Анжелика находила это очень красивым! Она часто напевала. И

бесшумно скользила между деревьями и травами с маленькой, сплетенной из корней жимолости корзиной, куда она складывала то плоды, то листья, то головки цветов. Постепенно она допустила девочку к более серьезному сбору, но его следовало производить втайне и сопровождать чтением странных молитв.

И поэтому Анжелика никому не рассказывала о том, что переживала с Мелюзиной. Это была как бы вторая жизнь, где девочка становилась одним целым с колдуньей, растениями и лесными зверями. Жизнь, которую она бережно хранила в себе самой, как в «волшебной шкатулке», как в запретной комнате маленького зачарованного замка, который принадлежал ей одной. Она мечтала, что однажды станет такой же искусной, как Мелюзина, и тогда исцелит весь мир.

В деревнях по обычаю всех колдуний называли Мелюзинами.

Хотели ли крестьяне защититься от ведьм или попросить у них помощи, они всегда по обыкновению поклонялись великой и знаменитой, почти обожествленной фее Мелюзине, что испокон веку считалась покровительницей западных земель. Кормилица неохотно рассказывала ее трагическую историю, так как она навевала на Фантину печаль.

Фея Мелюзина была дочерью некоего Эленаса, короля Альбы^[12]. Вскоре после замужества с принцем Раймоном де Форезом ее стали называть Матерью Люзиньяна, затем это имя превратилось в Мерлюзину и, наконец, в Мелюзину.

Миновали счастливые годы, и пришла беда. Беда вдвойне ужасная, потому что ее можно было избежать.

Кормилица говорила, что муж феи Мелюзины принес себе и своей семье несчастье и обрек прекраснейшую обожаемую жену на вечные страдания

не потому, что разлюбил ее или полюбил другую, и не потому, что супруга скрыла от него какое-то греховное чувство, и даже не потому, что он стал жертвой любопытства, как принято считать; нет, несчастье произошло потому, что красивый влюбленный человек оказался всего-навсего легкомысленным!

С этими словами Фантина Лозье украдкой бросала взгляд черных глаз на Анжелику. Легкомыслие! Все несчастья мира заключены в этом слове и проистекают из него, как из ящика Пандоры!

Однажды вечером, вернувшись домой, в один из своих чудесных замков, который он получил в качестве приданого от своей не менее чудесной супруги, и, решив оказать пышный прием нескольким друзьям, встреченным по дороге, он забыл о настойчивой просьбе жены никогда не пытаться проникнуть в ее покои по субботам. И вот он вместе с собутыльниками вошел к ней, и перед ними предстало ужасное зрелище: в большом бассейне плескалась великолепная женщина с рыбьим хвостом.

Осознав, что ее тайна раскрыта, женщина-чудовище испустила страшный крик — крик агонии — и, разбрызгивая воду, рванулась в окно, в ночь, в пустынные пространства, где отныне должна была скитаться вечно. Это оказалось не просто разоблачение — теперь она не могла умереть естественной смертью и была обречена на вечную жизнь. Ведь что бы там ни говорили, для живого существа нет ничего страшнее бессмертия!

В самом деле, размышляла кормилица, не мог же такой знатный господин, как Раймон де Форез, первый сеньор Люзиньяна и Пуату, проявить простую забывчивость. Но если он не забыл торжественного обещания, которое дал жене, а просто не принял его всерьез и решил прийти к ней в тот вечер в компании гостей, то был тысячу раз легкомыслен.

«Ведь нет ничего более опасного для семейного счастья, чем легкомысленное отношение к просьбам женщины, которую ты любишь и которая тебе дорога», — заключала кормилица. Она добавляла, что, несмотря на несчастья, фея Мелюзина продолжает оберегать свою любимую землю. Она присматривает за замками Портеней, Морван, Марманд и Иссуден, а также дарует благополучие очень знатным семьям, таким, как Люзиньяны, и, возможно, другим их младшим ветвям, имена которых покрыты тайной.

Однажды мадам де Сансе, проходя через кухню по пути на огород, посчитала нужным кое-что поправить в этой истории. Конечно, Люзиньяны — знатный род, но они вовсе не ведут свое происхождение от феи, которая к тому же оборачивалась русалкой.

— Мадам, они были королями Кипра и Иерусалима^[13], — заявила кормилица, прекрасно разбиравшаяся в истории рода Люзиньянов.

— Конечно, но...

— И после брака с Раймонденом^[14] она стала родоначальницей, основательницей Люзиньянского, Люксембургского и Богемского домов. Уже не одно столетие об этом утверждается во множестве книг, даже в Синей библиотеке Труа.

— Это не доказательство, — ответила мадам де Сансе. — И, во всяком случае, Фантина, даже у очень родовой семьи не может быть прародительницы-феи...

— Пусть мадам баронесса простит меня, — с большим достоинством ответила кормилица, — но если мадам баронесса отрицает происхождение семьи, в которое я верю, родственной семье мессира барона, то мадам баронесса не чувствует себя истинной пуатевинкой... И потом, посмотрите вот на нее, — Фантина бросила взгляд на Анжелику, — кто осмелится

сказать, что ее прабабкой была не фея? Даже в деревне ее называют: маленькая Фея... И говорят, что ее ручки способны успокаивать боль. Если у кого-то болит голова или у ребенка режутся зубки, ее зовут, она кладет ладошку на лоб или на щеку больному, и боль стихает... если мадам баронессе угодно знать...

Столь же упрямая, мадам де Сансе бросила взгляд на свой выводок, в чьих простодушных глазах прочитала безыскусную просьбу не сомневаться в правоте кормилицы, и не смогла удержаться от умиленной улыбки, — такими красивыми и очаровательными они выглядели. С легким вздохом она снова взялась за свою корзинку и надела большую садовую шляпу, потому что именно она заботилась о саде и огороде. Это занятие отнимало почти все ее время, но зато позволяло, несмотря на бедность, кормить многочисленных домочадцев здоровой и разнообразной пищей, составлявшей весьма существенную часть от всего стола.

***

В этом году, в начале лета, кормилица Фантина начала опасаться появления разбойников и солдат. И хотя жизнь в провинции казалась мирной, кормилица, которая догадывалась о многих вещах, «чуяла» разбойников в жарком воздухе душного лета. Она смотрела на север, на дорогу, как будто пыльный ветер приносил их запах. Ей хватало пары мелочей, чтобы догадаться о том, что происходит не только в округе, но и во всей провинции и даже в Париже.

Купив у разносчика воска и несколько лент, она могла сообщить мессиру барону самые важные новости из жизни французского королевства. Собираются ввести новый налог, во Фландрии произошло сражение, королева-мать уже не знает, где раздобыть денег,

чтобы удовлетворить жадных принцев. Она сама, властительница, живет стесненно, и кудрявый светловолосый король носит слишком короткие штаны, как и его младший брат, которого называют Маленьким Месье, потому что их дядя, Месье, брат короля Людовика XIII, еще жив.

Тем временем монсеньор кардинал Мазарини^[15] собирает безделушки и картины итальянских художников. Королева его любит. Парижский парламент недоволен. До него доносятся крики бедных крестьян, разоренных войнами и налогами. Господа из парламента облачаются в прекрасные костюмы и горностаевые мантии, садятся в роскошные экипажи и отправляются в Лувр, где живет маленький десятилетний король, который одной рукой цепляется за черное платье своей матери-испанки, а другой — за красное одеяние кардинала Мазарини, итальянца.

Великим мира сего, мечтающим только о богатстве и власти, господа из парламента доказывают, что крестьяне не в силах платить еще больше, что горожане не могут торговать с выгодой, что все изнемогают от налогов, которыми облагается каждая мелочь. Скоро нужно будет платить налог за миску, из которой мы едим?

Королева-мать не позволяет себя уговорить. Монсеньор Мазарини тоже.

Они знают, почему господ из мелочного парламента так беспокоит нищета народа — это недавние декреты, которые на четыре года упразднили жалованье всех магистратов. Жалованье, а скорее ренту, которую им платили только за то, что они давали себе труд сидеть на заседаниях да носить на голове четырехугольную шапочку.

И тогда маленького короля везут в парламент и усаживают в его королевское кресло. Звонким, хотя и неуверенным в заученном уроке голосом, он отвечает серьезным господам из парламента, что деньги нужны для армии и для мира, который он собирается подписать. Король сказал свое слово. Новый налог будет утвержден. Интенданты провинций разошлют своих сержантов. Сержанты будут угрожать. Добрые люди будут умолять, плакать, потом возьмутся за косы, поубивают чиновников и сборщиков налогов и выйдут на дорогу, чтобы присоединиться к солдатам-дезертирам. И вот тогда придут разбойники...

Кормилица чужла их запах в жарком воздухе прекрасного лета. Как и Фантина, Анжелика тоже ожидала их.

Глава 3

В тот вечер Анжелика решила половить раков с пастушком Николя. Никому не сказав ни слова, она умчалась к хижине Мерло, родителей Николя. Деревушка из трех или четырех лачуг, в одной из которых они жили, лежала у самой опушки огромного Ньельского леса. Но земля, на которой работали ее жители, принадлежала барону де Сансе.

Увидев дочь хозяина, крестьянка подняла крышку котла, кипевшего на огне, и бросила туда кусок свиного сала, чтобы суп стал понаваристее. Анжелика положила на стол птицу, которую прихватила во дворе замка. Уже не в первый раз она шла в гости к крестьянам и всегда приносила с собой маленькие подарки. Хозяева замка были единственными владельцами голубятни и курятника, что считалось их сеньориальным правом.

Папаша Мерло сидел возле очага и ел черный хлеб. Франсина, старшая из детей, подошла поцеловать Анжелику. Она была всего на два года старше хозяйской дочери, но на ее плечах уже давно лежала ответственность за маленьких братьев и обязанность работать в поле, поэтому у девочки совсем не оставалось времени ловить раков и бегать по грибы, как делал ее беспутный братец Николя. Мадам де Сансе давно хотела взять эту милую, вежливую девочку со свежими розовыми щечками горничной вместо Нанетты, которая смущала ее своей дерзостью.

Когда они поели, Николя потянул Анжелику за собой.

— Пошли в хлев, нам нужно взять фонарь.

Они вышли из дома. Ночь выдалась очень темной, к тому же собиралась гроза. Позже Анжелика вспомнила: когда она повернула голову в сторону римской дороги,

которая проходила всего в полулье от деревушки, ей почудился какой-то неясный шум.

В лесу было еще темнее.

— Не бойся волков, — сказал Николая. — Летом они не подходят так близко к деревне.

— Я и не боюсь.

Вскоре они добрались до ручья и опустили на его дно корзины с кусками свиного сала. Время от времени дети доставали тяжелые корзины, обвешенные гроздьями голубых раков, которых привлекал свет фонаря, и бросали их в заплечный короб, захваченный заранее. В эти минуты Анжелика меньше всего на свете думала о том, что сторожа замка дю Плесси могли застать одну из дочерей барона де Сансе, занимающуюся браконьерством при свете фонаря в компании малолетнего пастушка, и какой бы тогда разразился скандал.

Внезапно она выпрямилась, и Николая последовал ее примеру.

— Ты ничего не слышал?

— Да, похоже, кричали.

Дети замерли на мгновение, а потом вновь занялись своими корзинами. Но смутная тревога не покидала их и вскоре они опять прекратили работу.

— Сейчас я точно слышал, там кто-то кричит.

— Это в деревне.

Николая быстро собрал снасти и повесил короб себе за спину. Анжелика взяла фонарь. Они возвращались в деревню, бесшумно ступая по узкой, обросшей мхом, тропинке. Как только показалась опушка, их внезапно остановили розовые отблески, проникающие сквозь чащу и освещающие стволы деревьев.

— Но... но ведь еще не утро, — прошептала Анжелика.

— Нет, это пожар!

— Боже мой, а если горит твой дом? Пошли быстрее!

Но он не дал ей сдвинуться с места.

— Подожди, на пожаре так не кричат. Что-то стряслось.

Они крадучись добрались до последних деревьев. Чуть дальше широкий пологий луг спускался до первого дома, хижины Мерло, а через пятьсот шагов на краю дороги недалеко друг от друга стояли остальные три хижины. Одну из них охватил пожар. Пламя, вырываясь из крыши, освещало суетящуюся толпу людей, которые кричали и бегали, то ныряя в хижину, то вновь выбегая оттуда с грузом окороков или пытаясь вытащить из огня упирающихся коров и ослов.

Целое войско текло, словно густая черная река, со стороны римской дороги к низине. Поток, ощерившийся палками и рапирами, подошел к ферме Мерло, наводнил ее, а затем двинулся в сторону Монтелу. Николя услышал, как закричала его мать. Грянул выстрел — папаша Мерло все-таки успел снять с крюка старый мушкет и зарядить его. Но вот его вытащили во двор, словно мешок, и стали бить палками. Анжелика увидела, как женщина в одной рубашке пронеслась через двор и побежала прочь, крича и рыдая. Разбойники бросились вслед за ней. Женщина пыталась спрятаться в лесу. Анжелика и Николя, взявшись за руки, отступили и, путаясь в кустах ежевики, помчались под прикрытие леса, но вскоре опомнились и вернулись на опушку, зачарованные помимо собственной воли пламенем пожара и монотонным воем, сплетающимся из множества голосов, поднимающихся в ночное небо. У них на глазах женщину настигла погоня, и теперь ее тащили через лужайку.

— Это Полетта, — прошептал Николя.

Крепко прижавшись друг к другу, широко раскрыв глаза и почти не дыша, они смотрели из-за ствола огромного дерева на этот ужасный спектакль.

— Они забрали нашего осла и свинью, — добавил мальчик.

Наступал рассвет, бледнели отблески почти догоревшего пожара. Разбойники не стали поджигать остальные лачуги. Большая часть даже не остановилась в этой маленькой жалкой деревушке, сразу направившись в Монтелу. А те, кто все же занялся грабежом четырех хижин, уже покидали место своих злодеяний. Можно было разглядеть их изорванную одежду, худые лица и темные бороды. На некоторых были шляпы с плюмажами, а один, вероятно бывший солдат, носил на голове что-то вроде каски. Но на остальных красовались только выцветшие бесформенные лохмотья. В пришедшем с болот утреннем тумане они то и дело окликались друг друга. Теперь их оставалось немного, не больше пятнадцати. Чуть в отдалении от фермы Мерло они задержались, чтобы рассмотреть трофеи. По жестам и тону разговора можно было понять, что добыча невелика: немного сукна и несколько платков, обнаруженных в сундуках, горшки, хлеб, сыры. Один из разбойников нес окорок, на ходу откусывая от него куски. Украденный скот угнали вперед. Последние грабители собрали в два или три тюка скудную добычу и удалились, даже ни разу не оглянувшись.

Анжелика и Николая долго не решались покинуть свое укрытие за деревьями. Когда они отважились спуститься к непривычно молчаливой деревушке, роса на лужайке уже сверкала от солнечного света.

Как только они приблизились к ферме Мерло, воздух прорезали громкие крики ребенка.

— Это мой братишка, — прошептал Николая, — хорошо, что хотя бы он не умер.

Опасаясь, как бы кто-нибудь из бандитов не задержался в деревушке, они, держась за руки и останавливаясь на каждом шагу, бесшумно прокрались

во двор. Почти сразу же им под ноги попало тело папаши Мерло, который лежал, уткнувшись носом в навоз. Николая наклонился, пытаясь приподнять голову отца.

— Папа, папа, скажи, ты жив?

Затем паренек выпрямился.

— Похоже, он умер. Посмотри, какой он бледный, а ведь обычно у него пунцовое лицо.

В лачуге ребенок надрывался от крика. Лежа на развороченной кровати, он отчаянно махал ручками. Николая подбежал к нему и обнял.

— Спасибо Пресвятой Деве, с маленьким все в порядке.

Анжелика расширенными от ужаса глазами смотрела на Франсину. Маленькая девочка, бледная как смерть, с закрытыми глазами, распростерлась на полу. Ее платье было задрано до живота, а по ногам текла кровь.

— Николая, — глухо прошептала Анжелика, — что, что они с ней сделали?

Николя увидел сестру, и его лицо исказила страшная гримаса.

— Будь они прокляты, прокляты!..

Он резко протянул ребенка Анжелике.

— Держи его.

Он встал на колени около сестры, стыдливо опустил разорванную юбку.

— Франсина, это я, Николая. Ответь, ты жива?

В соседнем хлеву кто-то застонал. Согнувшись пополам и охая, в дом вошла мать Николая.

— Это вы, дети? Ах! Мои бедные крошки, мои бедные детки! Какое горе! Они украли осла и свинью, и весь наш маленький запас экю. Я же говорила муженьку, что нужно было их зарыть.

— Мама, тебе больно?

— Ничего. Я — женщина, я многое повидала. А бедняжка Франсина еще такая нежная, она может умереть после того, что они с ней вытворяли.

Она качала дочь в больших крестьянских руках и плакала.

— Где все остальные? — спросил Николая.

После долгих поисков они обнаружили троих детей — мальчика и двух девочек — в опустошенном грабителями хлебном ларе, где они прятались, пока насильовали их мать и сестру.

Тем временем пришел сосед с новостями. Жители бедной деревушки собрались, чтобы подсчитать урон. Убитых оказалось только двое: папаша Мерло и один старик, тоже пытавшийся пустить в дело свой мушкет. Других крестьян лишь крепко привязали к стульям и немного поколотили. Ни одного ребенка не зарезали, а один из арендаторов даже сумел открыть дверь хлева и выпустить коров, которых, без сомнения, будет легко отыскать. Но сколько отличного белья и одежды, оловянной посуды для очага, сыров, окороков и с трудом накопленных денег унесли грабители!

Полетта продолжала плакать и причитать.

— Их было шесть, они вшестером повалили меня на землю!

— Заткнись, — грубо прервал ее отец. — Тебе небось понравилось, ведь ты вечно шляешься с парнями по кустам. А наша корова должна была отелиться! Мне не найти новой коровы так же легко, как тебе поймать кавалера.

— Надо уходить отсюда, — сказала матушка Мерло, все еще держа на руках бесчувственную Франсину, — сюда могут заявиться те, что отстали от отряда.

— Давайте вместе с оставшейся скотиной спрячемся в лесу, как делали раньше, когда проходили армии Ришельё.

— Давайте пойдём в Монтелу.

— В Монтелу! А что, если они уже там?

— Тогда мы спрячемся в замке, — сказал кто-то.

Все тотчас согласились:

— Конечно, давайте пойдём в замок.

Древние как мир инстинкты влекли их под защиту хозяина, к господскому дому, который веками бросал тень своих стен и башен на их жизни.

Анжелика, державшая на руках ребенка, почувствовала, как ее сердце сжалось от неясных сомнений.

«Наш бедный замок, — подумала она. — Он скоро превратится в руины. Как он сможет защитить этих несчастных? Кто знает, может быть, бандиты уже у его стен? Старый Гийом со своей пикой не сможет помешать им проникнуть внутрь».

— Да, — произнесла она уверенно, — давайте пойдём в замок. Но не по дороге и не напрямик через поля. Если кто-нибудь из бандитов замешкался, мы не сможем добраться до входа. У нас есть только один шанс — спуститься к высохшим болотам и подойти к замку со стороны рва. Там есть маленькая дверца, которой никто не пользуется, но я знаю, как ее открыть.

Она не добавила, что часто удирала из дома через эту маленькую дверцу, ведущую в наполовину заваленный мусором подземный ход, и что в одном из подземелий, о существовании которых нынешние бароны де Сансе едва ли знали, был тайник, где она, по примеру колдуньи Мелюзины, готовила травы и настои.

Крестьяне доверчиво слушали. Некоторые только сейчас заметили ее присутствие, но, поскольку привыкли видеть в Анжелике фею, совсем не удивились ее появлению в час беды. Одна из женщин взяла у нее ребенка. А затем Анжелика повела свой маленький отряд окольным путем, через болота, под палящим солнцем, вдоль крутого высокого отрога, который некогда возвышался над заполненным океанскими

водами заливом Пуату. Ее лицо было измазано пылью и грязью, но она не забывала ободрять крестьян.

Она убедила их войти в узкое горло заброшенного подземного хода. Свежесть туннелей успокаивала, но темнота заставила детей заплакать.

— Тише, тише, — успокаивал голос Анжелики. — Скоро мы будем на кухне, и нянюшка Фантина накормит нас супом.

Упоминание о нянюшке Фантине всех взбодрило. Вслед за дочерью барона де Сансе крестьяне, охая и спотыкаясь, поднимались по наполовину обрушившимся лестницам, пересекали залы, заваленные отбросами, от которых разбегались крысы. Анжелика уверенно шла вперед. Это было ее царство.

Когда они добрались до большого вестибюля, их на мгновение смутили звуки голосов. Но Анжелика, так же как и крестьяне, не решалась даже подумать о том, что на замок могли напасть. Запах супа и теплого вина, доносившийся со стороны кухни, усилился. Определенно, там собралось много народа, но тихий, размеренный и даже печальный тон их разговоров указывал на то, что это не бандиты. Другие крестьяне из окрестных деревень и ферм тоже пришли спрятаться под защиту старых полуразрушенных стен.

Общий крик ужаса раздался при виде вновь прибывших, которых поначалу приняли за разбойников. Но, увидев Анжелику, кормилица бросилась к ней и сжала в объятиях.

— Птичка моя! Ты жива! Спасибо, Господи! Святая Радегунда, святой Илларий, спасибо вам!

Впервые Анжелика воспротивилась ее горячим объятиям. Она только что провела «своих» людей через болота. Долгие часы за ней по пятам следовало это жалкое сборище. Теперь она уже не ребенок! С чувством, близким к негодованию, она вырвалась из рук Фантины Лозье.

— Их надо накормить, — сказала она.

Позже, словно во сне, она увидела мать, с полными слез глазами, которая гладила ее по щекам.

— Дочь моя, сколько волнений вы нам доставили!

Потом к ней подошла худая, словно свечка, Пюльшери, с красным от слез лицом, затем отец и дед...

Анжелика нашла весьма забавной эту вереницу марионеток. Она проглотила большую чашку теплого вина и, опьянев, погрузилась в блаженное оцепенение. Окружающие обсуждали перипетии трагической ночи: на их деревню напали, дома сожгли, а синдика ^[16] выбросили из окна недавно достроенного второго этажа, которым он так гордился. А еще эти язычники-мародеры захватили маленькую церковь, украли священные сосуды и привязали кюре с его служанкой к алтарю. Эти люди одержимы дьяволом, иначе им не пришли бы в голову подобные вещи!

Перед Анжеликой сидела старуха, которая баюкала на руках свою внучку, уже большую девочку с опухшим от слез лицом. Бабушка качала головой и без остановки повторяла со смесью отвращения и страха:

— Что они с ней вытворяли! Что они с ней вытворяли! Это ужасно!..

Рассказывали о том, как насиловали женщин, избивали мужчин, уводили коров, коз. Пономарь пытался удержать своего осла за хвост, а два бандита тянули его за уши. И конечно сильнее всех при этом кричало бедное животное!

Но очень многие успели убежать. Одни — в лес, другие — на болото, но в основном люди бежали в замок. Во дворе и в залах было достаточно места, чтобы разместить уцелевшую скотину. К несчастью, их бегство привлекло к стенам замка нескольких грабителей, и, несмотря на мушкет барона де Сансе, все могло бы кончиться плохо, если бы старому Гийому

внезапно не пришла в голову великолепная идея. Повиснув на покрытых ржавчиной цепях, он сумел поднять мост. Как жестокие, но трусливые шакалы, бандиты отступили перед убогой канавой с гнилой водой.

И тут все увидели странный спектакль. Старый Гийом, стоя около галереи, выкрикивал оскорбления на своем языке и грозил кулаком вслед убежавшим оборванным фигурам. Внезапно один из разбойников остановился и закричал ему в ответ. На фоне красной от пожаращ ночи диалог на тевтонском наречии, о которое можно было сломать язык, заставил задрожать от страха всех вокруг.

Никто не знал, что именно Гийом и его земляк сказали друг другу. Но как бы то ни было, разбойники больше не возвращались к замку и с рассветом ушли из деревни. Все смотрели на Гийома как на героя, и он почивал на лаврах своих военных побед.

Этот случай убедительно доказывал, что в банду из сельских нищих и городских бедняков входили также и пришедшие с севера дезертиры.

Все они: валлонцы, итальянцы, фламандцы, жители Лотарингии и Льежа, испанцы, немцы — были солдатами армий, собранных принцами для короля. Такой калейдоскоп народов мирные жители Пуату не могли себе даже вообразить. Вскоре кое-кто стал утверждать, что среди бандитов был и поляк, один из дикарей, что недавно под предводительством кондотьера Жана де Верта^[17] резали в Пикардии грудных младенцев. Его хорошо разглядели. У него было совершенно желтое лицо, меховая шапка и, без сомнения, огромная мужская сила, знакомства с которой под конец дня не удалось избежать ни одной женщине.

***

Сгоревшие дома восстанавливали всей деревней. Из глины, смешанной с соломой и камышом быстро смастерили довольно крепкие постройки. Не пострадавший от разбойников урожай выдался богатым, что утешало крестьян. Только две девочки, в том числе и Франсина, не смогли оправиться после изнасилования. Прележав некоторое время в горячке, они умерли.

Ходили слухи, что маршальский суд ^[18] Ньора послал небольшой отряд солдат в погоню за бандой грабителей, оказавшейся разобщенной и плохо организованной.

Итак, вторжение разбойников во владения баронов де Сансе не внесло больших изменений в привычное течение жизни замка. Только старый дедушка стал еще чаще ворчать на непокорных протестантов и сокрушаться о смерти славного короля Генриха IV, в чем он видел причину всех бед.

— Эти люди олицетворяют дух разрушения. Некогда я порицал кардинала Ришельё за его жестокость, но теперь понимаю, что он был недостаточно тверд.

Анжелика и Гонтран, которые оказались единственными слушателями этой тирады, переглянулись с видом заговорщиков. Реальность ускользала от взгляда их храброго дедушки! Все внуки обожали старого барона, но редко соглашались с его устаревшими взглядами.

Мальчик, которому скоро должно было исполниться двенадцать, осмелился возразить:

— Эти разбойники, дедушка, не были гугенотами. Они католики, дезертировавшие из голодных армий, и иностранные наемники, которые, как говорят, не получили платы, а еще крестьяне, разоренные войной.

— Тогда бы они не пришли сюда. И, все же, ты не заставишь меня поверить в то, что среди них не было протестантов. В мое время армии, и правда, плохо платили солдатам, но платили регулярно. Поверь мне, у беспорядков иностранные корни, скорее всего английские или голландские. Они сплачиваются в группы и устраивают волнения лишь потому, что Нантский эдикт^[19] был слишком снисходителен к гугенотам: им оставили не только право исповедовать свою религию, но и гражданские права...

— Дедушка, а что это за права, которые оставили протестантам? — неожиданно спросила Анжелика.

— Ты слишком мала, чтобы понять, девочка моя, — произнес старый барон. Затем добавил: — Гражданские права — это то, что нельзя забрать у человека, не лишив его чести.

— Значит, это не деньги, — предположила малышка. Старый барон похвалил ее:

— Да, правильно. Анжелика, ты определенно очень умна для своего возраста.

Но Анжелика считала, что вопрос требует разъяснений.

— Тогда, если разбойники ограбят нас подчистую и разденут догола, у нас все равно останутся наши гражданские права?

— Правильно, дочь моя, — ответил ее брат.

Но в его голосе звучала ирония, и она спросила себя, не насмеяется ли он над ней.

О Гонтране не знали, что и думать. Он рос замкнутым и молчаливым ребенком. Не имея возможности слушать наставника дома или ходить в коллеж, он вынужден был довольствоваться скудными знаниями, получаемыми от школьного учителя и деревенского кюре. Очень часто он уходил к себе на чердак, чтобы давить красную кошениль или растирать

цветную глину и рисовать странные творения, которые он называл «картинами» или «живописью». Небрежный к своему внешнему виду, как и все дети де Сансе, он порой упрекал Анжелику за то, что она жила словно маленькая дикарка и не умела держать себя, как подобает дворянке.

— А ты не так глупа, как кажешься, — сделал он тогда комплимент сестре.

***

Уже какое-то время старый барон прислушивался к звукам со двора, откуда доносился шум перепалки и крики, смешанные с кудахтаньем испуганных кур. Затем послышался топот чьих-то ног, а в яростных воплях стал различим голос Гийома. Стоял тихий летний день, и остальных домочадцев не было в замке.

— Не бойтесь, дети мои, — сказал дедушка, — это нищие, которые пришли просить подаяние...

Но Анжелика уже выскочила на крыльцо и закричала:

— На папашу Гийома напали! Его хотят убить!

Прихрамывая, барон направился за ржавой саблей, а Гонтран уже возвращался с кнутом, которым усмиряли собак. Едва выйдя на порог, они увидели вооруженного пикой старого слугу и стоящую рядом с ним Анжелику.

Противник тоже стоял неподалеку, держась вне досягаемости по другую сторону подъемного моста, но все еще враждебно настроенный. Это был одетый в темный костюм худой высокий парень. Он казался взбешенным, но пытался придать себе строгий и официальный вид.

Гонтран тотчас опустил кнут и повлек деда назад, шепча:

— Это сборщик налогов. Его уже много раз прогоняли...

Посрамленный чиновник, который отступил, хотя и не собирался уходить, воспрянул духом, увидев неуверенность вновь прибывших. Он замер на почтительном расстоянии, вынул из кармана сильно измятый в сражении свиток бумаги и со вздохом стал любовно разворачивать его. Затем, напустив на себя высокомерный вид, начал читать судебный акт, по которому барон де Сансе должен был незамедлительно оплатить сумму в 875 ливров, 19 су и 11 денье за задержанную талью его издольщиков, десятую часть сеньоральной ренты и королевский налог, пошлину на выпас кобыл, «пыльное право» за стада, проходящие по королевской дороге, и штраф за просрочку выплаты.

Лицо старого сеньора покраснело от гнева.

— Ты, верно, воображаешь, наглец, что дворянин бросится платить, едва услышав весь этот вздор, словно простой виллан?

— Вы, возможно, не знаете, что мессир барон, ваш сын, до сих пор вполне прилежно уплачивал ежегодные пошлины, — сказал человек, почтительно согнувшись в поклоне. — Пожалуй, я вернусь, когда он будет дома. Но предупреждаю вас, если завтра в это время его уже в четвертый раз не будет на месте, и он не внесет положенную плату, я тотчас же заявлю на вас в суд, и ваш замок, и вся мебель пойдут с молотка в уплату долгов перед короной.

— Вон отсюда, прихвостень королевских ростовщиков!

— Господин барон, предупреждаю вас, что я — слуга закона и меня могут назначить для исполнения приговора.

— Для исполнения нужно судебное решение, — провозгласил старый дворянин.

— Если вы не заплатите, судебное решение не заставит себя ждать, поверьте мне...

— Как мы можем заплатить, если у нас ничего нет!
— закричал Гонтран, видя смущение старика. — Раз вы
— судебный исполнитель, то должны засвидетельствовать, что разбойники увели у нас жеребца, двух ослиц и четырех коров, а как сборщик налогов вы наверняка знаете, что самую большую сумму составляет долг издольщиков моего отца. Он до сих пор платил за бедных крестьян, хотя и не обязан это делать. К тому же наши крестьяне пострадали от нападения разбойников еще сильнее нас, и теперь, после грабежа, мой отец не сможет оплатить ваш счет...

Разумные слова произвели на посланца налоговой палаты куда большее впечатление, чем брань старого барона. Бросая осторожные взгляды в сторону Гийома, он подошел поближе и более спокойным, почти сочувствующим, но твердым тоном объяснил, что он всего лишь предъявляет полученные от налоговой палаты требования. По его уверению, единственное, что смогло бы отсрочить конфискацию, — это прошение главному интенданту налоговой палаты от лица интенданта Пуатье.

— Между нами, — добавил судейский чиновник, заставив дедушку скривиться от отвращения, — между нами, я открою вам, что даже мое непосредственное начальство — прокурор и налоговый контролер — не уполномочены предоставить вам отсрочку или освобождение от податей. Но вы ведь все-таки дворянин и у вас должны быть знакомые из высшего света. Мой вам дружеский совет — воспользуйтесь их помощью!

— Не думайте, что мне льстит считаться вашим другом, — желчным тоном заметил барон де Ридуэ.

— Я хочу, чтобы вы повторили мои слова вашему сыну. Посмотрите вокруг, не только вы живете в нищете! Уж не думаете ли вы, что я развлекаюсь, бродя

по округе, словно привидение, и получая тумачи, словно паршивая собака? Ну что ж, удачи вам и не поминайте лихом!

Он надел шляпу и, прихрамывая, ушел, расстроено рассматривая широкий рукав короткого плаща, порванный во время драки.

Старик-барон, также хромя, удалился. Вслед за ним молча ушли Гонтран и Анжелика. Старый Гийом, продолжая спорить с воображаемыми врагами, понес свое древнее копьё к себе в логово, хранилище исторических обломков.

Дедушка, возвратившись в гостиную, принялся ходить взад и вперед, и дети долго не осмеливались заговорить с ним. Наконец голос маленькой девочки нарушил тишину вечерних сумерек:

— Скажи, дедушка, если разбойники оставили нам гражданские права, не унес ли их сегодня с собой этот черный человек?

— Ступай к матушке, — сказал старик внезапно задрожавшим голосом.

Он вернулся к своему высокому креслу, покрытому истертым гобеленом, и не произнес больше не слова.

Анжелика сделала реверанс, и дети удалились.

***

Когда Арман де Сансе узнал о приеме, оказанном сборщику налогов, он вздохнул и долго тербил маленькую бородку клинышком, которую он носил под нижней губой по моде короля Людовика XIII.

К любви, которую Анжелика испытывала к отцу, примешивалась некоторая покровительственность. Она хотела помочь ему и избавить от — как он говорил — «обременяющих его забот».

Чтобы поднять многочисленный выводок, этот сын разорившихся дворян вынужден был отказаться от всех

удовольствий своего сословия. Он редко путешествовал и почти не охотился, в отличие от соседей, мелких помещиков, которые будучи не богаче его самого, предпочитали черпать утешение в охоте на оленей и кабанов, зайцев и молодых куропаток.

Все время Арман де Сансе посвящал хозяйственным хлопотам. Он одевался едва ли лучше крестьян и, так же как они, насквозь пропах навозом и конюшной. Барон любил своих детей. Они были его радостью и гордостью. В них заключался смысл всей его жизни. Для Армана де Сансе на первом месте всегда стояли дети. После них шли мулы. Уже какое-то время он лелеял мечту о разведении этих вьючных животных, не таких нежных, как лошади, и более выносливых, чем ослы. Но бандиты увели у него лучшего жеребца-производителя и двух ослиц^[20]. Это была катастрофа, и он даже подумывал продать оставшихся мулов и надел, который он сохранял только ради них.

На следующий день после визита сержанта барон Арман тщательно заточил гусиное перо и устроился перед бюро, решившись составить для короля прошение об освобождении от ежегодных налогов. В письме он собирался описать в какой нищете живет, несмотря на дворянский титул.

Сначала он просил извинить его за то, что может назвать лишь девять живых детей, но утверждал, что, без сомнения, их будет больше, потому что «он и его жена еще молоды и охочи к этому». В продолжении речь шла о его немощем отце, оставшемся без пенсии, которую он заслужил как полковник армии при Людовике XIII. Сам барон служил капитаном и мог бы получить повышение, но вынужден был оставить королевскую службу, потому что его жалованья офицера королевской артиллерии, 1700 ливров в год, «было не достаточно, чтобы удержаться на службе». Он

упомянул также, что на его плечах лежит ответственность за двух старых тетушек, «способных лишь на смиренный труд, так как из-за отсутствия приданого для них не нашлось ни мужей, ни монастыря». На его содержании находилось четверо слуг, в том числе старый солдат без пенсии. Два старших мальчика учились в коллеже, что стоило 500 ливров в год только за обучение. Чтобы отправить дочь в монастырь, требовалось еще 300 ливров.

В заключение он писал, что долгие годы платит налоги своих издольщиков, чтобы удержать их на плаву, и теперь задолжал налоговой палате, которая требовала 875 ливров 19 су и 11 денье только за текущий год. Таким образом, его доход, едва ли достигающий 4000 ливров в год, должен кормить девятнадцать человек и поддерживать дворянское положение, когда, в добавление ко всем несчастьям, разбойники бесчинствуют на его землях, грабя и убивая, погружая оставшихся в живых издольщиков в еще большую нищету. Наконец, он взывал к королевской доброте и просил отсрочки выплаты налогов, аванса или пособия в размере тысячи ливров, умолял о «королевской милости» принять в качестве знаменщика в поход на Америку или Индию его старшего сына, «шевалье», обучавшегося логике у отцов-августинцев, которым он, к слову, тоже задолжал за целый год.

Барон добавлял, что со своей стороны готов принять любую должность, приличествующую его дворянскому происхождению, лишь бы только она позволила ему прокормить близких, потому что его земли, даже если пустить их на продажу, не смогут окупить всех затрат...

Посыпав песком длинное письмо, составление которого заняло несколько часов и далось ему с большим трудом, Арман де Сансе написал записку своему покровителю и кузену, маркизу дю Плесси-

Бельер, в которой просил вручить прошение королю или королеве-матери, сопроводив его лестными рекомендациями.

Он закончил учтивой фразой:

«Мессир, я с радостью жду скорой встречи с вами, и если вы найдете возможность посетить нашу провинцию, к вашим услугам будут мои мулицы^[21], среди которых есть превосходные экземпляры, а к столу — фрукты, каштаны, сыр и творог».

***

Через несколько месяцев бедному барону Арману де Сансе пришлось добавить к списку неприятностей еще одну.

Как-то вечером на дороге послышался стук лошадиных копыт, затем на старом подъемном мосту всполошились индюки. Во дворе залаяли собаки. Анжелика, стараниями тети Пюльшери сидевшая в комнате за вышиванием, тут же бросилась к окну.

Она увидела лошадь, с которой слезали два долговязых худых всадника, одетых в черное, а по тропинке вслед за маленьким крестьянским пареньком шел мул, склонившись под тяжестью тюков.

— Тетя! Ортанс! — закричала она. — Смотрите! Мне кажется, это наши братья, Жослен и Раймон.

Две маленькие девочки вместе со старой девой быстро спустились вниз. Они появились в гостиной, когда школяры приветствовали дедушку и тетю Жанну. Со всех сторон сбегались слуги. Тут же послали в поле за мессиром бароном, и в огород — за мадам.

Подростки с некоторым смущением наблюдали за всей этой суетой.

Одному уже исполнилось пятнадцать, другому — шестнадцать лет, но их часто принимали за близнецов

из-за внешнего сходства и одинакового роста. У каждого был смуглый матовый цвет лица, серые глаза и черные жесткие волосы, которые спускались на мятый и испачканный белый воротничок школьной формы. Они отличались только выражением лица. В Жослене было больше решимости, в Раймоне — больше скрытности. Пока они односложно отвечали на вопросы дедушки, кормилица, вне себя от счастья, постелила на стол красивую скатерть и принесла горшки с пирогами, хлеба, масла и котелки с первыми каштанами. Глаза подростков засверкали. Не в силах больше ждать, они уселись за стол и начали есть так жадно и неаккуратно, что привели Анжелику в восторг.

Она заметила, что братья худые и бледные, а их саржевые костюмы протерлись на локтях и коленях. Разговаривая, они опускали глаза. Казалось, никто из них не узнавал ее. Раймон носил на поясе пустой рог. Она спросила у брата, для чего это.

— Для чернил, — важно ответил он.

— А я свой выбросил, — сказал Жослен.

Появились отец и мать с канделябрами в руках. Барон, несмотря на радость, выглядел немного обеспокоенным.

— Неужели это вы, мальчики мои? Вы ведь даже летом не приезжали. Что за странное время вы выбрали для каникул?

— Мы не приехали летом, — объяснил Раймон, — потому что у нас не было ни единого су, чтобы нанять лошадь или хотя бы сесть в карету, которая идет от Пуатье до Нюра.

— И если теперь мы здесь, то вовсе не потому, что стали богаче, — продолжил Жослен.

— ...А потому что отцы-августинцы выгнали нас вон, — закончил Раймон.

Повисло напряженное молчание.

— Святой Дени! — воскликнул дедушка. — Мессирь, какую глупость вы совершили, что вам пришлось нести за нее такое тяжелое наказание?

— Никакой, но вот уже почти два года, как августинцы не получали за нас плату. Они заявили нам, что другие воспитанники, чьи родители щедрее, нуждались в наших местах...

Барон Арман принялся ходить взад и вперед, что выдавало его сильное волнение.

— Нет, это абсолютно невозможно! Если вы не совершили недостойного поступка, отцы не могли так бесцеремонно выкинуть вас за дверь: ведь вы — дворяне! Может быть, отцы не знают...

Жослен, старший сын, гневно возразил:

— Нет, отцы все прекрасно знают, и я даже могу повторить вам слова эконома, которые он бросил нам вслед: он сказал, что дворяне платят хуже всех и если у них не хватает денег, нужно привыкать обходиться без латыни и других наук.

Старый барон распрямил впалую грудь.

— Я не могу поверить, что вы говорите правду: ведь у Церкви и дворянства одна цель, а сегодняшние школяры — будущий цвет королевства. И смиренные отцы знают это лучше, чем кто бы то ни было!

На этот раз, уперев взгляд в землю, ответил второй мальчик, Раймон, собиравшийся стать священником:

— Отцы учили нас, что Бог помогает избранным, и мы, наверное, недостойны...

— Избавь нас от этих глупостей, Раймон! — прервал его брат. — Уверяю тебя, сейчас для них не время. Если ты хочешь стать нищим монахом, так тому и быть! Но я — старший сын, и дедушка прав, Церковь должна уважать меня, меня и всех остальных дворян! И если теперь она предпочитает нам простолюдинов, сыновей буржуа и лавочников, — ее право. Она сама ведет себя к гибели и разрушению!

Оба барона вскрикнули одновременно:

— Жослен, не богохульствуй!

— Я не богохульствую, я говорю правду. В моем классе логики, где я самый младший и второй по успеваемости среди тридцати учеников, ровно двадцать пять сыновей буржуа и чиновников, которые платят звонкой монетой, и пять дворян, из которых только двое вносят деньги в срок...

Арман де Сансе попытался ухватиться за слабое утешение его задетой гордости.

— Значит, еще двоих дворян выгнали вместе с вами?

— Ничуть. Родители этих должников — важные люди, которых отцы боятся.

— Я запрещаю тебе так отзываться о наставниках, — сказал барон Арман, в то время как его старый отец пробурчал, словно обращаясь к самому себе:

— Какое счастье, что король умер и не видит всего этого!

— Да, это счастье, дедушка, вы правы, — с насмешкой произнес Жослен. — Правда, именно смелый монах убил Генриха IV.

— Жослен, замолчи, — неожиданно заявила Анжелика. — Ты не силен в речах, и когда говоришь, походишь на жабу. И кроме того, монах убил Генриха III, а не Генриха IV^[22].

Подросток вздрогнул и с удивлением посмотрел на кудрявую девчонку, которая невозмутимо осмеливалась возражать ему.

— Ах, это ты, лягушка, болотная принцесса, Маркиза Ангелов! Надо сказать, что я совсем забыл тебя приветствовать, сестренка.

— Почему ты называешь меня лягушкой?

— Потому что ты назвала меня жабой. И к тому же раньше ты вечно пропадала в зарослях и болотных

камышам. Или теперь ты стала такой же чопорной воображалой, как Ортанс?

— Надеюсь, что нет, — скромно ответила Анжелика. Ее вмешательство ослабило напряжение.

Между тем братья закончили есть, и кормилица убрала со стола.

Обстановка оставалась гнетущей. В смятении каждый искал выход из новой ловушки, которую подстроила им судьба. В тишине закричал малыш. Мать, тетушки и даже Гонтран воспользовались поводом, чтобы «пойти посмотреть, что случилось». Но Анжелика осталась вместе с двумя баронами и старшими братьями, вернувшимися из города в столь жалком виде.

Она спрашивала себя, не потеряли ли они теперь свою честь. Анжелике очень хотелось задать вопрос, но у нее не хватало на это духу. Братья внушали ей что-то похожее на презрение и жалость.

Старый Лютцен, который отсутствовал во время появления мальчиков, принес новые канделябры в честь путешественников. Неловко обнимая старшего, он немного закапал его воском. Младший с пренебрежением уклонился от суровой ласки. Но старый солдат не обиделся и тут же радостно изрек:

— В самое время вы вернулись, мальчики! Зачем вам твердить латынь, когда вы едва способны писать на родном языке? Когда Фантина поведала мне, что молодые хозяева приехали домой навсегда, я сразу же сказал себе, что мессир Жослен теперь сможет наконец отправиться в море...

— Сержант Лютцен, я должен напомнить вам о дисциплине? — внезапно сухо произнес старый барон.

Гийом не стал настаивать и замолчал. Анжелику удивили прозвучавшие в голосе деда высокомерие и тревога. Тот повернулся к старшему внуку.

— Я надеюсь, Жослен, ты отказался от детской мечты стать моряком?

— А почему я должен от нее отказаться? Мне даже кажется, что теперь у меня нет другого выбора.

— Пока я жив, ты не станешь моряком. Что угодно, но только не это! — И старик стукнул тростью по выщербленным плиткам пола.

Жослена, казалось, ошеломило внезапное упорство деда, направленное против взлелеянной мечты подростка, ведь именно она позволила ему без огорчения встретить новость об унижительном исключении.

«Закончились отченаши и латинская зубрежка, — думал он. — Теперь я — мужчина и буду плавать на королевских судах».

Арман де Сансе попытался вмешаться:

— Полноте, отец, откуда такая непримиримость? Этот вариант ничуть не хуже остальных. Должен признаться, что в прошении, которое я недавно послал королю, я попросил помимо всего прочего помочь моему старшему сыну устроиться на каперское судно или военный корабль.

Но старый барон гневался. Никогда Анжелика не видела его таким сердитым, даже во время перепалки со сборщиком налогов.

— Мне претят те, кому родная земля жжет пятки. За морями нет золотых гор, а только голые дикари с татуированными руками. Старший сын дворянина должен служить в королевской армии. Это все.

— Я и не прошу большего, чем служить королю. Но я хочу служить ему на море, — возразил мальчик.

— Жослену шестнадцать лет. Самое время выбирать свой собственный путь, — неуверенно продолжил его отец.

Выражение боли промелькнуло на окруженном короткой белой бородой морщинистом лице. Старик

поднял руку.

— Да, что есть, то есть. Кое-кто до него уже выбрал свой собственный путь. Неужели и вы хотите разочаровать меня, сын мой? — добавил он с глубокой грустью.

— Я далек от мысли навевать вам тягостные воспоминания, отец мой, — попытался защититься барон Арман. — Сам я никогда и не помышлял об отъезде, и не выразить словами, как сильна моя привязанность к земле Пуату. Но я помню, каким шатким и ненадежным было мое положение в армии. Даже дворянин не способен достичь каких-нибудь высот, если у него нет денег. Я ходил по уши в долгах и порой, чтобы удержать душу в теле, продавал все свое снаряжение — лошадь, палатку, оружие, и даже закладывал собственного слугу. вспомните, сколько отличных земель вам пришлось продать, чтобы я не потерял место?

Анжелика с большим интересом следила за разговором. Она никогда не видела моряков, но до их земель по долинам Севра и Вандеи порой долетал призывный океанский ветер. Ей говорили, что с побережья от Нанта до Ла-Рошели, из Ле-Сабль-д'Олона, рыболовецкие суда отплывают в далекие земли, где можно встретить людей, красных как огонь или полосатых как дикие кабанчики. Рассказывали даже, что бретонский матрос из Сен-Мало привез во Францию дикарей, у которых на голове росли перья, словно у птиц.

В тот вечер она долго не могла заснуть в своей большой постели в комнате на вершине башни.

Ее жгло нетерпение. Вырасти! Вырасти!

Когда она станет взрослой, ничто не сможет ей помешать сесть на корабль и уплыть за море в поисках чудес, которые ждут ее в неведомых странах.

Глава 4

Мадам де Сансе надела соломенную шляпу с большими полями поверх легкой косынки, покрывавшей ее волосы, и уже собиралась выйти в сад, когда шум драки заставил ее вернуться в столовую замка. Там она застала Гонтрана, дравшегося с чумазым крестьянским мальчишкой. Анжелика восседала там же и наблюдала за поединком с видом судьи. Изгнание двух ее старших сыновей из монастырского коллежа все еще тяжелым камнем лежало на сердце баронессы, и бедная женщина, не в силах более сдерживаться, дала волю гневу.

— Сколько раз тебе говорить, Гонтран, что маленькие оборванцы тебе не компания. Это в еще большей мере относится к Анжелике! Убирайся отсюда сейчас же, негодник! — обратилась баронесса к мальчишке.

Тот бросил косой взгляд на владелицу замка, одетую в платье неопределенного цвета и стоптанные туфли, затем спокойно почесал взлохмаченную голову и ответил:

— Сначала мне нужно поговорить с мессиром бароном. Меня прислал управляющий замка. Он просил передать, что дело срочное. Вот его послание.

Мальчуган протянул измятый лист бумаги без конверта и печати, очевидно, когда-то сложенный вчетверо. Управляющий соседнего замка, мэтр Молин, просил барона де Сансе оказать ему честь и навестить его в его доме для обсуждения важного и срочного дела. Прочитав послание, баронесса сначала нервно скомкала его, но затем попыталась разглядеть.

Когда мальчишка ушел, мадам де Сансе обратилась к детям с плохо скрываемым огорчением:

— Нет, это просто неслыханно! В какие времена мы живем! Какова дерзость — простолюдин Молин, всего лишь эконом-гугенот, осмеливается запросто вызвать к себе запиской вашего отца — дворянина и прямого потомка Годфрида Бульонского! О, я уже слышу, как мой добрый Арман говорит мне, что «этот визит не женского ума дело», однако не представляю себе, какие достойные дела могут связывать потомственного дворянина с управляющим соседнего замка. Опять, должно быть, эти мулы! Я бы еще поняла необходимость такого визита, если бы речь шла о лошадях. Ведь моя семья всегда отличалась широтой взглядов, и мы никогда не краснели из-за того, что произошли от благословенного Клода Гуфрье, который в прошлом веке был конюшим короля Генриха II^[23]. Но мулы и ослы!

Я все чаще задумываюсь над тем, не будет ли лучше для всех нас, если ваш батюшка обратится к его величеству с прошением вновь вернуться на королевскую службу. Будучи приближенным ко двору, можно заработать целое состояние, если посчастливится понравиться королю. Такое решение мне представляется более разумным, нежели оставаться в деревне и быть привязанным к земле, быть в ответе за крестьян, терпеть самодовольных издольщиков, которые мнят, что им все позволено... Нет, решено, на этот раз я обязательно должна поговорить с вашим отцом!

Анжелика и Гонтран слушали мать с некоторым удивлением. Они не привыкли, чтобы она произносила такие длинные возмущенные тирады. Обычно баронесса была мягкой, сдержанной и от природы терпеливой. Однако позор, постигший старших сыновей, заставил ее потерять хладнокровие и всколыхнул в ней обиду,

зревшую, должно быть, в ее душе на протяжении долгого времени лишений и скорби.

Внезапно мадам де Сансе поняла, что чересчур вспыхнула перед детьми. Ее глаза наполнились слезами.

Смущенные Гонтран и Анжелика избегали смотреть на мать. Несмотря на то, что дети барона росли как маленькие дикари, все они умели сдерживать свои чувства, и эти непривычные обвинения, исходившие от матери, привели их в замешательство.

Мадам де Сансе попыталась исправить положение.

— Вы все еще здесь, дети? Подите-ка, пока светло, порезвитесь на свежем воздухе, побегайте по полям...

Гонтран раздраженно ответил:

— Но матушка, всего лишь пять минут назад вы обвиняли нас в том, что мы ведем себя как крестьяне, а теперь посылаете нас бегать по полям с пастухами?

— По-моему, такое занятие предпочтительнее праздного сидения в доме. И что хорошего в том, что вы прячетесь ото всех в ваших тайных укрытиях? Я не имею ни малейшего представления, что вы там делаете. Подобное затворничество в вашем возрасте ни к чему хорошему не приведет.

— Я рисую и занимаюсь скульптурой, — заявил Гонтран со спокойным достоинством.

Его глаза засверкали.

— Хотите, я покажу вам мои работы?

Не дожидаясь ответа, он выбежал в коридор, куда за ним вынужденно последовали мать и сестра.

Гонтран подбежал к своему сундуку и вытащил оттуда какой-то деревянный предмет и лист бумаги. Впервые он предложил семье посмотреть свои работы. Слова матери глубоко тронули мальчика, и, не отдавая себе отчета, он ощутил потребность немного отвлечь ее от горестных мыслей.

— Посмотрите, это старый Гийом.

Как и подобает заботливой матери семейства, баронесса принялась внимательно разглядывать протянутую сыном фигурку, вырезанную ножом из корня грушевого дерева. Ее сердце разрывалось от смутения и ощущения беспомощности. Что могла она поделаться со своими нетерпеливыми и непокорными отпрысками, которые уже сейчас имели собственное представление о будущем!

Она отметила, что лицо старого Гийома имело явное сходство с оригиналом. Но почему Гонтран хочет стать художником? Это не занятие для дворянина, даже если он и младший в семье. Конечно, мадам де Сансе знала, что знаменитые мастера жили, например, при дворах в Париже и Риме, но, все равно в ее глазах все они стояли на одной ступени с театральными актерами и ярмарочными фиглярами. Она не знала ни одного художника - дворянина.

— А вот портрет Анжелики, — сказал мальчик, протягивая ей лист бумаги.

На цветном рисунке был изображен юный пират, с лицом, обрамленным огненной шевелюрой в фетровой шляпе с перьями. В одной руке пират держал пистолет, в другой — обнаженную саблю.

— Как ты можешь утверждать, что здесь изображена твоя сестра? — запротестовала мать. — Ведь Анжелика такая хорошенькая! Да будет на то воля Божья, она сделает прекрасную партию и выйдет замуж за наследника благородного старинного рода.

— А если Бог пожелает, чтобы она стала главарем разбойников?

— Гонтран! Иногда я сомневаюсь, в своем ли ты уме! Анжелика, ты не хочешь возразить брату?

Анжелика улыбнулась. На самом деле девочке льстило, что он видел ее главарем банды, но ей не хотелось начинать новый спор, который мог огорчить мать.

Уткнувшись носом в оконное стекло, она ждала возвращения отца. Едва завидев, как он идет по грязной дороге, опираясь на трость с серебряным набалдашником — его единственный предмет роскоши, — она тут же проскользнула в кухню, быстро обулась и надела накидку. Отца она настигла уже в конюшне, где он, узнав о приглашении Молина, готовился седлать лошадь.

— Не позволите ли вы мне сопровождать вас, батюшка? — спросила Анжелика, улыбнувшись одной из своих самых очаровательных улыбок.

Эта просьба не была лишена лукавства: хотя Анжелика по-настоящему любила общество своего отца, человека доброго и спокойного, на чьем загорелом лбу ежедневные заботы уже прорезали глубокие морщины, ее всегда неудержимо влекло к границам владений Плесси, где мэтр Молин был управляющим.

Отец не смог отказать и усадил ее в седло.

Анжелика была его любимой дочерью, он считал ее красавицей и иногда позволял себе помечтать о том, что когда-нибудь она выдет замуж за герцога.

Стоял ясный осенний день, и на фоне голубого неба полыхали багрянцем вершины лесных деревьев, с которых еще не облетела листва.

Проезжая мимо ограды замка Плесси, Анжелика пригнулась, чтобы лучше рассмотреть в глубине каштановой аллеи очертания восхитительного белого здания, отражающегося в пруду, словно волшебное облако. Вокруг стояла тишина, замок в стиле Ренессанс, покинутый хозяевами, которые предпочитали жить при дворе, казалось, уснул, окруженный таинственными садами и парками. По его пустынным аллеям прогуливались лани, забредшие сюда из Ньельского леса, густая чаща которого начиналась сразу за замком.

Жилище управляющего Молина находилось чуть поодаль, примерно в полулье от поместья, у одного из

входов в парк. Красивый дом из красного кирпича, покрытый крышей из синего шифера, в своей буржуазной добротности походил на надежного стража, охраняющего прекрасный дворец, итальянское изящество и легкость которого все еще удивляли местных жителей, привыкших к замкам с мрачными донжонами и укрепленными башнями.

Управляющий был под стать дому. Солидный и богатый, прочно утвердившийся в своих правах и в своей значимости, мэтр Молин больше походил на хозяина обширных владений Плесси, чем вечно отсутствующий законный обладатель замка. Лишь иногда, раз в два года, осенью, в охотничий сезон, или весной, в пору цветения ландышей, толпы сеньоров и дам обрушивались на Плесси вместе с их каретами, лошадьми, борзыми и музыкантами. Несколько дней проходили в нескончаемой веренице праздников и развлечений, приводивших в изумление небогатых соседей-дворян, которых иногда приглашали принять участие в забавах претенциозного общества исключительно ради того, чтобы посмеяться над ними. После окончания праздников нарядная и шумная кавалькада гостей возвращалась в Париж, а замок вновь погружался в тихую дрему под неусыпным оком сурового управляющего.

Услышав цокот копыт, Молин вышел во двор и с привычной угодливостью лакея несколько раз низко поклонился. Анжелика, зная, каким непреклонным и надменным может быть этот человек, осталась равнодушной к столь чрезмерным проявлениям учтивости, но барону Арману они явно пришлись по душе.

— Сегодня утром у меня выдалось немного свободного времени и я решил не заставлять вас ждать, мэтр Молин.

— Премного благодарен, мессир барон. Признаться, я опасался, что вы сочтете приглашение, которое я передал через слугу, недостаточно учтивым.

— Меня оно нисколько не оскорбило. Я знаю, что вы избегаете показываться у меня в замке из-за моего отца, который упорствует, видя в вас опасного гугенота.

— Мессир барон весьма проницателен. И в самом деле, я не хотел доставить неудовольствие ни мессиру де Ридуэ, ни мадам баронессе, зная ее набожность. Именно поэтому я предпочитаю принять вас у себя и надеюсь, что вы и маленькая мадемуазель окажете мне честь разделить с нами трапезу.

— Я уже не маленькая, — живо возразила Анжелика. — У нас есть Мадлон, Дени, Мари-Аньес, Альбер и еще ребеночек, который недавно родился, — они все младше меня!

— Покорнейше прошу мадемуазель Анжелику меня извинить. Быть старшей в семье непростая задача, требующая зрелости ума и смелости суждений. Я был бы счастлив, если бы моя дочь Бертий была вашей подругой, но, увы, ее школьные наставницы утверждают, что у нее куриные мозги и ничего толкового из нее не получится.

— Вы преувеличиваете, — вежливо запротестовал барон Арман.

«На этот раз я согласна с Молином», — подумала Анжелика, которая терпеть не могла дочку управляющего, маленькую смуглую притворщицу.

А вот в отношении самого управляющего ее чувства были менее определенными. Вообще-то он казался ей человеком малоприятным, но в то же время она не могла не испытывать к нему определенного уважения, причиной которого, без сомнения, являлись его прочное положение и комфортабельный дом. Одежда мэтра Молина, неизменно темная, шилась из дорогих тканей и

отдавалась, вернее, распродалась, не успев сноситься. Он носил туфли с пряжками на довольно высоком, как того требовала новая мода, каблуке. Кроме того, в его доме великолепно готовили. Маленький носик Анжелики затрепетал, едва они вошли в примыкающую к кухне переднюю залу, пол которой был выложен плитам и сверкал чистотой. Госпожа Молин опустилась в глубоком реверансе, буквально утонув в многочисленных юбках, а затем снова занялась приготовлением сладких пирожных.

Управляющий проводил гостей в небольшой кабинет, куда принес свежей воды и графин вина.

— Мне нравится это вино, — произнес он, поднимая бокал, — оно из винограда, растущего на холме, который долгое время был заброшен. Но приложив немало сил и заботы, я сумел уже прошлой осенью собрать с этого участка хороший урожай. Вина Пуату ценятся не столь высоко, как вина Луары, но они обладают определенной изысканностью.

Помолчав немного, он добавил:

— Я бы хотел еще раз повторить, мессир барон, как я счастлив, что вы оказали мне честь и сочли возможным лично ответить на мое приглашение. Я вижу в этом залог того, что дело, о котором пойдет речь, имеет шансы на успех.

— Уж не испытываете ли вы меня?

— Не судите меня строго, мессир барон, я ведь человек не слишком ученый. Я получил всего лишь скромное образование в деревенской школе. Однако должен вам признаться, что высокомерие некоторых дворян никогда не являлось в моих глазах доказательством их ума. А для того чтобы говорить о делах, даже самых незначительных, требуется ум.

Сельский дворянин откинулся на спинку мягкого стула и с любопытством посмотрел на управляющего. Он немного беспокоился, не зная, о чем собирается

говорить его собеседник, чья репутация не была безупречной. Полагали, что он очень богат. Поначалу он жестоко обходился с крестьянами и издольщиками, но последние годы старался быть более снисходительным даже к последним беднякам. Никто не знал причин внезапного превращения и странной доброты. Крестьяне ему не доверяли, однако с тех пор, как он уладил все противоречия по поводу налогов и других повинностей, налагаемых королем и маркизом дю Плесси-Бельер, к нему стали относиться с уважением.

Злые языки поговаривали, что он поступил таким образом для того, чтобы разорить своего вечно отсутствующего хозяина. Тем более что жена и сын маркиза интересовались усадьбой не больше, чем он сам.

— Ходят слухи, что вы скоро приберете к рукам все владения Плесси, — произнес Арман де Сансе несколько резко.

— Чистая клевета, мессир барон. Я не только очень дорожу честью быть преданным слугой господина маркиза, но также не вижу для себя никакого интереса в подобном приобретении. И дабы окончательно рассеять ваши сомнения, признаюсь — и в этом нет никакого секрета — поместье уже заложено!

— Только не предлагайте мне его купить, у меня на это нет средств...

— Я далек от подобных мыслей, мессир барон... Еще немного вина?

Анжелика, которую разговор взрослых перестал интересовать, тихонько выскользнула из кабинета и направилась в большую залу, где в самом углу, на массивном столе, госпожа Молин раскатывала тесто для огромного пирога. Она улыбнулась девочке и протянула коробочку, из которой исходил чудесный аромат.

— Вот возьмите, деточка, попробуйте. Это засахаренный дягиль, ваш тезка. Я сама его готовлю на настоящем белом сахаре. Он получается у меня намного вкуснее, чем у монахов в аббатстве, потому что они используют неочищенный сахар. А еще хотят, чтобы парижские кондитеры оценили их варево, потерявшее всякий аромат потому, что готовится в огромных, плохо вымытых котлах, в которых до этого варились суп и кровяная колбаса!

Анжелика слушала, с наслаждением жуя зеленые липкие стебельки. Вот, оказывается, во что превращаются после варки высокие и крепкие болотные растения с горьковатым запахом.

Девочка с восхищением осматривалась вокруг. Мебель блестела. В углу стояли часы — изобретение, которое дедушка называл бесовским. Чтобы получше их разглядеть и вслушаться в их таинственное тиканье, Анжелика приблизилась к кабинету, где продолжалась беседа. До нее донеслись слова отца:

— О святой Дени! Молин, вы приводите меня в замешательство! О вас, конечно, много всего болтают, но единогласно сходятся на том, что вы серьезный, деловой человек, обладающий незаурядной интуицией. Однако то, что я только что услышал из ваших уст, — самая настоящая утопия!

— Позвольте спросить, мессир барон, что из сказанного сейчас мной вы находите таким безрассудным?

— Судите сами! Вам известен мой интерес к разведению мулов, и то, что я преуспел в скрещивании осла с кобылой и вывел довольно красивую породу. Вы советуете мне расширить дело, предлагая взять на себя сбыт, так сказать, продукции. Это все чудесно. Но я отказываюсь вас понимать, когда вы говорите о долгосрочном договоре, и с кем? С Испанией! Друг мой, ведь мы находимся в состоянии войны с Испанией...

— Война не будет продолжаться вечно, мессир барон.

— Я тоже на это надеюсь, но не могу считать надежду основанием для серьезного коммерческого предприятия.

На губах интенданта промелькнула снисходительная полуулыбка, которую разорившийся дворянин не заметил и потому пылко продолжил:

— Объясните же мне, наконец, как вы собираетесь торговать с уроженцами страны, которая в данный момент с нами воюет? Прежде всего, это запрещено законом, и, совершенно справедливо, так как Испания — наш враг. Идем дальше — границы закрыты, а значит, все дороги и заставы находятся под постоянным наблюдением. Я согласен, что снабжение вражеской армии мулами не является таким серьезным нарушением, как снабжение оружием, тем более что боевые действия ведутся на территории Испании. Но у меня все равно слишком мало животных, чтобы эта затея стоила потраченных на нее усилий. Это дорогое предприятие, в которое нужно вкладывать значительные средства в течение многих лет. А мое нынешнее финансовое положение не позволяет мне участвовать в подобных начинаниях.

Он едва не прибавил, что из-за отсутствия средств собирается и вовсе отказаться от затеи разведения мулов, но удержался из самолюбия.

— Однако мессир барон оказал мне честь, сообщив, что у него уже имеются четверо великолепных производителей и что ему будет значительно легче, чем мне, приобрести в достаточном количестве и других производителей у соседей-дворян. Что касается ослиц, то можно легко купить сотню животных по десять или двадцать ливров за голову. Однако я отнюдь не призываю вас множить породу идеальных ослов,

которую вы уже вывели. Нет! Нас интересуют только мулы!

— Случка с кобылами стоит дорого...

— Значит, нужно также приобрести и кобыл.

— Но ведь это еще дороже!

— Но не в том случае, если мы поставим дело на широкую ногу. Я знаю, что рядом с Люсоном живет человек, по происхождению фламандец, который разводит животных, называемых ослы пуату^[24]. Если быть точным, то эти животные впервые появились в наших землях больше века назад, тогда их использовали при осушении болот. Вот у этого-то господина мы и приобретем светло-серых в крапинку кобыл, которые так нравятся нашим славным осликам.

Барон только качал головой, замороженный нарисованной Молином картиной.

— Мессир барон, вы ведь повидали другие провинции, когда служили в армии короля, а потому можете с уверенностью сказать, что нигде, кроме Пуату, не водятся такие великолепные ослы. Только подумайте — огромные животные, уши веером, с длинной, пушистой, словно широкий плащ, шерстью. Неудивительно, что мулы, которые получаются от скрещивания этих ослов с кобылами цвета талого снега, всегда выглядят исключительно красивыми. Вдобавок, я думаю, что мне не нужно напоминать вам, мессир барон, о феномене знаменитой выносливости и силы помесей.

При этих словах Анжелика посмотрела на отца, а затем — на обычно степенного Молина. Они наперебой расхваливали все достоинства и преимущества мулов — животных, выведенных путем скрещивания и обладающих исключительной выносливостью при любых испытаниях. Разумеется, мул не может, подобно гордым скакунам, пронестись по полям сражений

размашистым галопом. Однако торопливая и уверенная поступь трудяги - мула позволяла ему проходить по горам и долинам огромные расстояния. Запряженный в нагруженные телеги с провизией или боеприпасами, нередко решающими судьбу армии, неутомимый мул поспевал везде, куда нужно было доставить грузы и людей: на вершины гор, на поля сражений, при этом не боясь ни дождя, ни холода, ни голода, довольствуясь лишь чертополохом у обочины дороги.

В отличие от лошади, которая, как известно, является животным хрупким, требующим тщательного ухода, мул устойчив к болезням, эпидемиям и тяжелому труду...

Иногда упрямые, но зато с сильными ногами и зоркими глазами, мулы весьма живучи, что гарантирует стабильность разведения, если не бояться того факта, что быстрый прирост особей маловероятен, ведь животные, полученные в результате скрещивания стерильны.

— Ну, зато им не приходится, как мне, переживать за многочисленное потомство, — сказал барон, который любил пошутить на эту тему.

Анжелика продолжала с интересом слушать.

Гонтран рассказывал ей, что удивительный осел пуату был прародителем всех ослов. Именно его силуэт, неумело нарисованный первобытными охотниками можно отыскать на стенах и потолках древних пещер. Однажды Гонтран повел ее в одну из таких пещер, чтобы показать загадочные рисунки. После путешествия Анжелика вернулась домой в перепачканной землей одежде, с песком в волосах, и бедная Пюльшери не переставала повторять: «Да где же ты была, тебя словно из-под земли достали!» Но Анжелика ничего ей не сказала, потому что пообещала Гонтрану хранить тайну.

А мужчины продолжали беседовать.

— Небольшие работы по осушению болот могли бы увеличить количество пастбищ, — рассуждал Молин, — ваши мулы неприхотливы, поэтому любые выгоны подойдут и не будут лишними для домашнего скота. Я думаю, что если вложить двадцать тысяч ливров, дело может принять серьезный размах и начнет приносить доход уже через три-четыре года.

У барона, казалось, закружилась голова.

— Гром небесный! Двадцать тысяч ливров! Вы считаете моих мулов такими ценными, в то время как вся округа над ними потешается! Двадцать тысяч ливров! Уж не вы ли собираетесь одолжить мне эти двадцать тысяч?

— А почему бы и нет? — невозмутимо произнес управляющий.

Дворянин посмотрел на него с некоторым замешательством.

— Это было бы безумием с вашей стороны, Молин! Я честно вам признаюсь, что у меня нет ни одного поручителя!

— Меня вполне удовлетворит простой контракт о сотрудничестве, по которому я получу половину прибыли, а также право на разведение наших мулов. Но нам придется заключить контракт как частное соглашение в Париже и тайно.

— Должен признаться, у меня не скоро появится финансовая возможность наведаться в столицу. В данный момент ваше предложение кажется мне настолько ошеломляющим и рискованным, что я бы хотел предварительно посоветоваться с несколькими друзьями...

— В таком случае, мессир барон, оставим сразу эту затею. Потому что залог успеха подобного предприятия заключается в полной тайне! В противном случае ничего не получится.

— Но я не могу просто так, не выслушав ничьего мнения, пуститься в авантюру, которая мне, ко всему прочему, кажется еще и противоречащей законам моей страны.

— Это также и моя страна, мессир барон...

— Судя по тому, что вы затеваете, Молин, не скажешь!

— Хорошо, не будем больше говорить на эту тему, мессир барон. Будем считать, что я просто ошибся. Глядя на ваши исключительные успехи, я решил, что только вам под силу создать самый крупный в Пуату конный завод.

Барон почувствовал, что его наконец-то оценили по достоинству.

— Дело не в этом...

— Мессир барон, позвольте заметить, что дело как раз в этом. Вопрос, который мы только что обсуждали, напрямую связан с тем, который вас беспокоит больше всего, а именно с обеспечением достойных условий для процветания вашей многочисленной семьи...

— За такие слова мне следовало бы отстегать вас хлыстом, ибо вы суете нос не в свое дело!

— Как вам будет угодно, мессир барон. Между тем, хотя мои средства гораздо скромнее, нежели все склонны полагать, я подумал о том, чтобы незамедлительно добавить, — в счет будущих доходов, конечно, — ссуду на аналогичную сумму в двадцать тысяч ливров, необходимую для того, дабы вы смогли посвятить себя делу без изнурительных хлопот о детях. Я прекрасно знаю по собственному опыту, что дела стоят на месте, когда разум отвлечен заботами и тревогой.

— И налогами, которые преследуют неотступно, — прибавил барон, и его загорелое лицо слегка покраснело.

— Совершенно верно! А чтобы сделка между нами не вызвала подозрений, мне кажется, что сохранить ее в тайне будет в наших обоюдных интересах. Я также настаиваю на том, что какое решение вы бы ни приняли, сегодняшний разговор должен остаться между нами.

— Я вас отлично понял. Но и вы должны понять, что я обязан поставить в известность о вашем предложении мою жену. Речь идет о будущем наших многочисленных детей.

— Простите меня, мессир барон, за не совсем тактичный вопрос, но умеет ли мадам баронесса молчать? Я, честно говоря, ни разу не слышал о том, чтобы женщина сумела сохранить доверенную ей тайну.

— Моя жена не из болтливых. К тому же мы ни с кем не видимся. Она никому не скажет, если я попрошу.

В эту минуту управляющий заметил кончик носа Анжелики, которая, прислонившись к дверному косяку, слушала разговор и совершенно не собиралась прятаться. Барон повернулся и, увидев ее, нахмурил брови.

— Подойдите сюда, Анжелика, — строго сказал он.
— Вы, кажется, приобрели дурную привычку подслушивать под дверь. Вы всегда появляетесь неслышно и в самый неподходящий момент. Это возмутительное поведение.

Молин пристально смотрел на девочку, но казался менее раздосадованным, нежели барон.

— Крестьяне поговаривают, что она фея, — произнес он с едва заметной улыбкой.

Анжелика невозмутимо приблизилась.

— Вы слышали наш разговор? — спросил барон.

— Да, отец! Молин сказал, что Жослен сможет отправиться в армию, а Ортанс — в монастырь, если вы разведете много мулов!

— Ты делаешь довольно любопытные выводы. А теперь послушай меня. Ты должна пообещать, что никому не расскажешь об этой затее.

Анжелика подняла на него зеленые глаза.

— Я бы пообещала... Но что я за это получу?

Управляющий приглушенно засмеялся.

— Анжелика! — воскликнул удивленный и раздосадованный отец.

За него ответил Молин:

— Вначале вы должны доказать нам ваше умение хранить тайну, мадемуазель Анжелика. Если, как я надеюсь, мы заключим сделку с мессиром бароном, вашим отцом, дело станет процветать не сразу. Важно, чтобы никто не узнал о наших планах — только в этом случае нам удастся избежать козней и злоключений и в конце концов мы добьемся успеха. И тогда в награду вы получите мужа...

Она скорчила гримаску и, немного подумав, ответила:

— Хорошо. Я обещаю.

И вышла из комнаты.

На кухне госпожа Молин, отстранив всех служанок, собственноручно ставила в печь пирог, украшенный кремом и вишнями.

— Госпожа Молин, мы скоро будем обедать? — спросила Анжелика.

— Еще нет, детка. Но если вы проголодались, я дам вам хлеба с маслом.

— Нет, дело не в этом, я просто хотела узнать, есть ли у меня время сбегать к замку Плесси.

— Конечно. Мы пошлем за вами мальчишку, когда стол будет накрыт.

Анжелика умчалась. Свернув в первую же аллею, она сбросила башмаки и спрятала их под камнем, чтобы опять обуться на обратном пути. Затем она вновь понеслась к замку, легкая, как лань. В подлеске пахло

грибами и мхом. Недавно прошел дождь, и теперь то тут, то там виднелись лужи, которые Анжелика ловко перепрыгивала. Девочку переполняло счастье. Месье Молин пообещал ей мужа. Правда, она была не совсем уверена, что подарок был такой уж замечательный. Что ей с ним делать?.. Впрочем, если он будет таким же милым, как Николя, у нее всегда будет спутник для походов за раками.

Показалась каштановая аллея. Когда посадили эти деревья, привезенные то ли из Константинополя, то ли из Индии, то ли из садов венского императора, они считались неслыханной роскошью!

Владельцы поместья Плесси-Бельер всегда отличались необычными вкусами! Но когда весной широкие, напоминающие звезды, листья украшались высокими белыми цветами, похожими на душистые свечи, все приходило посмотреть на эту красоту. Плоды каштанов не приносили большой пользы. Их называли «конскими каштанами», вероятно, потому, что турки кормили ими лошадей перед скачками, считая, что это поможет выиграть забег. Анжелике нравилось собирать блестящие коричнево-черные плоды в мягкой зеленой кожуре, они были так красивы! А еще она собирала их для того, чтобы принести колдунье Мелюзине, а та готовила из них отвары от лихорадки.

Однако сегодня Анжелика не стала набивать карманы каштанами.

Она спешила. Здесь она всегда чувствовала себя словно в сказке.

Она увидела, как в конце аллеи показался силуэт замка, выделяющийся ослепительной белизной на голубой эмали неба и отливающий более темной синевой в ближайшем пруду.

Без сомнения, замок Плесси-Бельер был сказочным домом фей, потому что подобного ему не найти во всем Пуату. Все дворянские усадьбы в округе походили на

Монтелу —такие же серые, поросшие мхом, с маленькими окошками. Перестроенный в прошлом веке итальянским зодчим, замок Плесси-Бельер красовался множеством высоких окон и балконов, слуховых окошек и крытых галерей. Через ров, заросший кувшинками, был перекинут миниатюрный подвесной мост. Расположенные по углам сторожевые башни служили только украшением. Между тем линии здания были очень просты. В арках, соединяющих покатые своды, не чувствовалось никаких излишеств, только естественное изящество гибких растений или упругость гирлянд. И лишь чеканный герб над главным входом, изображающий химеру с высунутым огненным языком, напоминал о вычурном декоре раннего Ренессанса.

С поразительной ловкостью Анжелика взобралась на террасу, а затем, цепляясь за лепные украшения окон и балконов, добралась до второго этажа, где нашла удобную опору — водосточный желоб — и прислонилась лицом к оконному стеклу.

Она часто приходила сюда, но никогда не уставала разглядывать в полумраке таинственной запертой комнаты изящные безделушки из серебра и слоновой кости, расставленные на инкрустированной мебели; изучать новые гобелены, отливающие яркими рыжими и голубыми красками, и тускло поблескивающие, висевшие вдоль стен картины. В глубине комнаты находился альков, где стояла кровать, покрытая затканым золотым шелком одеялом. Тяжелые занавеси полога, ткань которых была вышита все тем же золотым шелком, как будто светились. Над камином взгляд притягивала большая картина, приводившая Анжелику в восхищение. Другая жизнь, о которой она едва ли могла знать и которую едва ли могла предвосхитить, представала перед ней заключенной в рамки этого полотна. Картина изображала легкомысленный мир обитателей Олимпа с их языческой грацией и беспечной

вольностью. В вымышленном мире бог и богиня, за которыми наблюдал бородатый фавн, сжимали друг друга в объятиях, и их прекрасные обнаженные тела олицетворяли, как и сам замок, райскую гармонию в глубине дремучего леса.

Но каждый раз на смену восхищению приходило ощущение подавленности.

«Как бы я хотела все это потрогать, погладить, подержать в руках. Как бы я хотела, чтобы все это когда-нибудь стало моим...»

***

На обратном пути барон был настолько погружен в свои мысли, что позволил лошади идти шагом. Анжелика молчала, и он почти забыл о ее присутствии.

Когда они достигли вершины небольшой возвышенности, лошадь и вовсе остановилась.

Барон поднял глаза и заметил вдалеке, на огромном лугу, несколько своих знаменитых мулов, которые паслись вместе. Рядом с ними на фоне облачного неба вырисовывался силуэт одного из ослов-производителей — прекрасный экземпляр осла пуату, о котором говорил мэтр Молин. Почти такой же большой, как молодая лошадь, с длинной темно-коричневой шерстью, словно обрезанной ударами кривого садового ножа, придающей ему сходство с древними, примитивными породами ушедших эпох.

— Он действительно красив, — сказал барон.

— Он пасется совсем близко к изгороди, — заметила Анжелика, — видимо, ищет там свои любимые колючки черной ежевики.

Лошадь, наконец, сдвинулась с места. Через какое-то время они оказались в тенистой лощине.

— Остановимся здесь.

Они любили вот так останавливаться во время прогулок. Отец садился на поросший мхом камень или на выступ коряги на глинистом склоне. Тем временем лошадь спокойно щипала травку на обочине. Иногда Анжелика тоже усаживалась рядом с отцом. Бывало, она собирала сокровища, которые находила поблизости, — фрукты, цветы, корни...

На этот раз она достала из маленького мешка стебель засахаренного дягиля, который госпожа Молин дала девочке на дорогу. Однако перед тем как начать есть, Анжелика встала перед отцом и многозначительно на него взглянула.

— Отец, вы полагаете не опасно завязывать деловые отношения с протестантом? Кормилица говорила, что они совершают страшные преступления в церквях. Она рассказывала, как ее прабабка или прабабка ее прабабки спасла шкатулку с реликвиями из церкви Святой Урсулы в момент, когда протестанты выдирали их из алтаря и собирались швырнуть свиньям. Она многие годы хранила шкатулку у себя, пока ее не удалось вернуть в одну из уцелевших церквей. За благодеяние ее дом благословили. Она рассказывала про времена, когда гугеноты привязали кюре де Партеней к главному распятию над алтарем, а потом убили его выстрелами из арбалета. Они превратили в груды осколков голову младенца Иисуса в соборе Нотр Дам дю Бон Секур и повернули лицом к стене изображение Святой Девы, к которому веками приходили паломники. Они говорили, что это все идолопоклонство, и что мы, католики, — язычники, так как падаем ниц перед изображениями наших святых...

И почему нам нельзя играть с нашими соседями из замка Рамбур, если они протестанты?.. Не похоже, чтобы они были опасными... Тот из них, что постарше Жослена, все время трубит в рог... Это просто выводит дедушку из себя... Он говорит, что они нас

подстрекают... А что думаете об этом вы, отец? Правда ли, что мы язычники, если молимся перед статуями в церквях? И правда ли, что статуи — идолы?..

Отец слушал дочь с удивлением. Отвлечшись от прежних мыслей, он задумался над ответом.

— Идолы?! Я не знаю. Для них, да, возможно... Ничего не поделаешь. У каждого свое мнение, — добавил он растерянно, ошеломленный ее горячностью.

Барон тщетно пытался подобрать возражения.

— Эти... иконоборцы — старая история. Все в прошлом. Мы не можем постоянно ворошить былое. Лучший способ не беспокоиться из-за подобных воспоминаний — не говорить о них. Забыть их.

На моих землях есть несколько крестьян-гугенотов... Они единственные сполна и регулярно вносят арендную плату... Что касается Рамбуров, наших соседей-дворян, то они часто приносят дичь к моему столу, потому что я позволяю им охотиться в своих лесах... У меня самого никогда не было ни времени, ни денег, чтобы тренировать соколов и собак... Необходимо забыть. Иначе распри никогда не кончатся.

Кормилица Фантина рассказывает вам слишком много глупых историй. Должно быть, она отыскивает их в синей библиотеке, составленной стараниями бродячих торговцев... Это не вполне подходящая литература... Я имею в виду... она не совсем соответствует исторической действительности... Ты понимаешь?.. Старые сказки лишь призваны вдохновлять на военные подвиги. Хотя, сам я в этом мало что смыслю... но так говорят твоя мать и Пюльшери... Конечно, Молин — гугенот, но он человек нашего времени... и к тому же разбирается в мулах...

Тут доводы иссякли, и отец умолк. Анжелика выслушала его очень внимательно. Она несколько раз кивнула головой с одобрительной улыбкой, а потом принялась за сладости. Девочка сдержалась и не стала

настаивать на разъяснениях по двум причинам: она побоялась, что отец запретит ей читать дома маленькие синие книжки и альманахи — такие красивые, с нарисованными Луной, звездами и Солнцем, с разными поговорками, изречениями, легендами и чудесами, где все месяцы года представлялись как вереница повозок, украшенных цветами и привозящими «ворохи чудес».

Кроме того, именно такой несколько наивный ответ барона по поводу протестантов Анжелика и хотела от него услышать. Она была с ним согласна. Все эти причитания и упреки насчет разбитых статуй и оскверненных реликвий их не касались. Существовало много других более важных вещей в жизни, которыми они могли бы заняться — разводить мулов, например...

Барон сам удивился, как быстро он занял столь четкую позицию, стоило Анжелике подтолкнуть его неожиданными вопросами. В сущности, разговаривая с ней, он внезапно осознал, что вся его настороженность и колебания из-за того, что он заключает соглашение с приверженцем протестантской религии, не имеют под собой никаких других серьезных оснований, кроме старых воспоминаний о прошлых жестокостях, совершенных во время ужасных религиозных войн последнего столетия. Однако, если присмотреться, братоубийственные войны были богаты на преступления и ужасы как со стороны протестантов, так и католиков.

Анжелика продолжала лакомиться зелеными липкими стебельками. Она вся перепачкалась, но ела с таким довольным и счастливым видом, что барон не мог сдержать улыбки, глядя на дочь. «Она еще совсем ребенок, — подумал он. — К счастью!». Анжелика что-то напевала, рассматривая вершины деревьев, а барон любовался цветом и исключительной прозрачностью ее глаз.

«Они по-настоящему зеленые», — думал он.

Барона упрекали, что он избрал Анжелику в любимицы и часто берет с собой на прогулки только потому, что она хорошенькая.

В действительности это было не совсем так. Она сама приходила к нему, еще будучи совсем маленькой, и умоляла взять с собой покататься на лошади.

На самом деле Анжелика оставалась единственным ребенком в семье, которого интересовало, что скажет он, отец, — был ли это вопрос о мулах или о вечных денежных заботах. Она всегда старалась его понять.

«По крайней мере, она понимает то, что я ей объясняю, несмотря на юный возраст», — думал барон, наблюдая, как дочь, напевая какую-то мелодию, танцует, подпрыгивая то на одной, то на другой ноге.

Если сделка с Молином удастся, он отправит ее в монастырь. Конечно, ему будет ее не хватать, но зато дочь получит достойное образование.

Анжелику тоже вполне удовлетворил разговор с отцом о протестантах. Она уже давно хотела узнать его мнение обо всем этом, и вот теперь, когда беседа состоялась, девочка успокоилась.

Отцу будет полезно сотрудничество с Молином. Управляющий владениями Плесси-Бельер много знал и производил впечатление человека, который отлично разбирается в том, что представляет собой каждый в округе — богатый и бедный, католик и протестант, дворянин и крестьянин. Хозяин края, вот кто он был.

Не подавая виду, он также был хозяином и ветреных сеньоров, которым служил, этих «чудных» из Парижа, заносчивых Плесси-Бельер, которые столь редко навевались в свой сказочно-прекрасный белый замок, отражающийся в пруду с кувшинками.

Глава 5

В мае парни Монтелу украшали шляпы зелеными колосками, а девушки вплетали в волосы цветки льна, и все вместе шли танцевать вокруг дольменов — огромных, плоских, как стол, каменных плит, которые остались на полях Пуату с доисторических времен. На обратном пути, уже парами, неторопливо разбрелись они по лугам и подлескам, наполненным благоуханием ландышей.

В июне папаша Солье выдавал замуж дочь и устраивал грандиозный праздник. Он был единственным крестьянином, на которого, как и на самого барона де Сансе, работали только издольщики. Солье считался в округе весьма зажиточным, да к тому же владел деревенской таверной.

Маленькую церквушку в романском стиле украсили цветами и огромными, толщиной с кулак, свечами. Мессир барон собственноручно подвел невесту к алтарю. Свадебный пир, продолжавшийся много часов, изобиловал черной и белой кровяной колбасой, андуетами ^[25], сосисками и сырами. Вино лилось рекой.

Встав из-за стола, все местные дамы отправились, согласно обычаю, преподнести новобрачной подарки.

Она сидела в своем новом доме, на скамье перед большим столом, где уже громоздилась разнообразная фаянсовая и оловянная посуда, простыни, скатерти, а также котлы из меди и чугуна. Круглое и немного грубоватое лицо молодой женщины под огромным венком из ромашек сияло от удовольствия.

Мадам де Сансе чувствовала себя немного неловко из-за своего скромного подарка — всего несколько тарелок из прекрасного фаянса, которые она специально хранила для подобных случаев. Анжелика

внезапно подумала: в Монтелу они ели из простых крестьянских мисок. Эта нелепость одновременно рассердила и ранила Анжелику — люди такие странные! Стоило ли сомневаться, что и эта крестьянка тоже не будет пользоваться такими прекрасными тарелками, а скорее тщательно уложит их в сундук и будет продолжать есть из своей миски? Вот и в Плесси — такое множество восхитительных предметов было забыто и похоронено, как в могиле!

Анжелика нахмурилась и едва коснулась губами щеки новобрачной.

Парни между тем собрались вокруг большой супружеской кровати, забавляясь и отпуская игривые шуточки.

— Ах, моя красавица, — воскликнул один из них, — глядя на вас — тебя и твоего суженого — сразу пропадают всякие сомнения в том, что на рассвете для восстановления сил вам понадобится шодо!^[26]

— Мама, — спросила Анжелика, выходя из дома, — а зачем нужен шодо и почему о нем всегда говорят на свадьбах?

— Для крестьян подавать новобрачным этот напиток такой же обычай, как и делать подарки или танцевать, — уклончиво ответила мадам де Сансе.

Но объяснение матери не удовлетворило девочку, и она пообещала себе обязательно дождаться рассвета и разузнать тайну загадочного напитка.

На деревенской площади под большим вязом пока никто не танцевал. Мужчины по-прежнему сидели за столами, расставленными на возвышении прямо под открытым небом.

Вдруг Анжелика услышала рыдания старшей сестры Ортанс — она хотела возвратиться в замок, поскольку стыдилась своего слишком простого заштопанного платья.

— Ох! — воскликнула Анжелика. — Подумаешь! Вечно ты усложняешь себе жизнь, моя бедная сестра! Разве я жалуясь на свое платье, хотя оно мне слишком тесно и коротко? А башмаки ужасно жмут! Но вместо того чтобы хныкать, я захватила с собой сабо и надену их, когда начнутся танцы. Я решила повеселиться вволю!

Но Ортанс продолжала реветь и настаивать на своем, жалуясь, что ей жарко и что она плохо себя чувствует. Мадам де Сансе подошла к мужу, сидевшему среди почетных гостей, и предупредила его, что уходит, но оставляет Анжелику с ним. Девочка присела отдохнуть на минутку около отца. Она несколько переусердствовала, отдавая дань свадебным яствам, и теперь ей хотелось спать.

Вокруг них сидели кюре, синдик, школьный учитель (при случае он мог быть и певчим, и хирургом-цирюльником, и звонарем) и несколько фермеров, которых называли «землепашцами». Они владели плугами с воловьими упряжками, а для работы на них нанимали поденщиков. Можно сказать, эта небольшая группа составляла деревенскую «аристократию». К ней принадлежал и Артэм Калло, землемер из соседнего поселка, приехавший ненадолго для того, чтобы помочь в осушении близлежащего болота. Он производил впечатление ученого иностранца, хотя был родом всего лишь из Лимузена. Наконец, здесь же восседал отец невесты, сам Поль Солье, владевший большим поголовьем крупного рогатого скота, лошадей и ослов. Этот тучный крестьянин из Пуату слыл самым влиятельным среди мелких фермеров, и хотя мессир Арман де Сансе считался его «господином», Солье определенно был куда богаче барона.

Глядя на нахмуренный лоб отца, Анжелика без труда угадала его мысли. «Вот еще одно свидетельство

упадка дворянства», — должно быть, с грустью думал он.

***

Постепенно на площади вокруг большого вяза становилось все оживленнее. Два человека, с белыми надутыми мешками в руках, поднялись на подмости. Это были волынщики, и с ними музыкант со свирелью.

— Начинаются танцы! — воскликнула Анжелика и помчалась к дому синдика, где она оставила свои сабо.

Отец смотрел, как она возвращается вприпрыжку, хлопая в ладоши в такт воображаемой музыке танцев и хороводов, которые должны были вот-вот начаться. Ее волосы цвета темного золота подпрыгивали на плечах. Возможно, из-за слишком короткого и узкого платья дочери, барон вдруг увидел, как сильно она развилась за несколько последних месяцев. Его девочке, которая всегда казалась ему такой маленькой и хрупкой, уже исполнилось двенадцать лет: ее плечи стали шире, а под поношенным корсажем саржевого платья угадывались очертания груди. Горячая кровь прорывалась свежим румянцем на золотистых от загара щеках, а смеющиеся губы, приоткрытые и влажные, обнажали маленькие безупречные зубы.

Как и большинство деревенских девушек, она украсила вырез корсажа букетом желтых и сиреневых примул.

Все мужчины, сидевшие рядом с бароном, также были поражены этим видением, полным очарования и свежести.

— Ваша дочь становится настоящей красавицей, — заметил папаша Солье с заискивающей улыбкой и многозначительно посмотрел на своих соседей.

К гордости барона прибавилась тень беспокойства.

«Она стала слишком взрослой, и ей не следует водиться с этими мужланами, — решил он. — Именно ее, а не Ортанс, нужно отправить в монастырь, и как можно скорее...»

Анжелика, не подозревая о вызванных ее появлением взглядах и размышлениях, беззаботно смешалась с толпой молодых парней и девушек, которые со всех сторон сбегались на площадь целыми ватагами или по парам. Вдруг она едва не столкнулась с подростком, которого сразу даже не узнала, настолько хорошо он был одет.

— Валентин, друг мой! — воскликнула она на местном наречии, которое знала в совершенстве. — Какой же ты нарядный, дорогой!

Костюм сына мельника, без сомнения, пошитый в городе, был из серого сукна настолько отменного качества, что фалды редингота казались накрахмаленными. Редингот и жилет украшали несколько рядов маленьких сверкающих золотом пуговиц, а туфли и фетровую шляпу — металлические пряжки и голубые атласные ленты, такие же, как и подвязки для чулок. Молодой человек выглядел в своем наряде довольно нелепо и казался нескладным, но его покрасневшая физиономия так и сияла от удовольствия. Анжелика, не видевшая Валентина уже несколько месяцев (с тех пор как он с отцом отправился в город) сначала даже слегка оробела, заметив, что едва достает ему до плеча. Чтобы преодолеть смущение, она схватила его за руку.

— Пойдем танцевать!

— Нет, нет! — запротестовал он. — Я не хочу испортить мой красивый костюм. Я лучше пойду выпью с мужчинами, — самодовольно добавил он и направился к группе почетных лиц, к которым только что присоединился его отец.

— Пойдем танцевать! — закричал один из мальчиков, хватая Анжелику за талию.

Это был Николя. Его темные, как зрелые каштаны, глаза светились радостью.

Они повернулись лицом к лицу и начали притопывать в такт пронзительным и однообразным звукам волынок и свирели. Природное чувство ритма придавало чрезвычайную гармонию этим, на первый взгляд, грубым и однообразным танцам. Наряду с волынками и свирелью, глухой стук сабо, одновременно ударяющих о землю с абсолютной синхронностью, был чуть ли не главным музыкальным инструментом, а удивительная слаженность, с которой каждый танцор исполнял незамысловатые па, придавала этому деревенскому балету прелесть совершенства.

Наступил вечер, и приятная прохлада остудила разгоряченные лица танцующих. Увлеченная энергией танца, Анжелика почувствовала себя счастливой, свободной от грустных мыслей.

Кавалеры сменяли друг друга, и в их блестящих, смеющихся глазах она читала нечто такое, что ее не только вдохновляло, но и немного волновало.

Поднявшаяся от ног танцующих пыль казалась розовой в лучах заходящего солнца. У музыканта, игравшего на свирели, щеки походили на два мяча, а глаза вылезали из орбит — от усердия, с которым он дул в свой инструмент. Наконец он остановился, переводя дух, а затем направился к столам, уставленным кувшинами, чтобы освежиться.

— О чем вы думаете, отец? — спросила Анжелика, присаживаясь рядом с бароном, лицо которого оставалось хмурым.

Она была разгоряченной и запыхавшейся после танцев. Заметив это, Арман де Сансе почти возмутился из-за того, что дочь может быть беззаботной и счастливой, в то время как его самого одолевает такое

множество хлопот, что он даже не способен, как прежде, наслаждаться деревенским праздником.

— О налогах, — ответил он, мрачно глядя на сидящего рядом мужчину. Это был не кто иной, как сержант Корн, чиновник Палаты податей и налогов, которого люди барона не раз крепко колотили на пороге замка Монтелу.

Анжелика запротестовала:

— Нехорошо думать о налогах, в то время как все танцуют и веселятся! Разве наши крестьяне сейчас думают о них? А ведь им платить гораздо тяжелее, чем нам. Не так ли, месье Корн? — выпалила она весело через стол. — Не правда ли, в такой день никто не должен думать о налогах, даже вы?..

Ее слова вызвали взрыв смеха. Начинали петь, и папаша Солье затащил «Сборщик налогов совсем заклевал» — песню, которую сержант Корн соблаговолил выслушать с добродушной улыбкой. Но скоро подойдет очередь менее невинных песенок, которые охотно распевали на деревенских свадьбах, и Арман де Сансе, все более и более беспокоясь о поведении дочери, пившей вино бокал за бокалом, решил, что пора уходить.

Он сказал Анжелике, что нужно прощаться и что она должна следовать за ним, так как они возвращаются в замок. Раймон и малыши в сопровождении кормилицы давно уже ушли. Только старший сын Жослен задержался, обнимая за талию одну из самых хорошеньких деревенских девушек. Барон не стал читать ему нотации. Он был доволен, что худой и бледный школяр под влиянием природных инстинктов приобретает более здоровый цвет лица и более здоровые желания. В его возрасте он сам давно уже кувыркался на сене с крепкой пастушкой из соседней деревни. Кто знает? Возможно, развлечения такого сорта удержат старшего сына дома?

Уверенный, что Анжелика следует за ним, барон стал по очереди прощаться со всеми присутствующими.

Но у его дочери были другие планы.

Уже несколько часов она ломала себе голову, как бы исхитриться и остаться до восхода солнца, чтобы присутствовать на церемонии шодо. Не теряя времени и пользуясь суматохой, она выскользнула из толпы. Затем, взяв в руки сабо, она побежала к околице деревни, все обитатели которой, даже старушки, ушли повеселиться на деревенской свадьбе. Анжелика разглядела у стены сарая приставную лестницу, проворно вскарабкалась по ней и обнаружила наверху мягкое душистое сено.

Вино и танцы изрядно утомили Анжелику и она зевнула.

«Я посплю, — подумала она. — Когда проснусь, останется время для того, чтобы успеть на церемонию шодо».

Ее глаза закрылись, и она уснула глубоким сном.

***

Она проснулась с приятным ощущением счастья и блаженной неги. Темнота внутри сарая была плотной и душной. Ночь еще не закончилась, где-то вдалеке слышался шум голосов крестьян на празднике.

Анжелика не очень хорошо понимала, что происходит. Ее тело охватила приятная истома, ей хотелось вытянуться и застонать. Внезапно она почувствовала чью-то ладонь, которая медленно проводила по ее груди, затем опускалась вдоль тела, касалась ног. Отрывистое и горячее дыхание обжигало ей щеку. Она вытянула руку и наткнулись на жесткую ткань.

— Это ты, Валентин? — прошептала она.

Он не ответил, а только придвинулся ближе.

Винные пары и легкое головокружение от темноты затуманивали мысли Анжелики. Ей не было страшно. Это Валентин, она узнала его по тяжелому дыханию, по запаху, а также по шероховатости изрезанных камышами и болотными травами рук, прикосновение которых к коже заставляло ее вздрагивать, как от холода.

— Ты больше не боишься испортить свой красивый костюм? — прошептала она с наивностью, не лишенной бессознательного лукавства.

Он пробормотал что-то и прижался лбом к нежной шее девочки.

— Ты хорошо пахнешь, — выдохнул он. — Ты хорошо пахнешь, как цветок дягиля.

Он попытался ее поцеловать, но ей не понравился его влажный рот, разыскивающий ее губы, и она его оттолкнула. Тогда он схватил ее сильнее, почти навалившись на нее. Эта внезапная грубость окончательно пробудила Анжелику и прояснила сознание. Она начала отбиваться, пытаясь высвободиться. Но Валентин, сопя, продолжал крепко держать ее. Тогда, взбешенная, она ударила его кулаком прямо в лицо и завопила:

— Отпусти меня, деревенщина! Отпусти сейчас же!

Наконец он разжал руки, и она, соскользнув со стога сена, спустилась на землю по приставной лестнице сарая. Анжелика была не только очень сердита, но и сильно огорчена, сама не зная почему... Снаружи доносились крики. Веселые пронзающие мрак ночи огоньки мелькали то тут, то там, постепенно приближаясь к Анжелике.

«Фарандола!..»

Держась за руки, девушки и парни проносились рядом с Анжеликой, и она оказалась вовлеченной в их поток. В зыбком свете зарождающегося дня фарандола пронизывала улицы, преодолевала барьеры,

перекатывался по полям. Ее участники, охмелевшие от вина и сидра, постоянно спотыкались, валились на землю и друг на друга и хохотали. Перепрыгнув через опрокинутые столы и скамьи, фарандола возвратилась на площадь. Факелы погасли.

— Шодо! Шодо! — настойчиво требовали голоса. Начали колотить в дверь синдика, ушедшего спать.

— Проснись, папаша! Мы собираемся подбодрить новобрачных!

Анжелика, которой удалось наконец вырваться из цепочки фарандолы, увидела, как приближается необычный кортеж.

Впереди шли два забавных персонажа, разодетые в пестрые лохмотья с бубенчиками, словно старинные королевские шуты, за ними — два молодых человека, несли на плечах палку с огромным котлом. Сопровождавшие их приятели тащили кувшины с вином и стаканы. Довольно многочисленная толпа жителей деревни, которые еще держались на ногах, следовала за ними.

Без лишних церемоний они ввалились в дом новобрачных.

Анжелика нашла их очень милыми, лежавшими бок о бок в большой постели. Молодая женщина казалась пунцовой от смущения. Однако оба они безропотно выпили преподнесенное им горячее вино, смешанное с пряностями. Вдруг один из парней, более пьяный, чем другие, захотел приподнять покрывало, которым целомудренно прикрывались молодые. Муж ударил его кулаком. Началась драка. Бедная новобрачная вопила, цепляясь за покрывало. Со всех сторон Анжелику толкали разъяренные дерущиеся мужчины, она задыхалась от запахов вина и плохо вымытых тел, ее едва не повалили на землю и не затоптали. Вовремя подоспевший Николая помог ей освободиться и вытащил ее из дома.

— Уф! — выдохнула она, когда, наконец, оказалась на свежем воздухе. — Вся эта ваша история с шодо такая странная! Скажи, Николая, почему новобрачным приносят горячее вино?

— Ну знаешь ли, голубушка! Надо же их подбодрить хорошенько после брачной ночи!

— Разве это столь утомительно?

— Так говорят...

Внезапно он рассмеялся. Его глаза блестели, завитки черных волос падали на загорелый лоб. Она поняла, что он так же пьян, как другие. Вдруг он протянул руки и, пошатываясь, приблизился к ней.

— Анжелика, ты такая миленькая, ты знаешь, когда ты говоришь так... Ты такая милая, Анжелика...

Он обнял ее за шею. Ни слова не говоря, она высвободилась и ушла.

Над опустевшей деревенской площадью вставало солнце. Праздник закончился. Неуверенным шагом Анжелика шла по дороге к замку и горестно размышляла:

— Ну вот, вслед за Валентином и Николая повел себя так странно!

Неужели она в одночасье потеряла их обоих? Ей казалось, что детство умерло, и при мысли, что она больше никогда не отправится на болота или в лес со своими старыми приятелями, ей захотелось плакать.

Именно такой — пошатывающейся от усталости, в разорванном платье, с соломой в волосах, — встретили Анжелику отправившиеся на ее поиски барон де Сансе и старый Гийом.

— Mein Gott!^[27] — воскликнул пораженный Гийом и замер.

— Где вы пропадали? — спросил Анжелику барон.

Но видя, что она не в силах отвечать, старый солдат поднял ее на руки и понес домой.

Озабоченный Арман де Сансе сказал себе, что необходимо во что бы то ни стало найти средства и как можно скорее отправить вторую дочь в монастырь. Он пока не принял никакого решения по поводу предложения Молина. Барон все еще надеялся, что получит полагающуюся ему по праву помощь из другого источника.

***

Анжелика пробудилась лишь на следующий день, проспав около суток.

Почувствовав себя вполне отдохнувшей, она больше ни о чем не жалела, но где-то в глубине души осталась обида. Анжелика вспомнила, что поссорилась с Валентином, а возможно и с Николя, и решила что «мужчины» так глупы! Кроме того, нельзя было не признать, что ничего подобного не случилось бы, послушайся она отца и покинь праздник вместе с ним. Впервые Анжелика допустила, что иногда полезно слушать взрослых, и пообещала себе стать более благоразумной.

Одеваясь, она внимательно рассмотрела себя. Девочка сильно выросла за последний год, и ее грудь начинала вырисовываться под платьем. «Вскоре у меня будет грудь, как у Нанетт», — подумала она, не зная гордиться ли ей или пугаться. Ее удивляли все эти превращения, и, вдобавок ко всему, ее не покидало чувство утраты чего-то очень важного. Ее свободная и беззаботная жизнь была под угрозой. Она стояла на пороге другого мира, о котором еще ничего не знала.

«Пюльшери недавно сказала, что я скоро стану девушкой. Боюсь, это будет ужасно скучно», — подумала она обеспокоенно.

Стук лошадиных копыт заставил ее подойти к окну. Анжелика увидела, как отец уезжал со двора, но не

осмелилась попросить его сопровождать. «Он, конечно же, едет к Молину, — подумала она. — Как было бы хорошо, если бы нескончаемые проблемы с деньгами прекратились, и не нужно было больше ждать помощи короля. Ортанс стала бы одеваться надлежащим образом и нашла жениха из хорошей семьи, а не изображала бы из себя хозяйку дома. И Жослен смог бы пойти в армию вместо того, чтобы носиться как дьявол с сыновьями барона Шайе. О, как я ненавижу этих неотесанных мальчишек, к которым он ездит и которые, когда приходят сюда, так больно щиплют меня, что на коже целую неделю остаются синяки! И отец был бы счастлив. Он мог бы целыми днями любоваться своими мулами...»

Так мечтала маленькая девочка, не подозревая о тех изменениях, которые принесет этот новый визит к управляющему Молину. Конечно, она не сомневалась в том, что отец примет ссуду, необходимую для постройки конного завода. По непроницаемому и напряженному лицу матери она поняла, что та торжественно пообещала хранить тайну сделки, дабы соседи-дворяне не могли обвинить их в том, что, принимая помощь из рук ростовщика, они умаляют дворянское звание. Хорошо зная мэтра Молина, Анжелика также догадывалась о том, что тот настойчиво предлагал мессиру де Сансе принять двадцать тысяч ливров дополнительно, как личную ссуду, и о том, что барон остался непреклонным, так как больше не заговаривали об отъезде дочерей в монастырь.

Тем не менее произошли некоторые перемены, предвещавшие барону успех в деле выведения мулов.

***

Крестьяне приходили в замок Монтелу и приводили кто ослицу, кто жеребца. Барон проверял зубы и копыта животных, интересовался их родословной, но покупать не торопился.

Он выжидал: через три недели открывалась ярмарка в Фонтене-Ле-Конт, на которую он собирался поехать. Выбор животных там будет наверняка и побольше, и получше. Казалось, у него было много денег, потому что он собрал жителей Монтелу и сказал, что у него есть работа для всех и что нужно будет выбрать в окрестностях дровосеков, столяров, плотников, резчиков по камню и каменщиков.

Вскоре вид конюшен за замком изменился. Дополнительные луга были заняты под пастбища. Старый Гийом забросил свою самую важную обязанность — наблюдение за садом и двором замка и изображал из себя распорядителя работ. Занимаясь этим, он помолодел на глазах и почти перестал хромать.

— Когда в эпоху римлян, и во времена Карла Великого солдаты только и делали, что прокладывали дороги и строили, в мире было меньше горя, — говорил наемник всем, кто был готов его слушать.

— Если вы хотите знать мое мнение, то эти солдаты умели куда лучше разрушать, чем строить! — замечала кормилица.

— Варвары или язычники, да, те хороши только для того, чтобы убивать или грабить. Но были и другие, которые стремились к миру, — отвечал немец, не замечая иронии.

Анжелика любила старого вояку, но все же немного сожалела о том, что ее добрый друг так изменился. Рассказы о мирных работах были, конечно, замечательны, но менее интересны, чем истории о войнах и сражениях, которые он ей рассказывал раньше и которые позабыл под влиянием нового увлечения.

Будучи по натуре немного проповедником, как и все лютеране, он дошел до того, что позволял себе нападки на кардинала Мазарини за то, что тот не хотел прекратить войну, вызывая недовольство народа.

***

Конный завод получился внушительным.

Чтобы избежать затоплений, распорядились доставить целые повозки гранита для фундамента, а крышу конюшни покрыли светло-розовой черепицей. Больше пятисот ослиц и пятьдесят жеребцов могли разместиться там одновременно.

В это время землемер Артэм Кало осваивал новый способ осушения земель в низине, у крепостной стены замка. Было решено осушить самую большую часть трясины, которая в старые времена обеспечивала защиту поместья. Как фея болот, Анжелика втайне не одобряла такого надругательства над своими владениями; но со времен свадьбы молчаливый Валентин больше не приглашал ее прокатиться с ним на лодке. Казалось, он покинул ее. Если и дальше так пойдет, то болото может действительно исчезнуть! Один Николая появился опять, нимало не стесняясь и ухмыляясь во весь рот. С ним детство опять вступало в свои права; природа предоставляла отсрочку — не все заканчивается в один миг. Барон сиял. Он хотел доказать раз и навсегда всем этим буржуа, наподобие Молина, что дворянин также способен преуспеть в коммерции. Скоро он не останется должен никому ни одного су, и тогда сможет заняться и замком, и семьей.

Происшедшие перемены принесли кое-какой достаток и крестьянам. Поэтому теперь к хозяйскому столу подавали более разнообразные блюда. Тяжелые времена прошли, но в целом жизнь изменилась мало. По залам продолжали прохаживаться куры, собаки

беспрепятственно пачкали каменные полы, и дождь, капля за каплей, просачивался через ветхую крышу в покои замка. У мадам де Сансе руки оставались красными, потому что она не могла позволить себе купить новые перчатки. Жослен продолжал гоняться за дичью и за девушками, и более чем когда-либо походил на волка, а Раймон, погруженный в свои книги, напоминал догорающую свечу, вечную спутницу его бессонных ночей.

Одни малыши, свернувшись клубочком у широкой груди кормилицы в теплой кухне, не жаловались. Но Мадлон часто плакала и была печальной. Для нее тоже было бы лучше оставить замок. Анжелика взяла ее под свою опеку и каждую ночь, засыпая, крепко прижимала сестренку к себе. Мадлон знала, что Анжелика очень сильная, и с нею ей не был страшен ни волк, ни привидения. Однако сама Анжелика так и не обрела былой живости. Все происходящее казалось интересным, но ее не покидало ощущение, что большинство людей вокруг стали скучными и немного нелепыми.

***

Однажды Анжелика отправилась на поиски Мелюзины.

С их последней встречи прошло довольно много времени. Девочка была поглощена ожиданием такого важного события, как деревенская свадьба, а также теми изменениями, которые принесло строительство конного завода.

Анжелика начала искать ее на опушке леса. Почувствовав знакомый пьянящий аромат полей, она удивилась, что забыла о Мелюзине. По правде сказать, хоть ей и было весело в деревне, но меньше, чем в другие годы или на других праздниках — на Дне

Майского Дерева, например, или на ярмарке угрей. «Они» раздражали ее со своим шодо и странной манерой говорить с ней с оттенком едва скрываемой насмешки каждый раз, когда она задавала вопрос...

Анжелика пробиралась сквозь высокую траву и лесные заросли, с наслаждением вдыхая воздух, наполненный ароматом молодых цветущих растений.

Сегодня, проходя по лесным опушкам, она пыталась отыскать следы Мелюзины. По утрам, на рассвете, когда колдунья делала свой первый сбор, она, ломая веточку или завязывая былинку, отмечала таким образом свой путь. По этим следам Анжелика ее и находила. Мелюзина всегда двигалась быстро, почти бегом, на ходу срывая нужные травы, лишь изредка ненадолго приседая, чтобы отыскать в зарослях нужный цветок. Она могла оставаться почти невидимой — у нее, как у лесных зверей, был дар скрываться в переплетениях ветвей, сливаться с разнообразными красками, которыми сменяющиеся времена года окрашивали листья и мхи. Анжелика никогда не заставала ее спящей или даже просто отдыхающей. Глаза Мелюзины оставались открытыми, блестящими и настороженными, и часто именно их Анжелика первыми различала в темноте. Еще не видя девочки, но уже ощущая ее присутствие, старуха улыбалась и говорила своим негромким, всегда веселым голосом: «Ну вот и ты, я тебя ждала... Пойдем!..»

Но и в этот день, и на следующий, Анжелика напрасно вдоль и поперек обошла лес, не осмеливаясь ни заходить чересчур далеко без сигнала, ни позвать колдунью, которая настоятельно советовала никогда не обнаруживать голосом своего присутствия.

Наконец девочка дошла до края отвесной скалы, в склоне которой открывалась пещера колдуни. Сегодня среди трав утеса не было видно и следа «дьявольского дыма», заставлявшего в ужасе убегать прохожих. Стоял

самый разгар лета, в воздухе царила духота, побудившая погасить очаги в жилищах.

Анжелика забеспокоилась. А вдруг Мелюзина заболела? У нее не было никого, кто мог бы о ней позаботиться. Одиночество старухи показалось ей настолько полным, что само по себе могло стать смертельно опасной болезнью.

«Когда нет никого, совсем никого, кто мог бы помочь или хотя бы просто вспомнить о тебе, — подумала Анжелика, — несложно умереть из-за пустяка». Мелюзина может случайно упасть и оказаться не в силах пошевелиться. Где бы то ни было — в глубине леса или в своем логове; время восторжествует над ней, и она просто умрет от голода. «Жизнь — такая хрупкая штука», — часто говорила Мелюзина. Нужна самая малость, чтобы удержать ее, но эта малость так необходима! Анжелика удивлялась словам колдуньи, потому что чувствовала себя крепкой и полной жизненных сил.

А вот у Мелюзины не было никого.

В начале зимы, когда старуха приходила на хутора со своей маленькой корзинкой, наполненной целебными травами, какая-нибудь смелая крестьянка отваживалась выскочить на порог и торопливо, избегая глядеть колдунье в глаза, протянуть той кружку молока или кусок хлеба в обмен на нехитрые снадобья.

Анжелика приблизилась к краю скалы и, осмотревшись, начала спускаться, цепляясь за высокую траву и заросли можжевельника. Она осторожно продвигалась, различая впереди нечто вроде дорожки с неровными уступами, которая, без сомнения, была слишком крута для обитательницы этих мест. И тем не менее Мелюзине приходилось преодолевать ее ежедневно. Чуть ниже дорожка заканчивалась поросшим дерном входом в жилие. Спустившись,

девочка спрыгнула на землю. Перед нею открылась пещера, притаившаяся за завесой из листвы и веток.

Послышался шорох, и Анжелика, застыв на полпути, увидела между зарослями лицо Мелюзины. Привлеченная шумом, она с насмешливым видом смотрела снизу, как Анжелика приближается.

— Мелюзина! Я думала, что ты заболела!

Послышался заразительный смех колдуньи, похожий на смех ребенка.

— Я — заболела? Почему ты волнуешься? А если бы и так, не имею ли я все необходимое для того, чтобы вылечиться?

— Но у тебя нет никого, кто бы помог тебе готовить отвары, если ты станешь слишком слаба! Всегда нужен кто-нибудь, чтобы помочь больному!

Мелюзина продолжала смотреть на нее, едва сдерживая улыбку. Наконец она спросила:

— Ты боишься?

— Нет, я не боюсь.

— Боишься ли ты взглянуть в лицо страданию и боли или увидеть печать демона?

— Нет, я не боюсь, — заверила Анжелика, продолжая цепляться за корни под звук скатывающихся под ноги мелких камешков. — К чему эти вопросы?

С Мелюзиной она ничего не боялась.

— Тогда входи, — сказала колдунья. — Ты мне поможешь... И не разрушай, пожалуйста, мою лестницу.

Вслед за Мелюзиной Анжелика проникла внутрь. Перед ней открылась довольно просторная пещера с темными углами, заполненными сундуками, ивовыми корзинами, камышовой мебелью, множеством валявшихся на земле горшков, глиняных кувшинов и флаконов.

В темноте свода она различила сидящую на кривой ветке сову, о которой не раз слышала. Сейчас птица спала, прячась от дневного света; но нигде не было

видно кота. Как Анжелика и предполагала, огонь не был зажжен. Однако в воздухе чувствовался сильный запах лекарств, приготовленных в котелках и в горшках.

В глубине комнаты, там, где было темнее всего, на подстилке из папоротников, словно небрежно брошенный мешок, лежал спящий человек. Он был не очень высокий, скорее коренастый, одетый в какие-то темные, слишком широкие для него лохмотья. Из заплатанных штанов торчали голые мозолистые и стертые ступни, ступни бедняка. Немного поодаль она увидела его башмаки, подбитые крупными гвоздями, еще не слишком стоптанные, хотя и прилично истрепанные. Таким же казался и их обладатель, прислоненный к одной из внутренних перегородок стены. Он был жив, а его глубокий сон, должно быть, вызвали искусные смеси, которые знахарка заставила его выпить. Лица не было видно, потому что его покрывал толстый слой повязок из выбеленного льна.

— Это кто-то из наших краев? — спросила Анжелика.

На лице колдуньи появилась едва заметная ироничная усмешка.

— Уж не воображаешь ли ты, что я могла бы завлечь в свою пещеру одного из этих несчастных святош даже ради спасения его жизни? Его собратья уже давным-давно бы обшарили все вокруг, крича, что я заманила его, чтобы сварить в котелке Сатаны!

Пожав плечами при упоминании глупостей, на которые способны люди, она опустилась на колени около своего пациента. Анжелика сделала то же самое. Склонившись, колдунья долго всматривалась в неподвижное человеческое тело, как бы изучая то, что происходило внутри.

— Еще несколько дней, — сказала она наконец, — и я чувствую, что все закончится.

Она посмотрела на Анжелику и взяла ее за руки.

— Ты еще очень маленькая, но твои руки сильные и исцеляющие.

Она прошептала доверительным тоном:

— Я усыпила краба^[28], который под кожей выедал ему лицо...

Она на мгновение закрыла глаза, затем продолжила торжественным тоном:

— Нужно будет выманить его на поверхность... Нельзя чтобы человек пошевелился, иначе краб проснется... Ты будешь держать его голову.

— Прямо сейчас?

Колдунья засмеялась и затрясла своей белой как снег шевелюрой.

— Нет... Нужно ждать... Еще одну ночь. Сейчас растущая луна. Она притягивает силы земли и поможет этим силе моих рук... Возвращайся завтра к вечеру... Будет как раз время.

Предполагая, что она будет занята всю ночь, Анжелика задумалась над тем, как устроить так, чтобы уйти из дома и не разбудить Ортанс. Ведь если она проснется, то поднимет на ноги весь замок. Мелюзина, разгадавшая ход ее мыслей, засмеялась, затем с довольным видом покачала головой.

— Это хорошо, ты смелая... И готова на все, чтобы помочь ближнему!

***

Когда на следующий день Анжелика возвратилась, оранжевое солнце уже спускалось к горизонту. Внутри пещеры она уловила слабый серный запах.

Колдовское бормотание слетало с полузакрытых губ Мелюзины.

Колдунья сделала девочке знак опуститься, как и она сама, на колени подле лежащего человека.

Анжелика хорошо знала, в чем состояла ее роль. Не впервые ей приходилось касаться больного, чтобы снять боль, но на этот раз ей нужно было еще и удерживать его голову в неподвижности. Для того чтобы быть уверенной в том, что сама она не пошевелится и не задрожит, Анжелика решила, несмотря на жгучее любопытство, не отвлекаться на наблюдение за операцией, которую собиралась выполнить знахарка, и сосредоточить свое внимание в одной точке на стене. Тем не менее она по-прежнему ощущала движения рук Мелюзины, лежащих на повязке. Эти руки словно помогали движениям губ находящейся в трансе женщины, ее странному, почти беззвучному бормотанию. Временами даже казалось, как будто пение доносилось откуда-то из другого места, снаружи.

Звуки стали затихать. Голова, которую удерживала Анжелика, вдруг показалась ей легче.

— Смотри!

То, что она увидела на снятой белой повязке, было не столько крабом, сколько огромным черным пауком с безобразной мордой, красной в центре и с черными разводами по краям.

Голова Мелюзины оставалась склоненной, она созерцала открывшуюся ей картину с напряженным вниманием.

— Все закончилось, — прошептала она наконец. — Он поправится.

Потом Анжелика помогла колдунье наложить повязки на распухшую щеку больного. Пещеру заполнил резкий запах лекарств. Удушающие испарения насквозь пропитали жилище колдуньи. Просачиваясь наружу через дымоход камина и распространяясь далеко над песчаной равниной, они без сомнения вызывали ужас всех, кто проходил мимо.

Огонь в очаге Мелюзины медленно поглощал белье, повязки... Анжелика забыла о времени. Именно Мелюзина напомнила ей, что на дворе наступила ночь.

К счастью, не в первый раз Анжелике приходилось поздно возвращаться домой со своих эскапад, и кормилица Фантина всегда оставляла для нее в печи теплый суп. Анжелика приходила к Мелюзине еще два дня, помогая делать перевязки и готовить снадобья. Человек всегда был неподвижен, находясь в своей летаргии, как в далекой стране.

Однажды, придя к Мелюзине, она не увидела его на привычном месте. Исцеленный, незнакомец снова отправился в путь.

— Кто это был? — опять спросила Анжелика.

— Бродяга, несчастный перекаати-поле... Мало-помалу, люди стали его избегать, его принимали за прокаженного, в него бросали камни...

Колдунья посмотрела на Анжелику с нежным участием, как на сообщницу.

— Мы сохранили ему жизнь, — сказала она.

***

Следуя давней привычке, Фантина Лозье, купив у бродячего овернского торговца немного воска и несколько лент, смогла поведать мессиру барону о наиболее важных новостях, касающихся жизни Французского Королевства.

Слушая кормилицу, никто не мог поверить, что простой торговец сумел сообщить ей так много. Все приписывали ее воображению, но на самом деле то была прозорливость. Чтобы уловить суть происходящего, кормилице было вполне достаточно одного слова, нечаянно слетевшего с чьего-то длинного языка, неожиданно дерзкого ответа попрошайки, взволнованного лица рыночного торговца.

Барон де Сансе протестовал.

— Фантина, нельзя ли хотя бы год прожить без ваших навязчивых идей о катастрофах?..

Кормилица защищалась.

Ведь на этот раз мессир барон мог заметить, что она не предсказала нападения на их земли разбойников.

И действительно, они не напали.

Напротив, сейчас, по словам бродячего торговца, приближались хорошие времена.

Покидая Париж, оставляя за собой мятежный парламент, монсеньор кардинал Джулио де Мазарини отправлялся за Рейн, в землю под названием Вестфалия, чтобы подписать там договор об окончании Тридцатилетней войны.

***

На чердаке замка старый Лютцен начистил до блеска свою каску, снял ржавчину с железной алебарды.

У всех войн безобразные обличья.

Но та, которая должна была вот-вот закончиться, стала спутницей всей его жизни, и казалась самой ужасной из всех Гарпий. Лютцен мог поклясться в этом. Но как и во всех войнах, в ней были проблески света.

Таким светом стала для него сверкнувшая в мареве сражения белокурая шевелюра заблудившегося Северного короля.

День битвы на поле возле Лютцена, где-то в Саксонии, выдался туманным. На своем огромном, тяжелом коне появился король Швеции, Густав-Адольф. Это был настоящий великан. В своих воспоминаниях Гийом всякий раз видел, как короля хватили руками, крюками, кололи пиками, и как тяжело падал он среди своих врагов, одним из которых был и он, Гийом, немецкий наемник императорских армий. В тот день,

несмотря на то что Северный король был захвачен и убит, германские армии потерпели поражение под Лютценом.

Как бы там ни было, толстяк Густав-Адольф остался в истории как достойный стратег и великий завоеватель. Но никто и никогда не сможет забыть ужасных солдафонов, составлявших его армию. Вплоть до Лотарингии, граничащей с Германской империей и Францией, можно было увидеть, как гигантские силуэты вояк рыскали вокруг, оставляя после себя сожженные до основания деревни, замученных крестьян, женщин со вспоротыми животами, детей, проколотых насквозь. Шведы умели так же хорошо держать в руках длинную пику, как и швейцарцы.

Гийом-ландскнехт под командованием великого генерала, барона Франсуа де Мерси, на службе курфюрста Баварского, сражался против них. Лицом к лицу с другими великими французскими генералами — виконтом де Тюренном и герцогом Энгиенским, который у Рокруа впервые заставил обратиться в бегство испанские Терции ^[29].

Нёрдлинген! ^[30]

Еще одно поражение. Это часть профессии. Но тот солдат, который храбро сражался и остался живым, мог считать себя победителем.

На следующий день барон де Мерси умер от ран.

Инстинкт самосохранения заставил наемников покинуть поля сражений и идти через поглощенную войной Европу на запад, к краю света, к зыбкому морю, к неведомому океану.

Они шли на запад. Немецкая речь уступала место французской. Их окружали более зеленые, более волнующие пейзажи. На западе времена года сменялись плавно и гармонично, как в танце.

Маленькая Анжелика любила пересчитывать их по пальцам:

«Март, апрель, май — весна, цветы. Июнь, июль, август — лето, сбор урожая. Сентябрь, октябрь, ноябрь — осень, золотой лес, сбор яблок, урожай винограда, сбор каштанов.

Декабрь, январь, февраль — зима в белых одеяниях, бичующие, стегающие, похожие на драже градины».

Пуату.

Старые теплые домишки. Тенистые рощи, сменяющиеся благоухающими лугами, леса, непроходимые для всех, кроме уроженцев тех мест, болота. Море было совсем рядом.

Монтелу.

Лютцен остался.

Часть вторая
Ветер из далеких краев

Глава 6

После удивительных событий, пережитых в пещере колдуньи, Анжелика стала более послушной. У нее появился интерес к учебе.

Девочка оставалась дома, внимая урокам тетушки Пюльшери, которые та преподавала племянникам и племянницам, исходя из их возраста и усидчивости. Если бы не старая дева, Гонтран не умел бы даже читать.

Анжелика спрашивала себя, не произошло ли в логове Мелюзины чудо, или Божий дар, как называли его в церкви. Ей казалось, что, в благодарность за это, она просто обязана приложить все усилия, чтобы, наконец, унять тревоги любящей тети.

Та не верила своим глазам, глядя на Анжелику, благоразумно сидящую за шитьем, вышиванием или усердно корпеющую над листом бумаги с заданиями. Неужели Бог услышал ее молитвы. Кроме того, предположения по поводу блестящих способностей ветреной племянницы оказались верны: Анжелика вышивала великолепно, легко, словно играючи. Шитье не очень увлекало ее, но и ему она предавалась с завидной ловкостью и быстротой. Единственное, что было по-настоящему трудно, так это долгие часы неподвижно сидеть на одном месте. Малейший шум, доносившийся с улицы, манил ее к окну. Двор старого замка был сценой, где каждый день, а порой и каждый час разыгрывался новый спектакль.

Однажды в дождливый день Анжелика, глядя в окно, с изумлением увидела, как, трясясь на ухабах, на топкую дорогу, ведущую к подъемному мосту, выехала кавалькада всадников и карет. Перед повозками и телегой, забитыми багажом, горничными и слугами,

ехали лакеи в ливреях с желтой оторочкой. Форейторы уже соскочили на землю, готовясь завести упряжку в узкие ворота. Лакеи слезли с запяток первой кареты и распахнули лакированные дверцы, украшенные красно-золотыми гербами.

Анжелика слетела вниз по башенной лестнице и, выбежав на крыльцо, увидела разряженного сеньора, увязшего в навозе, и его шляпу с плюмажем, валявшуюся на земле. На спину слуги, допустившего подобную оплошность, сыпались удары и потоки брани.

Перепрыгивая на носках своих элегантных сапог с камешка на камешек, сеньор в конце концов добрался до безопасной прихожей, откуда на него глазели Анжелика и ее маленькие братья и сестры.

Вслед за ним появился подросток лет пятнадцати, одетый столь же роскошно.

— Святой Дени! Куда запропастился мой кузен? — воскликнул вновь прибывший, окинув окружающих возмущенным взглядом.

Но, заметив Анжелику, он вскричал:

— Святой Иларий! Да это просто вылитая кузина де Сансе, точно такая же, как была во время своей свадьбы в Пуатье. Давай-ка, малышка, твой старый дядюшка обнимет тебя.

Он поднял ее на руки и от души расцеловал. Вернувшись на землю, Анжелика дважды чихнула, — так силен был аромат духов, пропитавших одежду сеньора.

Она вытерла кончик носа рукавом и мельком подумала, что Пюльшери непременно отчитала бы ее за это, но, не зная стыда и смущения, и не подумала покраснеть. Вежливо улыбнувшись, Анжелика сделала реверанс перед гостем, в котором уже признала маркиза дю Плесси-Бельер. Затем подошла поближе, собираясь поцеловать юного кузена Филиппа.

Но тот отпрянул назад и бросил на маркиза испуганный взгляд.

— Отец, мне обязательно целовать эту... хм... эту юную особу?

— Конечно да, молокосос, пользуйся случаем, пока не поздно! — воскликнул знатный гость и расхохотался.

Юноша осторожно коснулся губами круглых щечек Анжелики, затем вытащил из кармана пурпуэна ^[31] пропитанный духами вышитый платок и помахал им перед лицом, словно отгоняя мух.

Прибежал барон Арман, до колен испачканный грязью.

— Маркиз, какая неожиданность! Почему вы не послали гонца, чтобы предупредить о своем визите?

— По правде говоря, дорогой кузен, я собирался направиться напрямик в мое владение Плесси, но в дороге не обошлось без неприятностей: возле Нешо у нас сломалась ось. Куча времени потеряна, скоро ночь и мы замерзли. Проезжая мимо вашей усадьбы, я решился попросить у вас гостеприимства без лишних церемоний. Слуги готовы отнести наши постели и гардеробы в комнаты, которые вы им укажете. А мы пока насладимся приятной беседой. Филипп, поприветствуйте вашего дядю де Сансе и его прелестных наследников.

Повинуясь отцу, красивый подросток покорно вышел вперед и нарочито низко склонил светловолосую голову, возмущенный тем, что вынужден кланяться такой деревенщине. Затем он послушно расцеловал грязные круглые щечки всех своих маленьких кузенов и кузин. После чего вновь вытащил кружевной платок и понюхал его, сохраняя на лице высокомерную мину.

— Мой сын — настоящий придворный кривляка и не имеет представления о сельской жизни, — заявил маркиз. — Единственное, на что он годен — это

бренчать на гитаре. Я устроил его пажом при дворе монсеньора Мазарини, но боюсь, он может научиться там любви по-итальянски. Вам не кажется, что мой сын и без того похож на девушку? Вы ведь знаете, что такое любовь по-итальянски?

— Нет, — наивно ответил барон.

— Я как-нибудь объясню вам, когда мы будем подальше от этих невинных ушей. Но мы скоро умрем от холода на вашем крыльце. Когда же я, наконец, смогу поприветствовать мою прелестную кузину?

Арман де Сансе ответил, что дамы при виде экипажей скорее всего бросились в свои комнаты, чтобы переодеться, но его отец, старый барон, будет рад поздороваться с гостем...

Анжелика отметила, с каким презрением юный кузен оглядывал темную обшарпанную гостиную. Голубые глаза Филиппа дю Плесси были светлыми, словно сталь, и такими же холодными. Его взгляд мельком коснулся потрепанных гобеленов, скудного огня в камине, старого дедушки с его вышедшим из моды гофрированным воротником и остановился на дверях. Светлые брови подростка взлетели вверх, а на губах появилась насмешливая ухмылка.

Мадам де Сансе вошла в сопровождении Ортанс и двух тетушек. Конечно, они надели лучшие платья, но даже они показались нелепыми юному придворному, который прыснул от смеха в свой платок.

Анжелика не могла оторвать от него глаз, мучаясь от желания расцарапать ногтями его лицо. Разве сам он не был смешон со всеми своими кружевами, лентами, свисающими с плеч, и рукавами с разрезами от подмышек до самых запястий, через которые виднелось нижнее белье?

Его менее высокомерный отец поклонился дамам, подметая плитки красивым кудрявым пером шляпы.

— Дорогая кузина, простите меня за скромный наряд. Мне пришлось предстать перед вами, чтобы просить приюта на ночь. Со мной мой сын, шевалье Филипп. Он вырос с тех пор, как вы видели его в последний раз, но стал за это время совершенно невыносимым. Я собираюсь купить ему должность полковника, — армейский дух и дух сражений должны пойти ему впрок. Нынешние придворные пажи не представляют себе, что такое дисциплина.

Внезапно маркиз отступил на несколько шагов, всплеснул руками в радостном удивлении, и — в первый и, наверное, в последний раз — дети увидели, как кто-то смотрит на их мать с восхищением.

Именно так маркиз смотрел на баронессу де Сансе.

— Дорогая кузина, я счастлив, что могу вновь видеть ваш неповторимый редкий цвет глаз, цвет морской волны. Ну конечно! Люзиньян, где фея Мелюзина, прародительница королей, правивших Кипром^[32] и Иерусалимом^[33], и жена Раймона де Фореза из Пуату, первого сеньора Люзиньяна, воздвигла один из красивейших своих замков, совсем недалеко отсюда. Я припоминаю, что в вашем семействе Меерье хвастались родством со славнейшей и древнейшей династией, берущей свое начало от нашей знаменитой феи...

Повернувшись, он взглянул на Анжелику:

— И как я вижу, вы подарили этот неповторимый цвет одной из ваших дочерей?

— Только более яркий, освещенный сиянием ее юности, — ответила баронесса, которая была умной женщиной и не забыла светского воспитания, научившего ее не разевать рот от удивления перед любым, даже самым нелепым комплиментом.

И все же немного краски появилось на ее бледном лице.

— Дорогая кузина, вы слишком скромны.

— Дорогой кузен, вы как всегда слишком любезны.

— Отец... отец... — вмешался юный Филипп, заикаясь от изумления, вызванного только что услышанными словами. — Вы... вы хотите сказать, что эти... господа ведут свой род от... от феи?

— Ну да! И ты должен быть польщен знакомством с ними. Давным-давно Мелюзина стала женой Раймондена де Фореза и основала не только династию Люзиньян, но и Люксембургскую и Богемскую династии...

Филипп вытаращил голубые глаза.

— Но это... это смешно...

— Не надо так пыжиться, мальчик мой. Родись ты в этой провинции, был бы верно не таким глупцом. Твоя мать совершила ошибку, вскормив тебя парижским молоком. В Париже способны вырастить лишь безмозглых бунтовщиков, как та чернь, что поднялась на баррикады, чтобы защитить...

— Баррикады! — воскликнули все хором.

— Ну да! Я объясню вам, как это делается. Вы собираете вместе все пустые бочки, что смогли найти, насыпаете в них землю и навоз, связываете их цепями и ставите поперек улицы. Вот баррикады и готовы... Теперь все дороги в столицу перекрыты... а парижане сами себе хозяева и слуги.

В зале повисло молчание. Никто точно не знал, хороша ли новость или плоха. Всегда радушная и внимательная к гостям, тетушка Пюльшери предложила:

— Не хотели бы вы чего-нибудь? Пикета^[34] или простокваши? Вы ведь приехали издалека.

— Благодарю. Мы охотно отведали бы капельку вина, разбавленного холодной водой.

— Вина у нас больше нет, — ответил барон Арман, — но я сейчас отправлю слугу попросить немного у юре.

Тем временем маркиз уселся и, поигрывая тростью из эбенового дерева, украшенной розовым атласным бантом, сообщил, что прибыл прямо из Сен-Жермена, что дороги похожи на выгребные ямы, и тут же еще раз извинился за свой скромный вид.

«Как же тогда выглядит их парадный наряд?» — подумала Анжелика.

Дедушка, недовольный бесконечной болтовней об одежде, коснулся тростью отворотов сапог гостя.

— Если верить кружевам на ваших сапогах и воротнике, эдикт 1633 года, которым монсеньор кардинал Ришельё запретил всяческие финтифлюшки, уже совершенно забыт.

— Боюсь, что он забыт не до конца! — вздохнул маркиз. — Королева-мать живет в строгости и нищете. Мы вынуждены буквально доводить себя до разорения, пытаюсь придать немного блеска аскетичному двору. Кардинал Мазарини любит роскошь, но он носит мантию. На каждом пальце у него по алмазу, но из-за нескольких лент на пурпуэнах принцев он готов метать громы и молнии, как и его предшественник. Эти кружева на отворотах...

Он скрестил ноги перед собой и стал рассматривать их с тем же вниманием, с которым барон Арман изучал своих мулов.

— Я думаю, мода на кружева скоро закончится, — заявил он. — Некоторые молодые щеголи носят сапоги с такими широкими отворотами, что они похожи на абажуры, и чтобы не помять кружева, им приходится ходить, расставив ноги, как больным срамной болезнью... Когда мода становится неудобной, она исчезает сама по себе... А что вы думаете об этом, моя дорогая племянница? — спросил он, обращаясь к Ортанс.

Такого смелого и прямого ответа никто не ожидал от этой худой стрекозы:

— Дорогой дядюшка, мне кажется, что с модой не спорят, она всегда права. Должна заметить, что никогда в жизни не видела таких сапог, как у вас. Вы, несомненно, самый модный из всех наших родственников.

— Я рад, мадемуазель, что жизнь в столь отдаленной провинции не помешала вам вырасти остроумной и галантной, и пусть вы меня считаете современным, знайте, что девушки в мое время не решались первыми делать комплименты мужчине. Но нынешняя молодежь совсем другая... и это отнюдь не кажется возмутительным. Скажите, как вас зовут?

— Ортанс.

— Ортанс, вы обязательно должны поехать в Париж и посетить салоны, где собираются ученые женщины и жеманницы. Филипп, сын мой, можешь мне не верить, но, вполне возможно, ты столкнешься с серьезной конкуренцией во время пребывания в наших славных землях Пуату.

— Клянусь шпагой Беарнца!^[35] — воскликнул старый барон. — Я неплохо понимаю латынь, немного знаю английский, могу не без труда говорить на немецком и хорошо изучил родной французский, но должен признать, маркиз, что абсолютно ничего не могу понять из того, о чем вы болтаете с моими дамами.

— Дамы все поняли и это главное в галантной болтовне! — весело воскликнул дворянин. — А моя обувь? Что вы о ней думаете?

— Почему носы такие длинные и квадратные? — спросила Мадлон.

— Почему? Никто не может сказать точно почему, моя маленькая племянница, но таков последний крик моды. И эта мода весьма полезна! Недавно мессир де

Рошфор воспользовался тем, что принц Конде увлекся разговором, и всадил гвозди в носки его туфель. Когда мессир принц собрался уходить, оказалось, что он прибит к полу. Представьте, будь носки немного короче, его ноги были бы пробиты.

— Я думал, обувь создана не для того, чтобы доставлять удовольствие каждому, кому вздумается вбивать гвозди в ноги соседям, — пробормотал дедушка. — Это глупо.

— Знаете ли вы, что король в Сен-Жермене^[36]? — спросил маркиз.

— Нет, — сказал Арман де Сансе. — А что в этом необычного?

— Но, дорогой мой, он там из-за Фронды.

Разглагольствования маркиза нравились женщинам и детям, но бедные дворяне, привыкшие к неторопливой речи крестьян, спрашивали себя, не решил ли их велеречивый родственник по своему обыкновению посмеяться над ними.

— Фронда?^[37] Рогатка? Но это же детская игрушка.

— Детская игрушка! Вы, верно, шутите, дорогой кузен. При дворе мы зовем Фрондой мятеж Парижского парламента против короля. Слыханное ли дело! Уже несколько месяцев как эти господа в профессорских шапочках бранятся с королевой-матерью и итальянским кардиналом... Они не могут прийти к согласию даже в вопросе налогов, в которых ничего не смыслят, но мнят себя защитниками народа. Одна нападка за другой, и вот уже регентша начинает терять самообладание.

Вы хотя бы что-нибудь слышали о волнениях в прошлом августе?

— Немного.

— Страсти разгорелись из-за ареста Брусселя, советника парламента. Регентша приказала его задержать утром, а он тогда как раз принял

слабительное. Когда крики служанки расшевелили чернь, Комминж, командир гвардейцев, не стал ждать, пока арестованный оденется, и потащил его в карету прямо в халате. Не без труда, но ему все же удалось выполнить поручение королевы. Он говорил мне после, что эта конная прогулка сквозь разъяренную толпу была весьма занимательна, словно речь шла о похищении прелестной девицы, а не хнычущего старика, который даже не мог понять, что происходит.

Как бы то ни было, чернь, обманутая в своих ожиданиях, принялась строить баррикады. Вот в чем суть этой игры, в которую играет парижский народ, чтобы выплеснуть свой гнев.

— А королева и маленький король? — с беспокойством спросила впечатлительная тетушка Пюльшери.

— Как вам сказать? Вначале она весьма высокомерно встретила господ из парламента, а затем уступила. Потом они ссорились и заключали мир множество раз. Поверьте мне, Париж в последние месяцы напоминает колдовской котел, в котором кипят человеческие страсти. Париж — славный город, но он скрывает в своих недрах столько нищих и бандитов, что избавиться от них можно, разве что спалив всю эту заразу.

Я уже не говорю о памфлетистах и грязных поэтах, перья которых разят словно пчелиные жала. Париж наводнен пасквилями, повторяющимися в стихах и в прозе: «Долой Мазарини! Долой Мазарини!» Поэтому мы зовем их мазаринадами.

Королева находит их даже в своей постели, и ничто более не способствует бессоннице и не портит цвет лица, как эти, невинные на первый взгляд, листочки бумаги.

Короче, разразилась драма. Господ из парламента давно мучили подозрения; они все время опасались, что

королева тайно увезет маленького короля из Парижа, и трижды являлись под вечер с целым войском, чтобы попросить разрешения посмотреть, как спит прелестный ребенок, а на самом деле убедиться, что он никуда не исчез. Но испанка и итальянец хитры. В день Богоявления все при дворе пили, весело пировали и, ни о чем не подозревая, угощались традиционным пирогом. А посреди ночи, как только я вместе с друзьями собрался прогуляться по тавернам, мне пришел приказ собрать людей и экипажи и доставить их к одним из парижских ворот. Оттуда я отправился в Сен-Жермен, где обнаружил королеву, двух ее сыновей, фрейлин, пажей и весь высший свет, расположившийся на соломе в старом замке, продуваемом всеми ветрами. Там был даже Мазарини.

Затем принц Конде^[38] возглавил королевскую армию и осадил Париж. Парламент продолжил восстание в столице, но его положение пошатнулось. Парижский коадьютор, принц Гонди, мечтающий занять место Мазарини, тоже присоединился к бунтовщикам. А я последовал за принцем Конде.

— Да уж, хорошие дела творятся на свете, — вздохнул старый барон. — Ни разу во время правления Генриха IV мир не видел подобных беспорядков. Парламентарии, принцы, затевающие бунты против короля Франции, все это влияние идей, что доносятся до нас с той стороны Ла-Манша. Говорят, что бунт английского парламента против короля дошел до того, что они осмелились заключить его в тюрьму?

— И даже уложить его голову на плаху. Его Величество Карл I был казнен в Лондоне в прошлом месяце^[39].

— Какой ужас! — ошеломленно воскликнули все вокруг.

— Нетрудно догадаться, что новость не обрадовала никого при дворе, куда к тому же явилась безутешная вдова английского короля с двумя детьми. Тогда и было решено оставаться жестокими и непримиримыми к взбунтовавшемуся Парижу. Поэтому меня послали помогать маркизу де Сен-Мору поднимать армии в Пуату. Я был бы удивлен, если на моих землях и на ваших, дорогой кузен, я не смогу завербовать по крайней мере полк, которым бы смог командовать мой сын. Итак, посылайте всех лодырей и бездарей к моим помощникам, барон. Мы сделаем из них драгунов.

— Значит, опять война? — медленно сказал барон Арман. — А ведь казалось, что все идет на лад. Разве осенью не был подписан Вестфальский мир, закрепивший поражение Австрии и всей Германской империи? Мы думали, что сможем немного перевести дух. Хотя, по правде сказать, нашим краям грех жаловаться, в отличие от деревень Пикардии и Фландрии, вот уже тридцать лет занятых испанцами...

— Люди уже привыкли к этому, — с легкостью ответил маркиз. — Дорогой мой, война — необходимое зло, и требовать мира — почти ересь, если Бог не желает его для нас, бедных грешников. Просто надо всегда быть среди тех, кто воюет, а не среди тех, с кем воюют... Что касается меня, я всегда выбираю первое, благо мое положение дает мне на это право. Одно неприятно — моя жена заняла в Париже... да, другую сторону, сторону парламента. Впрочем, я не думаю, что она нашла себе любовника среди этих важных ученых мужей, ведь у них слишком мало лоска. Но вы же знаете, что дамы обожают интриги, и Фронда их просто очаровала. Они объединились вокруг дочери^[40] Гастона Орлеанского^[41], брата короля Людовика XIII. Они носят голубые шарфы через плечо и даже маленькие шпаги в

кружевных портупелях. Все это очень красиво, но я не могу не беспокоиться за маркизу...

— Она может попасть в какую-нибудь нехорошую историю, — простонала Пюльшери.

— Нет. Она, конечно, взбалмошна, но осторожна. Меня мучит другое: если что дурное и случится, пострадавшим буду я. Вы меня понимаете? Такая разлука гибельна для супруга, который не любит ни с кем делиться. Что до меня, то...

Он остановился, сильно закашлявшись из-за того, что конюх, только что возведенный в должность камердинера, бросил в камин, пытаясь оживить огонь, огромную охапку сырой соломы. В клубах дыма, который повалил из камина, несколько минут слышались одни лишь приступы кашля.

— Милостивый боже! Дорогой кузен, — воскликнул маркиз, когда смог наконец отдышаться, — я понимаю ваше желание вздохнуть свободно. Ваш полоумный слуга заслуживает розг.

Он все превращал в шутку, и Анжелика находила его милым, несмотря на высокомерие. Разговоры увлекли ее. Казалось, старый замок, только что стоявший в оцепенении, проснулся и открыл свои тяжелые двери навстречу новому миру, полному жизни. К тому же дядя верил, что ее семья ведет свой род от феи Мелюзины, и когда он говорил о Раймоне де Форезе, забывчивом супруге феи, то называл его фамильярно Раймонден, как позволяли себе только уроженцы Пуату.

Но зато его сын все сильнее хмурил брови. Он сидел на стуле словно одеревенев, со своими светлыми кудрями, красиво лежащими на кружевном воротнике, и бросал полные ужаса взгляды на Жослена и Гонтрана, которые, прекрасно осознавая, какое впечатление производят, ковыряли пальцами в носу и почесывали голову, чтобы еще больше походить на оборванцев. Их

проделки расстраивали Анжелику и вызывали в ней чувство, похожее на тошноту. Впрочем, она уже некоторое время чувствовала себя нехорошо, мучаясь от болей в животе, и Пюльшери запретила ей есть любимую сырую морковь. Но сегодня, несмотря на многочисленные волнения и забавы, которые принесли нежданные гости, Анжелика чувствовала себя заболевшей. Каждый раз при взгляде на кузена Филиппа дю Плесси у нее сжималось сердце, и она не знала, было ли это отвращение или восхищение. Никогда раньше она не видела такого красивого мальчика.

Волосы, шелковая бахрома которых обрамляла лоб, сверкали золотом, и рядом с ними ее собственные кудри казались темными. Черты его лица были совершенны. Костюм из тонкого серого сукна, с кружевами и голубыми лентами очень шел к нежно розовой коже. Его можно было бы принять за девушку, если бы не жестокий взгляд, в котором не было ничего женского.

— Так на чем я остановился? — продолжил маркиз, в то время как пелена дыма медленно рассеивалась. — Ах да, я говорил обо всех этих безумных личностях, которые вовлекли мою жену в Фронду... герцогиня де Монбазон и де Шеврёз^[42], мадам де Буйон, принцесса Конде, жена принца Людовика II, и его сестра герцогиня де Лонгвиль^[43] ... На самом деле причиной всех бед был принц де Марсийак...

— Губернатор Пуату?

— Да, он был губернатором, но это в прошлом... Дело в том, что принц де Марсийак, герцог де Ларошфуко^[44] решил...

— Позвольте-ка! — прервал его педантичный дедушка. — Герцог де Ларошфуко! Он еще не герцог. Его отец, мой ровесник, все еще жив, насколько мне известно.

— Да, да, именно из-за этого и случилась беда. Будучи при дворе, Марсийак оказал множество услуг королеве-матери и добивался чести получить «табурет» для жены. Вы знаете, что означает «табурет»: право женщины сидеть в присутствии королевы. Подобная честь обычно дается только герцогиням, и герцог Марсийак, который тогда еще не унаследовал титул, получил отказ. Но в придачу к перенесенному унижению, в это же время кардинал Мазарини, как вам известно, любимец королевы, предоставил «табурет» шести другим придворным дамам, с титулами не выше принцессы^[45]... Разве можно было пережить такое оскорбление и не устроить бунт?

— Конечно нет! — воскликнули женщины хором.

— Марсийак так и сделал. Он взбунтовался: присоединился в Париже к фронде парламента и отдал в их распоряжение свою шпагу. За собой он увлек — или же был сам ею увлечен, трудно сказать точно — свою любовницу герцогиню де Лонгвиль, сестру принца Конде...

Маркиз дю Плесси остановился, словно захваченный каким-то видением, явившимся перед ним, в то время как его слушатели не смогли удержаться от мысли, что принц Марсийак выбрал престранный способ отомстить за честь жены...

— Его любовница... — восторженно повторил маркиз. — Разве можно ее описать? Анна-Женевьева Конде, герцогиня де Лонгвиль... Она похожа на ангела! Бледно-золотистые волосы словно божественный нимб. Перламутрово-розовая кожа, легкая походка, и такая нега в каждом жесте, что, кажется, она готова лишиться чувств прямо у вас на руках... А ее глаза...

Маркиз страстно замахал руками, и алмазы на его кольцах молниями засверкали в полутьме гостиной.

— Ее глаза цвета бирюзы. Да, да, цвета бирюзы. Она кажется ангелом, ангельски кроткой и такой... Вы — изумруд... — попытался объяснить он, повернувшись к баронессе. — А она — бирюза!

Он вновь продолжил свой рассказ:

— Анна-Женевьева Конде, герцогиня де Лонгвиль... Она увлекла за собой Бофора^[46], маршала де Ламотта^[47] и... как знать?

— Но, — осмелилась вмешаться Пюльшери, решившая лучше разобраться в этих запутанных связях, — эта прелестная особа, с которой... с которой дружит принц де Марсийак, настоящая принцесса крови, ведь она из королевской семьи.

— Да, и даже дважды да, потому что Лонгвили тоже принцы крови.

Казалось, он что-то искал, роясь в своей непогрешимой памяти.

— Они потомки Жана Орлеанского, умершего в 1418 году. Его наследники, служа королю и участвуя в битвах, заслужили герцогский титул. При Карле IX Леонор де Лонгвиль получил титул принцев крови для герцогов Лонгвилей^[48]. Все женщины этого семейства славятся своей храбростью!

Мне недавно передали из столицы, что на следующий день после приезда в Париж, мадам де Лонгвиль и мадам де Буйон явились в Ратушу, чтобы поселиться там и командовать всеми событиями... Гревская площадь была полна народа, кричащего от радости и восхищения... Советники возражали, но они все-таки настояли на своем. Старую комнату, которую им предоставили, они за несколько часов превратили в изысканный салон, где дамы в великолепных платьях и мужчины в военном облачении собираются вместе под звуки скрипок.

Там же принцесса родила через несколько дней сына, отцом которого, разумеется, был наш земляк Марсийак. Город удостоился чести стать крестным отцом, и ребенка назвали Шарль-Париж. Поль де Гонди, сеньор де Рец^[49], окрестил его, позабыв на время о ненависти к Ларошфуко и нежных чувствах к герцогине де Лонгвиль. А герцог де Лонгвиль^[50], будучи как любой хороший муж совершенно не у дел, подарил ребенку свой наследный титул графа де Сен-Поля. Это было так романтично!

— Какой скандал! — воскликнул дедушка.

В наступившей тишине слышались чьи-то рыдания.

— Почему ты плачешь, Мадлон?

Анжелика уже знала, почему испугалась ее маленькая сестра.

— Она плачет, потому что вы произнесли имя сеньора де Реца, который известен в наших местах как ужасный негодяй.

— Понятно! Но речь шла совсем не о нем, я говорил о коадьюторе парижского архиепископа. Семейство де Гонди имеет кое-какие права называть себя де Рец, потому что земли возле знаменитого замка Тиффож принадлежат им. Хотя этот Рец тоже известный негодяй.

— Кoadьютор архиепископа! Негодяй! — всплеснув руками, воскликнула Пюльшери.

— Конечно. И он без тени смущения говорит, что, вступив в должность, стал вести еще более развратную жизнь, потому что принял церковный сан не по своей воле. Его вынудили так поступить, чтобы усилить позицию его дяди, парижского архиепископа, которого называют легатом Реца, и, клянусь, наш Франсуа де Гонди неплохо взялся за дело. Его красноречивые проповеди великолепны, они помогают вовлечь народ в

Фронду. Он щедро раздает милостыню, вот и пришелся по душе нищим и всякой швали.

— А принц, который уже не герцог Энгиенский после смерти отца^[51], — спросил барон Арман, который не хотел оставаться не у дел. — Как поступил он?

— Ну, как я уже говорил, хотя он и не любит Мазарини, он встал на сторону короля и последовал за двором в Сен-Жермен...

— Вот как!

— Убежден, он без труда разгромит армию, поднятую парламентариями, несмотря на Тюренна^[52], который предложил свою помощь. Но не надо забывать, что младший брат Конде, принц Конти^[53], уже присоединился к фрондерам и обольстительной сирене Анне-Женевьеве Конде, герцогине де Лонгвиль. Сможет ли он сопротивляться зову, влекущему его в Париж? Все знают, что оба брата без ума от своей сестры...

— О! — воскликнули потрясенные женщины.

— А вы, дорогой кузен, — спросил Арман, — что будете делать вы, если мессир принц присоединится к брату, сестре и парижской Фронде?

— Я последую за ним без всяких сомнений.

— Но это измена! — воскликнул дедушка.

Маркиз дю Плесси-Бельер стал оправдываться со всей искренностью человека, связанного священными клятвами и торжественными обещаниями.

— Я не могу поступить иначе! Я принадлежу к партии сторонников принца Конде...

— Измена! — возмущенно повторил старый барон, вскочив на ноги.

Присутствующие были совершенно сбиты с толку; одновременно ошеломленные и очарованные рассказами маркиза, они не могли понять, нужно ли им смеяться или же плакать при виде гнева старого барона, который стучал тростью по полу.

Как хозяйка дома, желая избежать скандала, баронесса поспешила сообщить, что ужин подан.

Арман бросился к отцу, чтобы взять его под руку и поддержать. Маркиз предложил свою руку баронессе, и они образовали кортеж. Филипп, бросив на Анжелику насмешливый взгляд, пригласил Ортанс, которая тут же надулась от гордости. Жослен поймал Анжелику и шепнул ей, чтобы она не переживала. Остальные дети, взявшись за руки, парами последовали за всеми. Раймон закрывал шествие со всей возможной важностью семейного духовника.

Так они и вошли в столовую, где каждый занял свое место. Этот церемониал успокоил дедушку. Он уже не сердился на маркиза, в свою очередь не утратившего хорошего расположения духа. Маркиз был весел, невзирая ни на что.

Его сын, напротив, хмурился все сильнее и сильнее и продолжал бросать вокруг косые взгляды. Из-за него весь вечер и ужин показались Анжелике пыткой. Каждая оплошность слуг, малейшая неловкость сопровождалась ехидным взглядом или насмешливой улыбкой подростка.

Жан Латник, выполняющий обязанности дворецкого, стал подавать на стол, перекинув салфетку через плечо. Маркиз расхохотался и сказал, что подобная манера пристала лишь за столом короля или принца крови, и ему, конечно, льстит оказанная честь, но он удовлетворился бы и церемонией попроще, когда салфетку перекидывают через локоть. Стараясь изо всех сил, конюх пытался накрутить засаленную салфетку на волосатую руку, но его неловкость и тяжкие вздохи только удвоили веселье маркиза, к которому вскоре присоединился и его сын.

— Такого молодца я желал бы видеть драгуном, а не лакеем, — сказал маркиз, глядя на Жана Латника. — Что ты об этом думаешь, парень?

Смущенный конюх в ответ издал медвежье ворчание, не делавшее чести велеречивости его матери. Из-за тарелок с горячим супом от скатерти, только что вынутой из сырого шкафа, пошел пар. Один из слуг так усердно снимал нагар с немногочисленных свечей, что они без конца гасли.

Анжелика весь ужин страдала от унижения и гнева. Филипп взял реванш за фею Мелюзину, прародительницу Люзиньянов, из-за которой отец выставил его невежей, не знающим традиций Пуату.

В довершение всего мальчишка, посланный к кюре за вином, возвратился ни с чем и, почесывая голову, сообщил, что кюре уехал изгонять крыс в соседнюю деревушку и что его служанка, Мария-Жанна, отказалась дать ему даже самый крохотный бочонок.

— Не берите в голову такие мелочи, дорогая кузина, — вмешался любезный маркиз дю Плесси, — мы будем пить яблочный пикет, и, если мессиру моему сыну это не по вкусу, он обойдется и так. Но взамен, пожалуйста, объясните мне, что я только что услышал. Я достаточно знаю местный диалект, на котором некогда разговаривала кормилица, чтобы понять, о чем говорил этот юный крестьянин. Кюре уехал, чтобы изгонять крыс? Что за история?

— Тут нет ничего необычного, дорогой кузен. Жители в соседней деревушке и правда уже давно жалуются на засилье крыс, которые пожирают запасы зерна, и кюре собирался сходить туда, прихватив святую воду, и прочитать молитвы, изгоняющие дьявольский дух, живущий в этих тварях, чтобы те прекратили приносить вред.

Маркиз посмотрел на Армана де Сансе изумленным взглядом, затем, откинувшись на спинку стула, тихо рассмеялся.

— Никогда не слышал ничего забавнее! Нужно будет написать об этом мадам де Бофор. Так значит,

чтобы изгнать крыс, их кропят святой водой?

— Что смешного? — запротестовал барон Арман. — Все беды происходят, когда злые духи проникают в бессловесных тварей, чтобы вредить людям. В прошлом году, когда одно из моих полей заполонили гусеницы, я велел изгнать их именно таким способом.

— И гусеницы ушли?

— Да. Не прошло и двух-трех дней, как они пропали.

— Видимо им больше нечего стало есть.

Мадам де Сансе, которая обычно придерживалась правила, что удел женщины — смиренное молчание, не смогла удержаться от речи в защиту веры, которая, как ей казалось, была под угрозой.

— Дорогой кузен, мне непонятно, почему вы подвергаете сомнению влияние священных таинств на зловредных тварей. Разве в Евангелии не говорится, как сам Иисус Христос заставил бесов войти в стадо свиней? Наш кюре считает полезными такие молитвы.

— И сколько вы платите ему за изгнание бесов?

— Он берет немного, и всегда готов бросить свои дела и прийти по первому зову.

На этот раз Анжелика заметила, как маркиз дю Плесси и его сын обменялись взглядами заговорщиков: эти бедняги, казалось, говорили они, действительно наивны до глупости.

— Надо будет рассказать господину Венсану^[54] об этих сельских обычаях, — продолжил маркиз. — Бедняга придет в ужас. Он основал орден специально для того, чтобы проповедовать Евангелие среди сельских священников. Миссионеры его ордена получили имя в честь святого Лазаря. Их называют лазаристами. Они ходят по трое, читают проповеди и учат деревенских кюре не начинать мессу с «Отче наш» и не спать со служанками. Довольно неожиданное

начинание, но господин Венсан ярый приверженец церковной реформы руками самой церкви.

— Как я не люблю это слово! — воскликнул старый барон. — Реформа! Всегда реформа! От ваших слов несет гугенотами, кузен. Еще немного, и, я боюсь, вы будете готовы предать самого короля. Что касается вашего господина Венсана, как бы прилежно он ни служил церкви, из ваших слов я понял, что у него замашки еретика, и Рим несомненно должен отнестись с недоверием к его делам.

— Тем не менее Его Величество Людовик XIII перед смертью пожелал, чтобы именно он возглавил Совет совести.

— Что такое Совет совести?

Легким жестом маркиз дю Плесси расправил манжеты своей рубашки из тончайшего полотна.

— Как вам объяснить? Совесть королевства — всеобъемлющая вещь. Господин Венсан де Поль — совесть королевства и этим все сказано. Он видит королеву почти каждый день и входит в дома к принцам. Но остается очень простым и светлым человеком. Он не сомневается, что нищета излечима и что сильные мира сего должны помочь ему искоренить ее.

— Утопия! — раздраженно отрезала тетушка Жанна. — Нищета и война, как вы говорили, — это наказание, ниспосланное нам Богом за первородный грех. Пытаться возвыситься над данным свыше долгом равно мятежу против божественного порядка!

— Господин Венсан вам сказал бы, моя милая мадемуазель, что люди сами в ответе за все свои беды. И послал бы вас без дальнейших разговоров носить лекарства и еду беднейшим из ваших крестьян, отметив, что если вы находите их, как говорят, слишком «грубыми и лишенными возвышенных чувств», нужно просто посмотреть на медаль с другой стороны, и вы увидите в их лицах лик страдающего Христа. Своими

руками, сеющими милосердие, этот «дьявольский человек» привлек в свои ряды почти всех дворян королевства. Не кто иной, как я, — жалобно добавил маркиз, — живя в Париже, случилось, дважды в неделю разливал и подавал суп больным в городской больнице.

— Вы не перестаете меня поражать! — взволнованно воскликнул старик. — Решительно, дворяне, подобные вам, просто не знают, что еще придумать, чтобы опозорить свой герб. Должен признать, весь мир встал с ног на голову. Священники проповедуют среди священников, а такой бесстыдный и распутный человек, как вы, читает мораль в такой честной и непорочной семье, как наша. Я не могу больше это выносить!

Взбешенный, он встал из-за стола, и, так как ужин уже подошел к концу, остальные последовали его примеру. Чтобы заслужить прощение, маркиз припал к руке старого барона и стал всячески оправдываться.

Во всем виновата Фронда, то есть война, говорил он. Господин Венсан был в Сен-Жермене вместе с королевским двором, принцы разъехались на поиски армий, а ведь кто-то должен был накормить супом бедняков, которые из-за царивших беспорядков как никогда прежде нуждались в этом.

Все возвратились в большую гостиную.

Анжелика, которая так ничего и не съела, тайком выбралась из комнаты и спряталась в свое убежище, башенную лестницу; в ее закоулках и многочисленных площадках с амбразурами было легко затеряться.

Она почему-то мерзла и ее знобило. После моментов восхищения и восторга, вызванных рассказами маркиза — а особенно рассказом о Фронде, воодушевление исчезло, оставив ее совершенно опустошенной. Все услышанное перемешалось в ее голове: король, спящий на соломе, мятежный парламент, вельможи, подающие суп бедным, Париж, такой притягательный и полный

жизни мир. По сравнению с этой неистовой суетой, она, Анжелика, казалась себе заживо погребенной в склепе. Ее мысли то и дело возвращались к Филиппу.

Завтра он уедет, завтра маркиз с сыном уже будут в Плесси, своей вотчине. По приказу услужливого управляющего Молина многочисленная челядь, готовясь к приезду сеньора, распахнет двери замка и зажжет камин. Там, в волшебном сказочном замке, к которому ведет каштановая аллея, Филипп будет у себя дома... А затем он вернется в Париж, гарцуя во главе собственного полка, красивой игрушки, полученной в дар от родителей. Им будут восхищаться, с ним начнут заигрывать «фрондерки» — безумные и воинственные женщины, одна другой красивее, с цветками и зелеными колосками на шляпах и корсажах. Они будут праздновать триумф. Вся слава будет у его ног, у ног этих женщин в чудесных нарядах, привозносимых всеми, и Филипп позволит им порхать вокруг, словно рой гигантских бабочек, пока голова не пойдет кругом...

Он будет жить рядом с ними!.. Он испробует все... войну, славу, лесть.

Анжелика спешно спряталась в лестничной нише. Кузен Филипп прошел мимо, не заметив ее. Она слышала, как он поднялся по ступеням и стал кричать на слуг, которые, при свете нескольких подсвечников, готовили комнаты для своих хозяев.

В голосе юноши слышался гнев.

— Неслыханно! Никто из вас даже не подумал запастись свечами на последней остановке. Можно было догадаться, что в этой глуши так называемые дворяне ничем не лучше собственных крестьян. Кто-нибудь распорядился, по крайней мере, нагреть воду для моей ванны?

Слуга ответил что-то, но Анжелика не расслышала слов. Филипп вновь раздраженно закричал:

— Нет и не надо! Я вымоюсь в чане! К счастью, отец говорил, что в замке дю Плесси есть две флорентийские ванны. Не могу дождаться, когда окажусь там. У меня такое чувство, что вонь выводка де Сансе никогда не выветрится у меня из носа.

«Он заплатит мне за это», — подумала Анжелика.

Филипп начал спускаться вниз при свете фонаря, висящего у входа. Когда он подошел совсем близко, она вышла из тени винтовой лестницы.

— Как вы смеете так нахально отзываться о нас при лакеях? — раздался под сводами замка ее звонкий голос. — Неужели у вас нет никакого представления о дворянской чести? Без сомнения, это потому, что ваш предок был королевским бастардом. А вот наша кровь чиста.

— Ваша кровь не чище вашей грязной физиономии, — холодно возразил юноша.

Анжелика мгновенно ринулась вперед, собираясь впиться ногтями в его лицо. Но мальчик с недетской силой схватил ее за запястья и яростно оттолкнул к стене. Затем удалился той же неспешной походкой.

Оглушенная, Анжелика слышала только гулкие удары собственного сердца. Какое-то незнакомое чувство - смесь стыда и отчаяния - душило ее. «Я ненавижу его, — думала она, — и однажды я отомщу. Он будет стоять на коленях и просить у меня прощения».

Но сейчас она была всего лишь несчастной маленькой девочкой, спрятавшейся во тьме старого сырого замка.

Дверь скрипнула, и Анжелика узнала силуэт старого Гийома, который вошел, неся ведра с горячей водой для ванны молодого сеньора. Он заметил ее и остановился.

— Кто здесь?

— Это я, — ответила Анжелика по-немецки.

Наедине со старым солдатом, она всегда говорила на языке, которому он ее научил.

— Что вы здесь делаете? — спросил Гийом тоже по-немецки. — Холодно. Ступайте в гостиную слушать истории вашего дяди маркиза. Будет развлечение на целый год вперед.

— Я ненавижу этих людей, — мрачно произнесла Анжелика, забыв о том, в какой восторг ее поначалу привел приезд гостей и их рассказы. — Они наглые и совсем не похожи на нас. Они разрушают все, к чему прикасаются, потом уезжают в свои прекрасные замки, полные чудесных вещей, а мы остаемся ни с чем...

— Что случилось, деточка? — неспешно спросил старый Лютцен. — Ты не смогла пережить пары насмешек?

Анжелике становилось все хуже. Холодный пот струился по ее вискам.

— Гийом, ты, который ни разу не бывал при дворах всех этих принцев, скажи мне: когда встречаешь одновременно злого человека и труса, что нужно делать?

— Станный вопрос для ребенка! Ну, раз уж вы мне его задали, я отвечу, что злого человека нужно убить, а трусу дать убежать.

Он добавил после секундного раздумья, снова взявшись за ведро:

— Но ваш кузен Филипп не злобен и не труслив. Он просто слишком молод, вот и все...

— И ты, ты тоже его защищаешь! — пронзительно закричала Анжелика. — Ты тоже! Потому что он красив... потому что он богат...

Ее рот наполнился горечью. Она пошатнулась и, скользнув вдоль стены, упала без чувств.

***

У болезни Анжелики были вполне естественные причины.

Мадам де Сансе объяснила обеспокоенной дочери, что отныне подобное будет повторяться каждый месяц, до самой старости.

— Теперь я стану падать в обморок каждый месяц? — спросила Анжелика, удивленная тем, что ранее не замечала обязательных обмороков у знакомых ей женщин.

— Нет, это просто случайность. Ты скоро поправишься и привыкнешь к своему новому состоянию.

— Какая разница! До старости еще так далеко, — вздохнула девочка. — И когда я буду старой, у меня совсем не останется времени, чтобы лазить по деревьям.

— Ты отлично сможешь лазить по деревьям, — успокоила ее мадам де Сансе, которая всегда чутко относилась к своим детям и, казалось, разделяла огорчение Анжелики. — Но, как ты и сама понимаешь, сейчас самое время прекратить игры, которые не пристали ни вашему возрасту, ни благородному происхождению вашей семьи.

Она произнесла небольшую речь, в которой поведала о радостях материнства и каре, павшей на всех женщин в расплату за первородный грех, совершенный праматерью Евой.

«Теперь еще и это в придачу к нищете и войне», — вздохнула Анжелика. Растянувшись под одеялом и слушая шум дождя за окном, она ощущала смутную грусть, беспричинное беспокойство и сожаление, какое оставляет неожиданное поражение на пути к верной победе. Время от времени она думала о Филиппе и сжимала зубы.

«Я отомщу. Он заплатит за все».

После обморока, лежа в постели под присмотром Пюльшери, она даже не заметила отъезда маркиза и

его сына.

Ей рассказали, что они не задержались в Монтелу. Филипп жаловался на клопов, которые мешали ему спать.

— А мое прошение, — спросил барон де Сансе, когда его важный родственник поднимался в карету, — вам удалось передать его королю?

— Мой бедный друг, я передал ваше прошение, но боюсь, вам не стоит возлагать на него большие надежды; маленький король сейчас беднее вас, ведь у него, можно сказать, нет даже крыши над головой.

Он добавил немного пренебрежительно:

— Мне рассказали, что вы развлекаетесь разведением мулов. Так заработайте на продаже некоторых из них.

— Я подумаю над вашим предложением, — ответил Арман де Сансе с несвойственной для него иронией. — Несомненно, в наше время дворянин должен трудиться, а не полагаться на великодушные покровителей.

— Трудолюбие! Какое гадкое слово, — произнес маркиз, кокетливо взмахнув рукой. — Ну что ж, до свидания, дорогой кузен. Советую вам отослать сыновей в армию, а в мой полк — всю деревенщину, что скроена поладней. Прощайте! Тысяча поцелуев.

Карета, в окне которой виднелась машущая в прощальном жесте рука, удалилась, трясясь на ухабах.

***

— Не плачь, моя маленькая фея, не плачь! Ты слишком молода, чтобы тратить жизнь на любовную тоску!

— Но я его не люблю, — запротестовала Анжелика. — Напротив, я его ненавижу!

Как только девочка почувствовала себя лучше и решила, что может ускользнуть из-под присмотра

Пюльшери, она отправилась на поиски колдуньи Мелюзины. Выбираясь из замка тайными ходами, чтобы ненароком не столкнуться с кем-нибудь, она выбирала пути, известные только ей и неведомые даже Гонтрану. Один из таких ходов, по которому приходилось пробираться ползком под градом камешков и комьев земли, вывел ее наружу, словно кролика из норы. Недалеко от лесной опушки, она проворно вскочила на ноги и поспешила к деревьям. Дождь уже кончился, но после недавнего ливня лес был наполнен шелестом падающих с листьев капель.

Анжелика знала, что колдунья должна быть у себя в пещере, вход в которую со стороны обрыва скрывала густая завеса тростника. Она спешила на встречу, потому что верила, Мелюзина сможет понять ее и вернуть все то, что отняли недавние гости: душевное спокойствие и сердечный мир... Воспоминание о высокомерном Филиппе заставило померкнуть в памяти неприятные новости, о которых ей поведала мать.

Мелюзина была у себя. Она стояла на коленях перед очагом и устраивала над пылающей горсткой угля облепленный сажей котелок с водой.

Анжелика давно заметила, что даже в сильные холода в пещере было тепло и сухо, словно стены из песка и соломы, поглощали влагу. Мелюзина дружила с природой.

Казалось, она знала, зачем пришла ее гостья. Но все равно внимательно выслушала пылкие объяснения Анжелики с легкой улыбкой на бледных губах, мешая лепестки и порошки в своем чайнике.

— Не плачь, моя маленькая фея. Ты еще подрастешь. Я открою тебе тайну, как жить в мире с любовью.

Улыбка исчезла с ее лица.

— Но это не означает, что любовь будет тебе дана.

Сквозь завесу душистого пара Анжелике чудилось, что подруга смотрит на нее строго и печально. Новый страх пришел на смену бурлившим в ее душе гневу и злобе.

— А что я должна сделать, чтобы заслужить любовь? — спросила она.

Мелюзина развеселилась и тихо засмеялась.

— Любовь — это наука, — прошептала она.

Анжелике казалось, что ее наивные вопросы вызывают у колдуньи жалость.

— Надо просто БЫТЬ ЖИВЫМ! ЖИТЬ и все. Жизнь — это тоже наука.

— Разве я живу? — грустно спросила Анжелика.

— О, да! Ты куда живее всех, кого я видела в нашем лесу.

Анжелика послушно выпила настой, приготовленный колдуньей. Она надеялась, что зелье принесет ей забвение.

— Послушай, я еще многому должна тебя научить. Приходи почаще. У тебя хорошая память, но ты не должна лениться. Ты можешь научиться чему угодно... если, конечно, захочешь учиться.

Похвалы Мелюзины, продиктованные любовью, показались Анжелике немного преувеличенными, но все равно обрадовали ее. Они звучали куда лучше вздохов и жалоб отца и Пюльшери.

***

Больше сеньоры дю Плесси не приезжали. Поговаривали, что они зазывали соседских мелкопоместных дворян присоединиться к принцу Конде и служить королю. Они устроили один или два праздника с большим пиром, затем вместе с новой армией отбыли в Иль-де-Франс. Вербовщики побывали и в Монтелу.

В замке только Жан Латник да один работник отправились добывать себе славу королевских драгун. Кормилица Фантина горько плакала, провожая старшего сына в дорогу.

— Он был таким добрым, а теперь превратится в такого же солдафона, как вы, — говорила она Гийому Лютцену.

— Это вопрос наследственности, моя дорогая. Разве его предполагаемый отец не был солдатом?

Считая дни, теперь стали говорить «это было до» или «это было после визита маркиза дю Плесси».

***

Колдовской настой принес забвение.

Старый замок замер под весенним солнцем в ожидании новых чудес. Но торговец с книгами не пришел в этом году, а воспоминания Анжелики о пережитых волнениях побледнели со временем, словно старый карандашный рисунок.

Анжелика по прежнему совершала привычные вылазки в сторону болот, но теперь все чаще предпочитала приходить к Мелюзине. Иногда ей казалось, что эта женщина, живущая в подземной пещере, вовсе не человек, а ангел, готовый прийти на помощь в беде.

Отныне она старалась узнать и запомнить все о дарах, скрытых в корнях или кронах деревьев, в траве на лужайках и у ручья. А еще больше о тех дарах, что были в полном преград мире, который окружал болотистую страну, дарах, способных наделять властью над жизнью и удачей — властью, о которой ничего не знали простые смертные.

«Верь мне, я открою тебе секреты, что позволят жить в мире с любовью».

Колдунья рассказывала Анжелике про травы, помогающие при родах, и про травы, предохраняющие от ребенка. «Это поможет, если тебя взяли силой... ведь солдатня так часто заявляется к нам! Нам не нужны прóклятые дети», — объясняла Мелюзина.

Анжелика смутно чувствовала, что уроки Мелюзины помогут ей избежать ловушек, расставленных жизнью, чтобы заманить ее в беду. По крайней мере, теперь она умела использовать для защиты все, что загадочная и щедрая природа разбросала под ногами людей.

Глава 7

Несколько месяцев спустя приехал «черный гость».

Анжелика хорошо запомнила это событие и часто о нем вспоминала. Далекий от того, чтобы нарушить устои и обидеть, как поступили предыдущие гости, он принес вместе со своими странными словами надежду, которая будет сопровождать Анжелику в течение всей жизни. Надежду, так глубоко укоренившуюся в ней, что в години несчастий, с которыми она столкнется позже, ей достаточно будет закрыть глаза, чтобы вновь представить тот весенний дождливый вечер, когда появился гость.

К Анжелике уже вернулись привычные самоуверенность и любопытство. Успокоенная словами и отварами Мелюзины, она была довольна, что встретила людей, благодаря которым ей удалось прикоснуться к сверкающему миру двора с его праздниками и интригами. Мир, в котором она будет однажды призвана жить, потому что в сказках либо сам король, либо сын короля всегда отправлялся искать принцессу в глубине ее старого замка.

Год выдался дождливым, что было хорошо для урожая, но удерживало от прогулок в лес и по болотам.

Продолжая посвящать занятиям с Пюльшери долгие часы, Анжелика проводила много времени в любимой кухне. Вокруг нее играли Дени, Мари-Аньес и маленький Альбер. Самый младший братик лежал в колыбели возле очага. Кухня оставалась самым уютным местом в доме. Огонь горел там постоянно и почти без дыма, потому что дымоход огромного камина был очень высоким. Отблески негаснущего пламени, танцующая, отражались в красных днищах висевших на стенах кастрюль и мисок. Нелюдимый мечтатель Гонтран

нередко часами наблюдал за огненными бликами, в которых видел некие странные образы, а Анжелика угадывала в них ангелов-хранителей Монтелу.

Тем вечером Анжелика готовила пирог с зайчатинной. Она уже придавала тесту круглую форму и резала мясо. Фантина, которая ей помогала, заподозрив неладное, проворчала:

— Что случилось, моя птичка? Это не похоже на тебя — заниматься хозяйством. Моя стряпня стала для тебя недостаточно хороша?

— Нет, но я должна быть готовой ко всему.

— То есть?

— Вчера ночью, — сказала Анжелика, — мне приснилось, что я служанка и готовлю для детей. Это доставляло мне радость, потому что они все сидели вокруг стола и смотрели на меня благодушными глазами. Что же я буду делать, если стану служанкой и не смогу приготовить еду для детей моего хозяина?

— Что за мысли лезут в твою голову? — воскликнула кормилица с искренним негодованием. — Ты никогда не станешь служанкой, по той простой причине, что принадлежишь к дворянскому роду. Ты выйдешь замуж за барона или графа... а может быть, даже за маркиза? — добавила она со смехом.

Сидящий в углу Раймон поднял голову.

— Я вижу, твои планы на будущее изменились. Я думал, что ты хотела стать главарем разбойников.

— Одно другому не мешает, — ответила девочка, продолжая энергично рубить мясо.

— Послушай, Анжелика, ты не должна говорить такие... такие ужасные вещи! — заявила вдруг тетушка Пюльшери, которая пришла укрыться в кухне не столько от холода, сколько от язвительных замечаний своей сестры, тетушки Жанны.

— А я думаю, что Анжелика права, — рассудительно сказал Раймон. — Гордыня — смертный грех, с которым

надо постоянно бороться. Смирение и тяжкий труд пойдут на пользу всякому.

— Глупости, — отчетливо произнесла Анжелика. — Я не намерена смиряться. Я просто хочу научиться готовить для детей, которых люблю. Ты будешь это есть, Мари-Аньес? А ты, Альбер?

— Да! Да! — поспешно закричали оба малыша.

Снаружи послышался топот копыт.

— Вот и ваш отец вернулся, — сказала тетушка Пюльшери. — Анжелика, я думаю, что будет лучше, если мы пройдем в гостиную.

Но после недолгой тишины, во время которой всадник, должно быть, спешил, у входной двери зазвонил колокол.

— Я иду! — закричала Анжелика.

Она поторопилась к двери, забыв о засученных рукавах и перепачканных мукой руках. Сквозь пелену дождя и вечерний туман она различила высокого худого мужчину, с плаща которого ручьем лилась вода.

— Вы поставили лошадь под навес? — поинтересовалась она. — Здесь животные очень легко простужаются. Из-за болот туман очень густой.

— Благодарю вас, мадемуазель, — ответил незнакомец, сняв большую фетровую шляпу и поклонившись. — Я осмелился, по традиции путешественников, сразу же поставить лошадь и багаж в вашу конюшню. Поняв этим вечером, что я слишком далек от своей цели, и проезжая мимо замка Монтелу, я решил попросить мессира барона приютить меня на одну ночь.

Судя по костюму из толстого черного сукна, украшенному только белым воротничком, Анжелика решила, что перед ней мелкий купец или празднично одетый крестьянин. Однако его акцент — неместный и напоминающий иностранный — сбивал ее с толку и мешал угадать его истинное происхождение.

— Мой отец еще не вернулся, но вы проходите и обогрейтесь. Мы пошлем слугу обтереть соломой вашу лошадь.

Когда она вместе с гостем появилась в кухне, туда же через заднюю дверь зашел Жослен. Весь в грязи, с красным перепачканным лицом, он затащил на плиточный пол кабана, которого убил рогатиной.

— Удачная охота, месье? — очень вежливо поинтересовался гость.

Жослен окинул его неприветливым взглядом и проворчал что-то себе под нос. Потом он уселся на табурет и протянул ноги к огню. Гость скромно расположился в углу, приняв тарелку супа из рук Фантины. Он объяснил, что из здешних краев и родился возле Секондиньи, но, проведя долгие годы в путешествиях, стал говорить на родном языке с сильным акцентом.

— Но язык быстро вспоминается, — заверил он. — Ведь еще не прошло и семи дней, как я сошел с корабля в Ла-Рошели.

При этих словах Жослен поднял голову и посмотрел на гостя горящими глазами. Дети окружили его и принялись засыпать вопросами.

— В каких странах вы бывали?

— Это далеко?

— Чем вы занимаетесь?

— Ничем, — ответил незнакомец. — Сейчас я собираюсь просто ездить по Франции и рассказывать тем, кто желает послушать, о моих приключениях и путешествиях.

— Как трубадуры, поэты Средневековья? — вмешалась Анжелика, которая все же усвоила кое-что из уроков тетушки Пюльшери.

— Что-то вроде того, хотя я не умею ни петь, ни слагать стихи. Но я могу поведать очень красивые истории о странах, где виноградники растут сами по

себе. Гроздья висят на деревьях в лесу, но местные жители не умеют делать вино. И это к лучшему, ведь Ною не пошло на пользу пьянство, и, видать, Господь не пожелал, чтобы в свиней превратились все люди. Остались еще непорочные племена на земле.

На вид ему было лет сорок, но что-то непреклонное и страстное сквозило в его взгляде, устремленном вдаль.

— Чтобы добраться до этих стран, нужно плыть морем? — недоверчиво спросил обычно молчаливый Жослен.

— Надо пересечь океан. Там, в глубине материка, великое множество рек и озер. Местные жители красные как медь. Они украшают голову птичьими перьями и передвигаются на лодках, сшитых из коры или шкур животных. Я также бывал на островах, где люди совсем черные. Они питаются тростником толщиной с руку, который называют сахарным, и действительно, из него добывают сахар. А из сиропа делают напиток. Он крепче, чем пшеничная водка, но меньше пьянит и придает веселость и силу, — ром.

— Вы привезли этот чудесный напиток? — спросил Жослен.

— У меня есть только одна фляга в седельной кобуре. Но я оставил несколько бочонков моему кузену в Ла-Рошели, он надеется хорошо на них заработать. Это его дело. Что касается меня, я не торговец. Я путешественник, интересующийся новыми землями, жаждущий изучить места, где нет ни голода, ни жажды и где человек чувствует себя свободным. Именно там я понял, что все зло исходит от белого человека, потому что он не послушал слово Господне, а извратил его. Ибо Господь повелел не убивать, не разрушать, но любить друг друга.

Наступило молчание. Дети не привыкли к таким необычным речам.

— Жизнь в Америках, стало быть, совершеннее, чем в наших странах, давно познавших Слово Божие? — неожиданно раздался спокойный голос Раймона.

Он приблизился, и Анжелика заметила во взгляде брата ту же неприклонность, что и у гостя. Тот внимательно его разглядывал.

— Сложно взвесить на одних весах совершенства Старого и Нового Света, сын мой. Что вам ответить? В Америках совсем иная жизнь. Гостеприимство между белыми людьми безгранично. Деньги не главное, даже больше, в некоторых местах они вообще не в ходу и люди живут исключительно охотой, рыбалкой, обменом шкурами и стеклянными украшениями.

— А землю обрабатывают? — вмешалась в беседу Фантина Лозье — дерзость, которую она бы никогда не позволила себе в присутствии хозяев. Но ее одолевало такое же жгучее любопытство, как и детей.

— Возделывание земли? На Антильских островах черные занимаются этим понемногу. В Америке краснокожие почти не работают на земле, они живут сбором фруктов и побегов. Есть места, где выращивают картофель, который в Европе называют земляным яблоком, но еще не умеют культивировать. А еще там много плодов, похожих на груши, но с жидкой, как масло, сердцевиной, есть деревья, из которых добывают чудесный питательный сок.

— А что у них вместо хлеба? — воскликнула Фантина.

— Смотря где. В одних местах растет маис, который прозвали индийским хлебом. В других — люди жуют некоторые виды коры или орехов, благодаря чему весь день не испытываешь ни голода, ни жажды. Можно также есть определенный сорт бобов какао, которые перемешивают с сахаром. В пустынных местах добывают сок пальмы или агавы. Там водятся животные...

— Можно ли вести торговлю с этими странами? — прервал его Жослен.

— Некоторые купцы из Дьепа уже промышляют чем-то подобным, да кое-кто из здешних краев. Мой кузен работает на судовладельца, который иногда снаряжает суда к Францисканскому берегу, как его называли во времена Франциска Первого.

— Знаю, знаю, — вновь нетерпеливо перебил Жослен. — Я знаю также, что олонцы иногда путешествуют в Новую Землю^[55], а с севера корабли отходят в Новую Францию^[56], но, кажется, это холодные страны, мне о них почти ничего не известно.

— Все верно, Шамплен^[57] отбыл в Новую Францию еще в 1603 году, и сегодня там много французских поселенцев. Но это действительно холодная и очень тяжелая для жизни страна.

— И почему же?

— Достаточно сложно объяснить. Возможно, потому, что там уже появились французские иезуиты.

— Вы ведь протестант, не так ли? — живо отозвался Раймон.

— Совершенно верно. Я даже пастор, хотя и без прихода, но главным образом я путешественник.

— Вам не повезло, — усмехнулся Жослен. — Я подозреваю, что моего брата сильно привлекает дисциплина и духовные обязанности братства Иисуса, которое вы осуждаете.

— Я далек от мысли осуждать их, — сказал гугенот с протестующим жестом. — Я много раз встречал в тех краях отцов иезуитов, которые проникали в глубь континента с отвагой и евангельской самоотверженностью, достойными восхищения. Для некоторых племен Новой Франции нет большего героя, чем знаменитый отец Жог, убитый ирокезами

мученик^[58]. Но каждый свободен в своих верованиях и убеждениях.

— Признаюсь, — сказал Жослен, — мне сложно беседовать с вами на подобные темы, так как я начинаю понемногу забывать латынь. Но мой брат говорит на ней изящнее, чем на французском и...

— Вот одна из самых больших бед, которая губит Францию! — воскликнул пастор. — То, что мы не можем молиться своему Богу, да что я говорю, всеобщему Богу, на родном языке и от всего сердца, а вынуждены пользоваться этими латинскими заклинаниями...

Анжелика жалела, что закончились разговоры о высоких приливах и судах, о необыкновенных животных, похожих на змей или огромных ящериц с щучьими зубами, способных убить быка, и о гигантских как корабли китах. Она не заметила, что кормилица вышла из комнаты, оставив дверь приоткрытой. Неожиданно до девочки донесся шепот и голос мадам де Сансе, которая не думала быть услышанной.

— Протестант или нет, дочь моя, этот человек — наш гость и он останется здесь столько, сколько пожелает.

Несколько мгновений спустя баронесса и Ортанс вошли в кухню.

Гость очень учтиво поклонился, но не поцеловал руки и не расшаркался. Анжелика подумала, что он определенно простолюдин, но, не лишенный хороших манер, к тому же гугенот, и немного увлеченный.

— Пастор Рошфор^[59], — представился он. Я направляюсь в Секондины, откуда родом, но проделав долгий путь, я подумал, что смогу отдохнуть под вашей гостеприимной крышей, мадам.

Хозяйка дома уверила его, что он желанный гость, и хотя все они ревностные католики, это не мешает им быть терпимыми, как велел добрый король Генрих IV.

— Это именно то, на что я надеялся, придя сюда, мадам, — продолжил пастор, склонившись в еще более низком поклоне, — должен признаться, мои друзья поведали мне, что у вас долгие годы служит человек немецкого происхождения, принадлежащий, судя по всему, к реформистской церкви, вероятно лютеранин. Кроме того, я только что видел его, это Гийом Лютцен. Он уверял, что у вас я непременно найду приют на ночь.

— Вы можете не сомневаться, месье, оставайтесь столько, сколько пожелаете.

— Мое единственное желание — служить Господу, чем могу. И именно Господь вдохновил меня прийти сюда, чтобы увидеться с мессиром бароном, вашим супругом, мадам... так как мне надо ему передать...

— У вас есть поручение для моего мужа? — сильно удивилась мадам де Сансе.

— Не поручение, а скорее, миссия. Сожалею, но я не могу поделиться ею ни с кем, кроме него.

— Разумеется, месье. Кроме того, я уже слышу стук копыт его лошади.

Вскоре явился барон Арман. Его, должно быть, предупредили о нежданном госте, но он не оказал визитеру обычного радушия. Он казался напряженным и встревоженным.

— Правда ли, месье пастор, что вы прибыли из Америк? — поинтересовался он после положенных приветствий.

— Да, мессир барон. И я был бы рад переговорить с вами с глазу на глаз об одном известном вам человеке.

— Тише! — произнес повелительно Арман де Сансе, бросая тревожный взгляд на дверь.

Он добавил немного поспешно, что их дом в распоряжении месье Рошфора и что он волен просить у горничных все необходимое. Ужин подадут через час. Пастор поблагодарил и попросил разрешения удалиться, чтобы «немного умыться».

«Неужели ему не хватило ливня? — подумала Анжелика. — Смешные люди эти гугеноты! Правду говорят, что они не такие, как все. Я спрошу у Гийома, он тоже моется по любому поводу. Наверное, у них так принято. Вот, должно быть, почему они все такие скованные и ранимые, как Лютцен. У них, видимо, до того начищенная и чувствительная кожа, что им больно... Как и тот недотепа Филипп, который все время испытывает потребность мыться. Несомненно, этот чрезмерный уход за собой доведет кузена до ереси. Тогда его, может быть, сожгут, и правильно сделают!»

Когда гость направился к двери, чтобы попасть в комнату, отведенную ему мадам де Сансе, Жослен, со своей обычной резкостью, схватил его за руку.

— Еще один вопрос, пастор. Чтобы найти работу в американских странах, необходимо, наверно, быть богатым или приобрести должность корабельного знаменщика, или хотя бы профессию ремесленника?

— Сын мой, Америки — свободные земли. Там никто ничего не требует, но там нужно работать усердно и тяжело, а также защищаться.

— Кто вы, незнакомец, и по какому праву позволяете себе называть этого молодого человека вашим сыном в присутствии его родного отца и меня, его деда?

Голос старого барона звучал враждебно.

— Я пастор Рошфор, мессир барон, к вашим услугам, но без епархии и только проездом.

— Гугенот! — прогремел старик. — К тому же из проклятых стран...

Он стоял на пороге, опираясь на трость, но пытался держаться как можно более прямо и для этого даже снял свой широкий черный плащ, который обычно носил зимой. Его лицо показалось Анжелике таким же белым, как его борода. Ей почему-то стало страшно, и она поторопилась вмешаться.

— Дедушка, месье весь промок, и мы пригласили его обсохнуть. Он рассказывал нам о своих путешествиях.

— Пусть так. Не скрою, я восхищаюсь отвагой, и когда враг является с открытым забралом, то он, конечно, достоин определенного уважения.

— Месье, я пришел не как враг.

— Избавьте нас от ваших еретических проповедей. Я никогда не принимал участия в ученых спорах. Я старый солдат и ничего в них не смыслю, но предупреждаю вас, что в нашем доме вы не обратите ни единой души.

Пастор издал еле заметный вздох.

— Уверю вас, я вернулся из Америк не как проповедник, жаждущий обратить кого бы то ни было в свою веру. В нашу церковь верующие и любознательные приходят по доброй воле. Мне хорошо известно, что члены вашей семьи ревностные католики. Очень сложно обратить людей, чья религия основана на древнейших предрассудках, и которые считают себя единственно правыми.

— Значит вы признаете, что вербуете сторонников не среди праведных людей, а среди нерешительных, разочаровавшихся честолюбцев и расстриженных монахов, счастливых видеть свои распутства освященными?

— Мессир барон, вы слишком скоры в своих суждениях, — сказал пастор, чей голос становился тверже. — Даже некоторые высокопоставленные лица и католические прелаты уже перешли в нашу веру.

— Вы не открыли мне ничего нового. Гордыня может ослабить даже лучших. Но мы, католики, имеем то преимущество, что нас поддерживает молитвами вся церковь, наши святые и наши мертвые, тогда как вы, в вашей гордыне, вы отрицаете это заступничество и заявляете о своем праве на личное общение с Богом.

— Паписты обвиняют нас в гордыне, а сами претендуют на безгрешность и присваивают себе право

на насилие. Когда я покинул Францию, — продолжил пастор приглушенным голосом, — это было в 1629 году, мне, совсем еще молодому человеку, удалось избежать чудовищной осады Ла-Рошели полчищами Ришельё. Подписывали Алесский договор, лишаящий протестантов права владеть крепостями.

— Давно пора. Вы становились государством в государстве. Признайтесь, что вашей целью было вырвать все западные и центральные области Франции из-под влияния короля.

— Я этого не знаю. Я был еще слишком молод, чтобы участвовать в таких грандиозных замыслах. Но я понимал, что новые решения противоречили Нантскому эдикту Генриха IV. По возвращении я с горечью заметил, что его статьи не прекратили оспаривать и искажать с неукоснительностью, сравнимой только с недобросовестностью казуистов и судей. Это называют минимальным соблюдением эдикта. Также я вижу, что протестанты обязаны хоронить мертвых по ночам. Почему? Потому что в эдикте не уточняется, что погребение протестанта может проводиться днем. Следовательно, надо это делать ночью.

— Вы же стремились к смирению, так что должны с радостью принимать ниспосланные испытания — ухмыльнулся старый дворянин.

— Или вспомнить хотя бы 28 статью, позволяющую протестантам открывать школы во всех местах, где разрешено отправление культа. Как она выполняется? Эдикт не говорит ни об изучаемых предметах, ни о количестве учителей, ни о численности классов на общину, поэтому решили, что хватит и одного протестантского учителя на школу и на город. К примеру, в Марене я видел шестьсот протестантских детей, у которых был только один учитель. Ах! Вот она, тайная цель, к которой привела лживая диалектика старой церкви! — громко воскликнул пастор.

Наступила поразительная тишина, и Анжелика заметила, что ее дедушка, справедливый и честный, выглядел слегка обезоруженным приведенными примерами, которые, впрочем, были ему известны.

Но тут, в тишине раздался спокойный голос Раймона:

— Месье пастор, я не в состоянии оценить справедливость расследования, проведенного вами в этой стране, об определенных злоупотреблениях, совершенных непримиримыми ревнителями церкви. Я вам признателен, что вы не упомянули о случаях подкупа с целью обращения взрослых и детей в католичество. Но вы должны знать, что если злоупотребления и существуют, его Святейшество Папа лично обращался с просьбами к высшему французскому духовенству и королю. Официальные и секретные комиссии бороздят страну, чтобы устранить все несправедливости. Более того, я убежден, что если бы вы сами добрались до Рима и передали точный отчет о найденных вами злоупотреблениях Папе Римскому, большая часть нарушений была бы устранена.

— Молодой человек, не мне пытаться улучшить вашу церковь, — едко заметил пастор.

— Правильно, месье пастор, мы сами это сделаем, и тогда уж не обессудьте, — воскликнул подросток с неожиданной горячностью, — Бог осветит нам путь!

Анжелика посмотрела на брата с изумлением. Она и не догадывалась, какой пыл скрывается под его бесцветной и немного лицемерной внешностью. Теперь настала очередь пастора растеряться. Чтобы попытаться развеять неловкость, барон Арман сказал, добродушно посмеиваясь:

— Ваши споры напомнили мне, что, в последнее время, я частенько сожалею, что не гугенот. Поговаривают, дворянину, обратившемуся в католичество, полагается до трех тысяч ливров.

Старый барон вздрогнул.

— Сын мой, избавьте меня от ваших неуместных шуток. Они недопустимы перед врагом.

Пастор снова взял промокший плащ со стула.

— Я пришел вовсе не как враг. Мне надо было выполнить поручение в замке де Сансе. Это послание из далеких земель. Я хотел поговорить с бароном Арманом наедине, но вижу, что вы привыкли решать дела сообща, всей семьей. Мне это нравится. Так было принято у патриархов и апостолов.

Анжелика заметила, что дедушка стал таким же белым, как набалдашник его трости из слоновой кости, и оперся на дверной косяк. Ее охватила жалость. Ей хотелось остановить слова, которые должны были быть произнесены, но пастор уже продолжал:

— Мессир Антуан де Ридуэ де Сансе, ваш сын, с которым я имел счастье познакомиться в Виржинии, попросил меня заехать в замок, где он родился, узнать новости о его семье, чтобы я смог передать их ему по возвращении. Вот, мое задание выполнено...

Старый дворянин приблизился к нему маленькими шагами.

— Вон отсюда, — произнес он глухим, срывающимся голосом. — Никогда, пока я жив, имя моего сына, отрекшегося от своего Бога, своего короля и своего отечества, не будет произнесено под этой крышей. Вон отсюда, говорю вам. Никаких гугенотов у меня дома!

— Я уйду, — очень спокойно сказал пастор.

— Нет!

Это снова вмешался Раймон.

— Не уходите, месье пастор. Вы не можете ночевать на улице такой дождливой ночью. Ни один житель Монтелу не приютит вас, а ближайшая протестантская деревня слишком далеко. Я вас прошу принять приглашение и переночевать в моей комнате.

— Оставайтесь, — сказал Жослен своим хриплым голосом, — вы мне еще расскажете об Америках и о море.

Борода старого барона задрожала.

— Арман! — воскликнул он с отчаянием, которое разрывало Анжелике сердце. — Вот где притаился мятежный дух вашего брата Антуана. В этих двух мальчиках, которых я любил. Господь меня не щадит. Поистине, я слишком задержался на белом свете.

Старик пошатнулся, и Гийом поспешил его поддержать. Он вышел, опираясь на старого солдата лютеранина и повторяя дрожащим голосом:

— Антуан... Антуан...

***

Через несколько дней старый барон скончался. От какой болезни, так и не узнали. На самом деле, он скорее угас, несмотря на то, что все сочли, будто он оправился от волнений, вызванных визитом пастора.

Ему не пришлось пережить разочарование из-за отъезда Жослена.

Однажды утром, вскоре после похорон, Анжелика услышала сквозь сон чей-то тихий голос:

— Анжелика! Анжелика!

Открыв глаза, она с удивлением обнаружила у изголовья кровати Жослена. Она знаком показала, чтобы он не разбудил сестер, и последовала за ним в коридор.

— Я уезжаю, — прошептал брат. — Ты должна заставить их меня понять.

— Куда ты едешь?

— Сначала в Ла-Рошель, затем найду судно до Америк. Пастор Рошфор рассказал мне обо всех этих странах: об Антильских островах, о колониях — Вирджинии, Мэриленде, Каролине, о Новом

Амстердаме[6]. В конце концов, я останусь там, где буду нужен.

— Здесь ты тоже нужен, — сказала она жалобно.

Анжелика дрожала от холода в тонкой изношенной ночной рубашке.

— Нет, — ответил он, — в старом мире мне нет места. Я, увы, принадлежу к сословию, обладающему привилегиями, но бесполезному. Богатые или бедные, дворяне больше не знают в чем заключается их предназначение. Посмотри на отца. Он в замешательстве. Он опустился до разведения мулов, но не решается пойти в своем унижительном решении до конца, чтобы заработать денег и вернуть былое величие нашему дворянскому титулу. В итоге он всюду оказывается не у дел. На него показывают пальцем, потому что он работает как торгаш, а на нас, потому что мы так и остаемся нищими дворянами. К счастью, дядя Антуан де Сансе указал мне путь. Это был старший брат отца. Он стал гугенотом и покинул континент.

— Но ты ведь не отречешься от веры? — испуганно взмолилась Анжелика.

— Нет. Я тебе уже говорил, что ханжество меня не интересует. Я хочу просто жить.

Он порывисто обнял ее, спустился на несколько ступенек, обернулся и окинул свою юную полураздетую сестру взглядом искушенного мужчины.

— Ты становишься красивой и сильной, Анжелика. Будь осторожна. Ты тоже должна будешь уехать. Иначе однажды ты либо окажешься в стоге сена с одним из конюхов, либо станешь собственностью одного из неотесанных дворянчиков, наших соседей.

И он добавил с внезапной нежностью:

— Поверь моему опыту, дорогая. Для тебя такая участь будет ужасна. Спасайся, беги из этих старых стен. Что касается меня, я уйду в море.

И перепрыгивая через ступеньки, молодой человек
скрылся из виду.

Глава 8

Смерть деда, отъезд Жослена и слова, которые он бросил ей на прощание «Ты тоже должна будешь уехать», глубоко задела Анжелику, а ведь она была в том возрасте, когда излишняя впечатлительность толкает на любые безрассудства... Потрясение, вызванное визитом пастора Рошфора, оказалось еще разрушительнее, а оставленные им следы день ото дня увеличивались, словно круги, расходящиеся на водной глади пруда от брошенного туда камня. Они ширятся и становятся все ровнее, пока не столкнутся с берегом и не разобьются о преграду из грязи и травы, под ногами людей, которые топчут все, что встречается им на пути.

На этот раз у нее не было намерения просить помощи у всепонимающей подруги. Мелюзина не могла ей помочь. Мир сошел с ума. Уже давно, гонимая людской злобой, колдунья отправилась в края, может быть еще более далекие и неизведанные, чем те, в которые устремился Жослен.

Неподвижно застыв на краю сонных заводей и каналов, черную блестящую гладь которых, скрытую под скатертью из ряски, тревожили лишь брошенные камни, Анжелика смотрела, как слабеют и теряются в лабиринте береговой линии прекрасные безупречные волны, у которых была только одна судьба: разбиться и исчезнуть.

Выйдя из состояния болезненной созерцательности, Анжелика отвернулась от болот и обратилась к лесу. Несомненно, именно этой дорогой уехал Жослен. Говорили, что за лесом, стоял порт Ла-Рошель, о стены которого бились волны необъятного океана, простиравшегося до самого Нового света. Море...

Анжелику переполняло желание увидеть море, настоящее море. Ведь там, за бескрайним неподвижным зеленым пространством, находилось такое же безграничное, но живое море, несшее суда в неведомые страны.

Она не могла думать ни о чем другом. Из-за дедушки, из-за дяди Антуана. Или потому, что так велела судьба, могла бы сказать себе Анжелика, если бы задумалась над причинами своего порыва. Но она была всего лишь ребенком, не привыкшим размышлять и не знакомым с наукой логикой.

Как бы там ни было, в один из прекрасных первых летних дней Анжелика де Сансе де Монтелу вместе с ватагой завербованных ею крестьянских ребятишек, которых манил дух бродяжничества, отправилась в Америки. Этот поступок потом долго обсуждали по всей округе и многие сочли его еще одним доказательством ее родства с феями.

Хотя, по правде говоря, экспедиция не преодолела даже Ньельского леса.

Разум вернулся к Анжелике под вечер, когда красные лучи солнца озарили огромные стволы векового леса. Последние несколько дней прошли словно в бреду. Она уже видела как добирается до Ла-Рошели, нанимается юнгой на корабль, готовый к отплытию, высаживается на неведомые земли, где ее встречают приветливые местные жители с гроздьями винограда в руках. Николая сразу же загорелся этой идеей: «Быть матросом — лучше, чем пасти коз и овец. Я всегда хотел увидеть другие страны». Еще несколько шалопаев, которых больше привлекала идея бегать по лесам, чем работать в поле, увязались за ними. Всего собралось восемь ребят, и среди них Анжелика была единственной девочкой и главарем. Исполненные доверия к ней, они нимало не встревожились, когда стемнело. Они шли с цветами в руках и с носами,

вымазанными ежевикой, находя первый этап их путешествия более чем приятным. Дети отправились в поход еще утром, но днем сделали привал у ручья, чтобы съесть припасённый хлеб и сыр.

Между тем Анжелика почувствовала, что ее охватывает дрожь. Девочка с такой ясностью осознала, какую глупость совершила, что у нее пересохло во рту.

«Нельзя ночевать в лесу, — подумала она. — Здесь волки».

— Николая, — начала Анжелика бодрым голосом, — тебе не кажется странным, что мы все еще не дошли до деревни Нейи?

Мальчик остановился и задумался.

— Думаю, что, скорее всего, мы заблудились. Когда отец был жив, мы как-то ходили туда, и, помнится, дошли гораздо быстрее.

Анжелика почувствовала, как чья-то маленькая грязная ладошка скользнула в ее руку. Это был самый младший из ребят, которому исполнилось только шесть.

— Уже ночь, — захныкал он. — Мы, наверное, потерялись.

— А может быть, мы, наоборот, совсем близко, — успокоила его Анжелика. — Пройдем еще немного.

Они молча двинулись дальше. Сквозь ветви деревьев виднелось бледнеющее небо.

— Если вдруг к ночи мы не дойдем до деревни, нам нечего бояться, — сказала Анжелика.

«Мы заберемся на дубы, чтобы поспать, и тогда волки нас не увидят», — подумала она.

За спокойным тоном ее голоса пряталась тревога. Внезапно она услышала серебристый звон колокола и облегченно вздохнула.

— Это деревня! Колокол звонит на вечернюю молитву! — воскликнула она.

Дети бросились бежать. Тропинка спускалась вниз, деревья редели. Внезапно они очутились на лесной

опушке, на самом краю обрыва, и в изумлении остановились, замороженные видением, возникшим перед их глазами.

Там, в глубине зеленого ущелья, стояло оно, молчаливое чудо посреди леса, Ньельское аббатство. Заходящее солнце золотило розовую черепицу его многочисленных колоколен, белых стен, испещренных окошками и переходами, просторные пустые дворы. Звонил колокол. Монах с ведрами шел к колодцу.

Охваченные религиозным волнением, дети молча спустились к главному входу. Сквозь приоткрытую деревянную дверь, они вошли внутрь. Старый монах в коричневой рясе спал, сидя на скамейке. Его седые волосы напоминали снежно-белую корону, тщательно прикрепленную к абсолютно гладкому черепу.

Из-за всех треволнений прошедшего дня маленькие бродяжки при виде забавной картины не смогли удержаться от смеха.

Это привлекло внимание толстого добродушного монаха, вышедшего на крыльцо.

— Эй, детишки! — крикнул он на местном наречии. — Где ваши манеры?

— Кажется, это брат Ансельм, — прошептал Николая.

Брат Ансельм иногда странствовал по округе верхом на осле. Он менял четки и бутылочки с лечебной настойкой из цветков дягиля на зерно и куски свиного сала, что немного удивляло жителей, ведь аббатство не принадлежало нищенствующему ордену, а доходы от земельных владений приносили немалую прибыль.

Анжелика, а вслед на ней и ее верное войско, подошла к монаху. Она не решилась признаться ему, что на самом деле они собирались сбежать в Америки. К тому же брат Ансельм, вне всякого сомнения, никогда и не слышал об их существовании. Анжелика рассказала ему только то, что они из Монтелу, отправились в лес собирать землянику и малину и заблудились.

— Бедные мои цыплятки, — сказал брат, который был очень добрым малым, — вот что значит быть сладкоежками. Ваши матери, наверное, ищут вас повсюду со слезами на глазах, и как только вернетесь назад, зададут вам хорошую взбучку. Но сейчас лучше будет остаться здесь. А я схожу за кувшином молока и белым хлебом. Переночуете в риге, а завтра я запрягу повозку и отвезу вас домой, у меня как раз есть дела в тех краях.

План был вполне разумным.

Анжелика и ее приятели прошагали целый день. Она знала, что даже на повозке им не добраться домой до глубокой ночи. Ни одна дорога не шла через лес напрямик, как те тропинки, что привели их сюда. Пришлось бы ехать в объезд — через Нейи и Вару, а это довольно далеко.

«Лес словно море, — подумала Анжелика, — Жослен прав, по нему надо путешествовать с компасом, иначе плутаешь вслепую». Ее охватило уныние. Она плохо представляла себе путешествие с тяжелыми инструментами, которые к тому же не знала где достать.

И не собирались ли ее «мужчины» пойти на попятную? Девочка не произнесла ни слова, пока остальные ели, сидя у подножия стен и наслаждаясь теплыми сумерками, спускающимися на просторный двор.

Колокол продолжал звонить. В розовеющем небе пронзительно кричали ласточки, а на кучах соломы и навоза кудахтали куры.

Брат Ансельм прошел мимо детей, накинув на голову капюшон.

— Я иду служить вечерню. Ведите себя хорошо, не то я сварю вас в котле.

Под арками монастыря скользили фигуры, облаченные в белые и коричневые одежды. Старый

монах на крыльце продолжал спать. Наверное, он был освобожден от вечерней службы...

Анжелика, которой хотелось побыть одной и поразмышлять, отошла от остальных.

В одном из дворов она заметила очень красивую украшенную гербами карету с опущенными оглоблями. Породистые лошади жевали сено в конюшне. Эта деталь почему-то вызвала ее любопытство. В полной тишине она медленно шла, околдованная величием огромного здания, возвышавшегося среди деревьев. Ночь окутала лес, вокруг бродили волки, а в аббатстве под защитой толстых стен и тяжелых дверей продолжала идти уединенная, неведомая Анжелике жизнь. Издалека доносилось церковное пение, тихое и протяжное. Влекомая звуками музыки, она стала подниматься по каменной лестнице. Никогда Анжелика не слышала такой чарующей мелодии; те гимны, которые в церкви Монтелу орали кюре и школьный учитель, мало походили на ангельское пение.

Внезапно она уловила шелест юбки и, повернувшись, увидела на втором этаже, в тени крытой галереи, очень красивую и роскошно одетую даму.

По крайней мере, так ей показалось. Ни разу в жизни Анжелика не видела у матери или тетушек такого платья из черного бархата с серебряными цветами. Могла ли она тогда подумать, что это не более чем скромный наряд, предназначенный для набожного уединения в тиши аббатства. Каштановые волосы дамы прикрывала черная кружевная мантилья, а в руках она держала большой молитвенник. Она прошла мимо Анжелики, бросив на нее удивленный взгляд:

— Что ты здесь делаешь, девочка? Сейчас не время для милостыни.

Анжелика отпрянула назад, с глупым видом маленькой испуганной крестьянки.

В тени монастырских сводов грудь дамы показалась Анжелике необыкновенно белоснежной и высокой. Легкое кружево едва прикрывало две великолепные округлости, выглядывающие из вышитого пластрона, словно плоды из рога изобилия.

«Вот бы у меня была такая грудь, когда вырасту», — подумала Анжелика, спускаясь по крутой лестнице. Она погладила свою грудь, которую считала слишком плоской, и ее охватила грусть. Стук сандалий поднимающегося по лестнице человека заставил девочку поспешно спрятаться за колонну.

Монах задел ее подолом белой сутаны. Она успела разглядеть только очень красивое, тщательно выбритое лицо, на котором в тени монашеского клобука светились умом голубые глаза. Он скрылся из виду. Затем девочка услышала его приятный мужественный голос.

— Меня только что предупредили о вашем визите, мадам. Я был в монастырской библиотеке, корпел над старыми трудами греческих философов. Библиотека довольно далеко отсюда, а мои братья медлительны и совсем разомлели от жары. Хотя я настоятель монастыря, меня предупредили о вашем прибытии лишь во время вечерни.

— Не извиняйтесь, отец мой. Я прекрасно все понимаю и уже успела устроиться сама. Ах! Как здесь легко дышится! Только вчера я приехала в свои владения в Ришвиле и сразу же отправилась в Ньель. При дворе стало совершенно невыносимо с тех пор, как он перебрался в Сен-Жермен. Там теперь царят глупая суэта, тоска и нищета. По правде говоря, я люблю один лишь Париж... и Ньель. К тому же монсеньор Мазарини невлюбил меня. Я бы даже сказала, что кардинал...

Больше ничего не было слышно. Собеседники ушли слишком далеко.

Анжелика обнаружила своих маленьких спутников в просторной кухне аббатства, где суетился брат Ансельм, облаченный в белый передник. Ему помогали двое или трое мальчишек, выраженных в слишком длинные для них рясы. Это были послушники аббатства.

— Нынче будет изысканный ужин, — рассказывал брат повар. — У нас в гостях графиня де Ришвиль. Мне приказали спуститься в погреб и выбрать самые лучшие вина, зажарить шесть каплунов и исхитриться раздобыть рыбное блюдо. И все как следует приправить пряностями, — сообщил он, доверительно подмигивая брату, устроившемуся на другом конце деревянного стола со стаканчиком настойки.

— У знатной дамы приветливые служанки, — вступил в разговор толстый краснолицый человек, чей большой живот с трудом удерживала веревка, на которой висели четки. — Я помог трем очаровательным девицам поднять кровать в келью, отведенную для их хозяйки, а еще сундуки и гардероб.

— Не может быть! — воскликнул брат Ансельм. — Так и вижу вас, брат Тома, несущим сундуки и гардероб! Это вы-то, который с трудом поднимает собственный живот.

— Я помогал им советами, — с достоинством ответил брат Тома.

Его налитые кровью глаза обвели комнату, где под вертелами и огромными котелками трещал и сверкал огонь.

— Что за маленькую деревенщину ты приютил у себя, брат Ансельм?

— Это дети из Монтелу, они заблудились в лесу.

— Надо бы положить их в бульон, — заявил брат Тома, вращая страшными глазами.

Двое малышей испугались и заплакали.

— Ну-ка пошивеливайтесь, — сказал детям брат Ансельм, открывая дверь. — Ступайте по коридору и

выйдете прямо к риге. Ложитесь там и спите. Сегодня вечером у меня нет времени вами заниматься. К счастью, рыбак принес мне отличную щуку, а то наш отец настоятель в порыве гнева повелел бы мне три часа читать покаянную молитву, лежа на кресте. А я уже слишком стар для таких занятий...

Как только Анжелика, лежа на душистом сене, поняла, что ее маленькие приятели заснули, она почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы.

— Николая, — шепнула она, — мне кажется, нам не добраться до Америк. Я думала. Нам нужен компас.

— Не волнуйся, — ответил подросток, зевая, — на этот раз у нас ничего не вышло, но зато от души повеселились.

— Да уж, конечно! — с яростью прошипела Анжелика. — Ты словно белка. Ничего не можешь довести до конца. Тебе даже наплевать, что мы вернемся в Монтелу, словно жалкие неудачники. Отец тебя не взгреет, ведь он умер, но представь, что будет со всеми остальными!

— Не беспокойся так за них, — повторил Николая в полудреме, — у них толстая кожа.

Через несколько мгновений он уже громко храпел.

Анжелика подумала, что волнение не даст ей заснуть, однако мало-помалу далекий голос монаха Ансельма, отчитывающего послушников, смолк, и девочка погрузилась в сон.

Она проснулась оттого, что в сене ей стало жарко. Дети по-прежнему спали, и в риге раздавалось их размеренное посапывание.

«Пойду подышу свежим воздухом», — решила она.

Анжелика на ощупь отыскала дверь в маленький коридор, ведущий в кухню. Стоило ее приоткрыть, как до ушей девушки донеслись громкий шум голосов и взрывы дружного смеха. Огонь в камине продолжал

свой танец. Похоже, в вотчине брата Ансельма собралась целая компания.

Анжелика замерла на пороге.

За столом, заставленным тарелками и оловянными кувшинами, она разглядела десять монахов. На блюдах громоздились обглоданные куриные кости. Запах вина и жареного мяса смешивался с приятным ароматом наливки из открытой бутылки, стоявшей на столе, которой были наполнены все стаканы. Три свеженькие крестьяночки, одетые как горничные, пировали вместе со всеми. Две из них весело смеялись и казались совершенно пьяными. Третья, более скромная, отбивалась от шаловливых рук брата Тома, который пытался ее обнять.

— Идем, идем, милашка, — говорил толстый монах, — не надо строить из себя недотрогу, как твоя знатная хозяйка. Можешь быть уверена, что в этот час она уж точно перестала обсуждать греческую философию с отцом настоятелем. Так ты рискуешь остаться единственной в аббатстве, кто не будет развлекаться.

Служанка бросала вокруг себя разочарованные и смущенные взгляды. Вне всякого сомнения, она не была такой непреклонной, какой хотела казаться, однако красная морда брата Тома ее явно не воодушевляла.

Один из монахов, видимо, понял, в чем дело, и, вскочив со стула, нежно положил руку ей на талию.

— Ради святого Бернара, покровителя нашего монастыря! — воскликнул он. — Малышка слишком худенькая для такой огромной свиньи, как ты. Ну что? — спросил он, коснувшись пальцами подбородка строптивицы. — Разве мои прекрасные глаза не возмещают отсутствие волос? К тому же, знаешь, я служил солдатом, так что умею развлекать девчонок.

Действительно, у него были черные веселые глаза и лукавое лицо. Горничная, наконец, соизволила улыбнуться. Брат Тома тут же затеял драку,

взбешенный тем, что остался в одиночестве. Один из оловянных кувшинов полетел на пол, женщины закричали. И тут кто-то воскликнул:

— Смотрите! Посмотрите туда!.. Ангел!..

Все повернулись к двери, на пороге которой стояла Анжелика. Она не отпрянула, поскольку была не робкого десятка. Она не раз присутствовала на крестьянских пирушках, чтобы не бояться громких голосов и разгула — неизбежных спутников возлияний. Но что-то здесь было не так. Происходящая сцена абсолютно не вязалась с прекрасным видением, открывшимся с обрыва, когда аббатство показалось ей в золотом вечернем свете приютом спокойствия и мира.

— Это та девочка, что потерялась в лесу, — объяснил брат Ансельм.

— Единственная девочка из целой банды мальчишек, — добавил брат Тома. — Многообещающе. Может, ей понравится наше веселье? Иди сюда, выпей, — позвал он, протягивая Анжелике стаканчик с настойкой, — это вкусно, сладко. Мы сами готовим его в огромных перегонных кубах из болотного дягиля.

Анжелика повиновалась скорее из любопытства, чем из желания отведать лакомство. Ей давно хотелось попробовать целебный напиток, о котором столько слышала, и который вдобавок носил ее имя. Золотисто-зеленая жидкость показалась ей вкусной: одновременно крепкой и бархатистой, и пока она пила, по телу разлилось приятное тепло.

— Bravo! — завопил брат Тома. — Да ты не дура выпить!

Он посадил ее к себе на колени. Его дыхание, источавшее винные пары, вонь от грубой монашеской рясы вызывали у Анжелики отвращение, но алкоголь, который она только что выпила, совершенно оглушил ее. Тома похлопывал девочку по коленкам отеческим жестом:

— Она такая миленькая, эта малышка!

От дверей раздался громкий голос:

— Брат мой, отпустите ребенка.

Стоящий на пороге монах в белом, лицо которого скрывал капюшон, а руки — широкие рукава рясы, походил на призрака.

— А вот и наш брюзга! — проворчал брат Тома. — Мы не просили присоединиться к нам, брат Жан, ведь вкусная еда вас не прельщает. Так дайте, по крайней мере, остальным спокойно веселиться. Вы пока что не отец настоятель.

— Я пришел не за этим, — ответил монах дрогнувшим голосом. — Я настойчиво советую вам оставить девочку в покое. Она дочь барона де Сансе. Будет крайне неприятно, если она станет жаловаться на ваши нравы, вместо того чтобы хвалить гостеприимство.

На мгновение воцарилось удивленное и смущенное молчание. Брат Тома резко отдернул руки.

— Пойдемте, дитя мое, — решительно произнес монах.

Анжелика машинально последовала за ним. Они прошли через двор.

Подняв глаза, девочка увидела над монастырем звездное небо необыкновенной чистоты. Следуя за своим провожатым, она, в конце концов, оказалась в просторной внутренней галерее с аркадой, напротив которой виднелись двери.

— Входите же, — сказал брат Жан, открывая одну из деревянных дверей с маленьким окошечком посередине. — Это моя келья. Здесь можно спокойно отдохнуть в ожидании утра.

Анжелика очутилась в комнатухе с голыми стенами, украшенными лишь распятием и ликом Девы Марии. В углу стояла низкая кровать, которая скорее напоминала просто доску, с простыней из грубой ткани

и одеялом. Перед распятием находилась деревянная скамеечка для молитвы и полка, заваленная требниками. В комнате царила приятная свежесть, которая, должно быть, превращалась зимой в лютый холод. На полукруглом окошке висел только один ставень, открытый этим вечером настезь. Дыхание спящего леса, пахнущее мхом и грибами, проникало в комнату. Слева ступенька вела к нише, где горел ночник и стоял пюпитр с пергаментами и стаканчиками красок.

Монах указал Анжелике на кровать.

— Ложитесь и спите спокойно, дитя мое. Что до меня, то я продолжу свой труд.

Он скользнул в нишу, сел на табурет и склонился над пергаментами.

Сидящей на краешке жесткого матраса девочке совсем не хотелось спать. Ни разу еще ей не приходилось бывать в столь странном месте. Анжелика поднялась и подошла к окну. Внизу виднелась целая вереница маленьких садиков, отгороженных друг от друга высокими стенами. Каждому монаху принадлежал кусочек земли, куда он ходил каждый день и где мог растить овощи или копать себе могилу.

Крадучись, Анжелика приблизилась к нише, где работал брат Жан. Ночник освещал профиль молодого мужчины, наполовину скрытый под капюшоном. Он сосредоточенно копировал старинные миниатюры. Кисти опускались в стаканчики с красной, золотой или голубой краской и искусно выводили узоры из цветов и чудовищ, коими в старину любили обильно украшать молитвенники.

— Вы не спите?

— Нет.

— Как вас зовут?

— Анжелика.

Внезапное волнение озарило худое, истощенное лицо аскета.

— Анжелика! Дочь ангелов. Конечно же, — прошептал он.

— Я очень рада, что вы пришли, отец. Тот толстый монах мне не нравился.

— Внезапно, — произнес брат Жан, чьи глаза светились странным огнем, — голос сказал мне: «Встань, оставь свои мирские дела. Иди и охраняй моих заблудших овец...» И я оставил мою келью, ведомый незримой рукой. Дочь моя, как оказалось, что вы так неблагоразумно покинули родительский кров, где подобает оставаться девочке вашего возраста и положения?

— Не знаю, — прошептала Анжелика, смущенно опустив голову.

Монах отложил кисти в сторону. Он поднялся, спрятав руки в широкие рукава, подошел к окну и долгим взглядом окинул звездное небо.

— Смотрите, — произнес он вполголоса, — ночь все еще царствует над землей. Крестьяне спят в своих лачугах, а сеньоры в замках. Они забывают во сне о горестях и заботах. Аббатство же не спит никогда... Здесь идет бесконечная битва между Богом и дьяволом...

Я покинул мир совсем молодым и пришел укрыться в этих стенах, чтобы служить Богу молитвами и постом. Однако я обнаружил здесь, в приюте высоких духовных устремлений, недостойные, развратные нравы. Дезертиры и инвалиды ищут под монашеской рясой легкую и безопасную жизнь, они приносят в святые стены свои нечестивые привычки.

Аббатство словно большой корабль, который буря швыряет в разные стороны и который трещит по швам. Но он не пойдет ко дну, пока в его стенах есть набожные души. Среди нас еще остались люди,

стремящиеся вопреки всему вести святую покаянную жизнь, которая была им предназначена Богом. Как это непросто! Чего только не выдумывает дьявол, чтобы сбить нас с пути... Тот, кто не жил в монастырях, никогда не видел настоящего лица Сатаны.

Ему так хочется властвовать в божьей обители!.. Словно недостаточно тех испытаний, на которые нас обрекают муки желания от присутствия женщин, входящих в наши стены; он сам является к нам по ночам, стучится в двери, будит, обрушивает на нас свои удары...

Он поднял рукав, обнажив руку, покрытую кровоподтеками.

— Посмотрите, — проговорил он жалобно, — посмотрите, что со мной сделал Сатана.

Анжелика слушала его с растущим ужасом.

«Он безумен», — подумала она.

Однако еще больше она боялась, что он не безумен. Слова монаха казались правдой, и от страха у нее зашевелились волосы на голове. Когда же кончится эта невыносимая, гнетущая ночь?

Монах упал на колени на твердый холодный пол.

— Господи, — взывал он, — помоги мне. Сжался над моей слабостью. Отврати Сатану!

Анжелика отошла и снова села на край кровати. Во рту у нее пересохло от необъяснимого страха. Ей вспомнились слова, которые так часто встречались в сказках кормилицы: «Роковая ночь». Вокруг было что-то невыносимое и непонятное, что заставляло сердце замирать от страха.

***

Наконец звон колокола вознесся в ночь, разбив мертвенную тишину монастыря.

Брат Жан встал с колен. Анжелика видела капли пота, блестящие у него на висках, словно он только что вел изнуряющий бой.

— Заутреня, — сказал он. — Еще не рассвело, но я должен идти с братьями в часовню. Вы можете пока остаться здесь, если хотите. Я приду за вами, когда будет светать.

— Нет, я боюсь, — возразила Анжелика, которой хотелось уцепиться за рясу своего защитника. — Можно, я пойду с вами в церковь? Я тоже буду молиться.

— Если хотите, дитя мое.

И он прибавил с грустной улыбкой:

— Раньше нельзя было и помыслить о том, чтобы привести к заутрене маленькую девочку, но сейчас наш монастырь скрывает в своих стенах столько людей, которым нечего здесь делать, что уже ничто не может удивить. Потому-то я и привел вас сюда, где вы будете в большей безопасности, чем в риге.

Он посмотрел на нее серьезно:

— Когда вы покинете эти стены, могу я просить вас, Анжелика, никому не рассказывать о том, что вы здесь видели?

— Я обещаю, — произнесла она, подняв на него чистый взор.

Они вышли в коридор, на старых камнях которого, казалось, проступила холодная роса.

— Зачем в вашей двери то маленькое окошко? — спросила Анжелика.

— Некогда мы были орденом отшельников. Отцы оставляли кельи только во время службы, а в пост запрещалось и это. Послушники передавали еду через окошки. А теперь помолчите, дитя мое. Ведите себя так тихо, как только можете. Вы меня этим очень обяжете.

Фигуры с капюшонами на головах проходили мимо под стук четок и шепот молитв.

Анжелика забила в самый дальний угол часовни и попробовала молиться, но монотонное пение и запах горящих свечей убаюкали ее.

Когда она проснулась, часовня уже опустела, только дым от недавно потухших свечей все еще курился под темными сводами.

Она вышла во двор. Вставало солнце. В его алых отблесках черепичные крыши казались пурпурными. В саду рядом со старой статуей святого ворковали голуби. Анжелика широко потянулась и зевнула. Она спрашивала себя, не приснилось ли ей все это...

***

Брат Ансельм, добродушный, но медлительный, запряг свою повозку лишь после обеда.

— Не волнуйтесь, детишки, — весело приговаривал он. — Я только немного оттягиваю вашу порку. Мы прибудем в деревню к ночи. Ваши уставшие от забот родители уже будут валиться с ног.

«Если только они не мечутся по полям в поисках отпрысков», — подумала Анжелика, не испытывая ни капли гордости. Ей казалось, что за последние несколько часов она внезапно повзрослела. «Больше никогда не буду вытворять таких глупостей», — пообещала она себе с грустью.

Брат Ансельм из почтения к дворянской крови Анжелики, посадил ее на козлы рядом с собой, в то время как мальчишки сгрудились в повозке.

— Но! Моя хорошая! Моя красавица! — напевал монах, потрясая вожжами.

Однако мулица и не думала торопиться. Наступил вечер, а они все еще тащились по римской дороге.

— Поедем короткой дорогой, — сообщил монах. — Весьма неприятное путешествие, скажу я вам, ведь она проходит рядом с протестантскими деревнями Волу и

Шайе. Дай-то бог, чтобы скорее стемнело, и еретики нас не заметили. Мою монашескую рясу не больно-то чтят в этих местах.

Он спрыгнул на землю и потянул мулицу вверх по тропинке. Анжелика, которой хотелось размять ноги, пошла рядом. Она с любопытством оглядывалась вокруг, поскольку никогда не была в здешних краях, хотя до Монтелу оставалось всего три лье. Тропинка вилась вдоль какой-то насыпи, напоминавшей заброшенный карьер.

Анжелика присмотрелась и разглядела несколько разрушенных строений. Ее босые ноги скользили на потемневших кусках лавы.

— Странные камни, — сказала она, подняв крупный с наплывами камень, поранивший ее ногу.

— Это очень старый свинцовый рудник, принадлежавший еще римлянам, — пояснил монах. — В древних монастырских рукописях его величали Аргентум, так что, похоже, здесь добывали и серебро. Его разработку пытались возобновить в XIII веке, и почти все заброшенные печи стоят здесь с тех самых пор.

Анжелика слушала его с интересом.

— А вот эти тяжелые черные валуны застывшей лавы — наверное и есть та самая руда, из которой добывали свинец?

Брат Ансельм состроил умную мину.

— Вовсе нет! Руда — это большие желтые глыбы. Говорят, из нее также добывают ядовитый мышьяк. Поэтому не подбирайте тут ничего! Лучше я найду вам блестящие серебристые кристаллики. Правда, они очень хрупкие.

Некоторое время монах занимался поисками, потом позвал Анжелику и показал ей выпуклые черные вкрапления в скале, похожие на барельефы из-за правильной геометрической формы. Он поскоблил их

немного, и выступила серебристая блестящая поверхность.

— Но если все это и правда серебро, — заметила Анжелика, — почему его никто не собирает? Ведь оно, должно быть, стоит очень дорого, уж точно хватит заплатить все налоги.

— На самом деле все не так просто, сиятельная мадемуазель. Во-первых, не все то серебро, что блестит, и вы видите всего лишь свинцовую руду. Серебро здесь, конечно, тоже есть, но добыть его сложно: только испанцы и саксонцы знают как. Они делают что-то вроде пирогов из руды, угля и смолы, и плавят их в кузнице на сильном огне. Так получают слитки свинца. Когда-то этот расплавленный свинец лили на головы врагам из башен вашего замка. Но добывать серебро — дело искусных алхимиков, а я не гожусь им даже в подметки.

— «Из нашего замка», вы сказали? Почему «из нашего замка», брат Ансельм?

— Черт побери! Да потому что этот забытый богом уголок — принадлежит вашей семье, хотя и расположен за землями дю Плесси.

— Мой отец никогда о нем не говорил...

— Участок очень мал, узок, здесь ничего не растет. На что он сдался вашему отцу?

— Но как же свинец и серебро?

— Ах, это! Ну да, скорее всего рудник еще не иссяк. Хотя все, что я вам рассказал, известно мне со слов старого монаха-саксонца. Он питал страсть к булыжникам и ко всяким древним колдовским книгам. Старик был немного не в себе, я думаю...

Мулица, тащившая повозку, без лишних указаний продолжала путь и, преодолев вершину холма, вышла на равнину, где ее догнали брат Ансельм и Анжелика. Они вновь взобрались на свои места. Сумерки сгущались.

— Я не зажигаю фонарь, чтобы нас никто не заметил, — прошептал брат Ансельм. — Безопаснее пересекать эти деревни голым, нежели с клобуком на спине и с четками на поясе. Но... разве не факелы там, вдали? — внезапно спросил он, резко придерживая вожжи.

Действительно, примерно в четверти лье от повозки виднелись многочисленные светящиеся точки, число которых понемногу росло. Ночной ветер донес до них печальные звуки странных песен.

— Да защитит нас Богородица! — вскричал брат Ансельм, спрыгивая на землю. — Это гугеноты из Волу собрались хоронить своих покойников. Они идут прямо сюда. Нам надо поворачивать назад.

Он схватил мулицу за уздечку и попытался развернуть ее на узкой тропинке. Однако животное не желало повиноваться. Монах впал в отчаяние и сыпал проклятиями. Больше он не называл ее «милой», теперь она стала «проклятой скотиной». Анжелика и Никола подскочили к монаху, пытаясь помочь управиться с упрямым мулом. Тем временем процессия приближалась.

Пение становилось громче: «Уповаем на Господа, Он помощь наша и защита...»^[61]

— Мы пропали! — захныкал брат Ансельм.

На повороте дороги появились люди с факелами. Их свет внезапно вырвал из тьмы повозку, преградившую шествию путь.

— Кто это?

— Приспешник дьявола, монах...

— Он перегородил нам дорогу.

— Неужто им мало того, что мы должны хоронить покойников ночью, словно собак? Он хочет осквернить их своим присутствием!

— Бандит! Развратник! Цепной пес папистских свиней!

О деревянные стенки повозки ударились брошенные камни. Дети заплакали. Анжелика бросилась вперед, простирая к гугенотам руки:

— Перестаньте! Перестаньте! Там же дети!

Появление девочки с распущенными волосами еще больше разозлило протестантов.

— Смотрите, девчонка! Одна из его шлюх!

— А там, в повозке — их внебрачные дети, окропленные святой водой!

— Небось, тоже зачаты непорочно!

— При помощи Святого Духа!

— А наших детей они украли, чтобы принести в жертву своим идолам!

— Смерть дьявольским ублюдкам!

— Отомстим за наших детей!

С искаженными ненавистью лицами, одетые в черное, они окружили повозку. Идущие сзади участники процессии, не зная, что происходит, продолжали петь: «Господь — наша твердыня...»^[62] Однако толпа становилась все плотнее.

Побитый брат Ансельм, проявив невиданную при таком пузе ловкость, сумел вырваться и сбежать через поля. Николя, на которого со всех сторон сыпались удары палками, не смотря ни на что пытался развернуть обезумевшую мулицу. Чьи-то грубые руки вцепились в Анжелику. Извиваясь, словно уж, она выскользнула из плена и бросилась бежать вниз по тропинке. Один из мальчишек-гугенотов помчался за ней и догнал. Это был всего лишь мальчишка, почти ее ровесник, чья юность удесятряла его религиозный фанатизм.

Сцепившись, они покатались по траве. Анжелику внезапно охватила неистовая ярость. Она царапалась, кусалась и впивалась в него зубами, ощущая соленый

вкус крови на языке. Наконец ее противник начал слабеть и девочке удалось освободиться.

Перед повозкой выросла чья-то высокая фигура.

— Перестаньте, перестаньте, несчастные! Там же дети! — закричал человек, вторя Анжелике. — Это дети!

— Вот именно! Дети дьявола! Помните, что они делали с нашими детьми? В Варфоломеевскую ночь их выбрасывали из окон прямо на пики!

— Дети мои, забудьте о былом! Остановите вашу карающую длань! Нам нужен мир. Остановитесь, дети мои, послушайте своего пастора!

Анжелика услышала, как заскрипела, тронувшись с места, повозка, которую Николая все же удалось развернуть. Проскользнув вдоль изгороди, она присоединилась к нему на следующем повороте дороги.

— Если бы не их пастор, нас бы поубивали, — прошептал Николая, стуча зубами.

Анжелика была вся покрыта ссадинами. Она тщетно пыталась привести в порядок свое рваное и грязное платье. Голова горела. Ее так сильно дергали за волосы, что чуть не сняли скальп.

Чуть дальше кто-то тихо окликнул их, и из кустов выбрался брат Ансельм.

Им пришлось вновь спускаться к римской дороге. К счастью, на небе появилась луна. В Монтелу дети прибыли только на заре. Там они узнали, что всю ночь не смыкая глаз жители деревни прочесывали Ньельский лес, но обнаружили лишь колдунью Мелюзину, собиравшую на лужайке целебные травы. Ее обвинили в краже детей и без лишних проволочек повесили на ветке дуба.

Глава 9

— МЕЛЮЗИНА!

Крики Анжелики устремлялись ввысь, будя под сводами замка пугающее эхо.

— МЕЛЮЗИНА!

Пюльшери схватила девочку за плечи и, дрожа, изо всех своих невеликих сил удерживала Анжелику, которая рвалась прочь, чтобы бежать к тайному логову подруги. Она не могла поверить услышанному: крестьяне в поисках пропавших детей повесили колдунью Мелюзину.

Растрепанная, грязная, в изодранной в клочья одежде, она проскользнула в замок. Все члены семьи, даже слуги, собрались в гостиной. Анжелике рассказали о происшедшей трагедии, вину за которую возлагали на нее.

Колдунью повесили.

И теперь они смотрели, как она отбивалась, испуская нечленораздельные крики, среди которых можно было разобрать отчаянный зов:

— Мелюзина! Мелюзина!

В промежутках между криками до нее доходил голос кривляки Ортанс, повторяющей обвинения с монотонностью дюжины четок:

— Это ты во всем виновата, Анжелика! Виновата во всем! Зачем ты потащила всех этих детей в такую даль? Почему ты не вернулась назад, когда наступила ночь? Ты не подумала о твоих несчастных родителях, которые будут беспокоиться! Не подумала, что будем беспокоиться все мы? — повторяла она помпезным тоном. — Ты бессердечная, тебе все безразличны!

Несмотря на то, что Анжелика мало-помалу стала успокаиваться и отвела руки Пюльшери, тетушка никак

не могла решиться выпустить ее из своих крепких объятий. Анжелика подняла голову и взглянула на отца полными боли глазами:

— Почему? ПОЧЕМУ они это сделали?

Бедный барон с печальной растерянностью смотрел на дочь. В ореоле взлохмаченных волос цвета светлой меди Анжелика казалась отцу излучающим свет существом из иного мира, тогда как всё и все вокруг выглядели такими мрачными и грубыми. У барона не было сил ей ответить. Его не удивил поступок крестьян, ведь он знал, что, охваченные страхом перед дурным глазом, злыми духами и дьявольскими происками, они способны на неосознанную жестокость, и поэтому не был потрясен.

Кормилица нравоучительно заметила:

— Она была ведьмой!

Тетушка Жанна отложила вышивание — что делала не часто — и в кои-то веки раз произнесла своим хриплым, дребежащим голосом:

— Ведьмы опасны. Им подвластны рождение, жизнь, смерть...

— И любовь! — вставила кормилица.

— Но она была ДОБРОЙ ведьмой!!! — прокричала Анжелика.

— Эти самые плохие, — возразила тетя Жанна, также повысив свой противный голос. — Так написано в книге инквизиторов, в «Молоте ведьм»^[63], составленной любимыми сынами Папы Иннокентия VIII монахами-доминиканцами Шпренгером и Крамером.

Она начала безжалостно цитировать:

«...Среди ведьм встречаются не только те, что убивают и мучают людей, но также, в основном — те, что не делают никакого зла, не пытаются нас ни осквернить, ни ранить, а наоборот, помогают нам, избавляя от бед. Этих ведьм мы называем добрыми. Но

лучше избавляться от всех ведьм, и особенно — от добрых».

— Довольно! ДОВОЛЬНО! — баронесса де Сансе прервала монолог тетушки Жанны.

Синяки под глазами, слегка осунувшееся лицо выдавали то бессонное, тревожное состояние, в котором пребывала баронесса долгое время после исчезновения Анжелики. Она понимала, так же как и ее муж, что упреки бессмысленны — ведь они лишь причиняют девочке новые страдания.

— Жанна, замолчите. Будет лучше, если вы вернетесь в гостиную, к вашему вышиванию. Кормилица, уведите ребенка на кухню и налейте ей горячего супа.

Анжелика продолжала смотреть на отца пронизывающим взглядом с единственным вопросом: «Почему? Почему?» Но в его глазах она читала только решимость.

— На этот раз, дочь моя, придется отвечать за свой поступок. Ты отправишься в монастырь... Мне не остается ничего другого, как принять предложение Молина.

***

Анжелика просидела несколько часов в кухне возле очага, не шевелясь и не говоря ни слова. Точно так же порой поступал старый Лютцен, который и в этот вечер смотрел на нее безмолвно.

Издали до нее доносился голос матери, отчитывающей тетушку Жанну. Баронессу возмутила не столько нравоучительная тирада, сколько цитата и упоминание о книге, которую, впрочем, баронесса ни разу не видела в сырой и более чем скромной библиотеке замка. «Молот ведьм?» Где она его взяла?!

Тетя Жанна съежилась, как потревоженный в паутине паук, и вновь затаилась среди любимых шерстяных ниток, за вышиванием, в углу, где она коротала дни с тех пор, как умер дедушка. В ответ на вопросы невестки она лишь состроила надменную гримасу всезнающего человека, которая говорила о том, что в ее мудрой голове скрыты возвышенные теологические знания, недоступные для невежественной баронессы.

Мадам де Сансе расспросила о книге и Фантину.

Может, кто-то из бродячих торговцев принес ее в дом? Они везут все подряд. Однако вряд ли среди маленьких синих книжечек и ленточек мог затесаться средневековый трактат по демонологии, написанный двумя фанатичными монахами и предназначенный для инквизиторов.

А кроме того, бродячий торговец еще не появлялся в этом году... Возможно, он не смог пробиться через земли, охваченные восстаниями, которые вспыхивали то там, то здесь, словно пятна сыпи, все яснее указывая на очевидность болезни. Разговор плавно перетек к слухам о событиях, которые непосредственно касались пока еще мирного Пуату. Чтобы наказать дерзкого принца Марсийака^[64], развязавшего со своей любовницей Анной-Женевьевой де Лонгвиль Фронду принцев, королева-регентша Анна Австрийская приказала разрушить его родовое поместье, замок Вертей. О судьбе его жены, ставшей герцогиней де Ларошфуко после недавней смерти тестя, ничего не было известно, кроме того, что она вместе с шестью детьми осталась без крыши над головой.

Пока Фантина и мать увлеченно беседовали, Анжелика, улучив момент, убежала из замка. Шел дождь. Сумерки еще не опустились, но было серо и пасмурно. Она хотела сходить к жилищу Мелюзины и

проверить, что случилось с ее вещами и животными: с котом, совой... Но чем ближе она подходила к пещере колдуньи, тем отчетливее проступали силуэты людей, которые караулили у подножия утеса.

Анжелика притаилась в тени подлеска. Сердце гулко билось. Девочка помчалась по мокрой траве обратно, не замечая воды, льющейся с веток деревьев, и всю дорогу чувствовала на себе чьи-то подозрительные и даже злобные взгляды. Только в замке она вновь вздохнула свободно.

***

На следующий день погода прояснилась и Анжелика вновь отправилась в лес. Теперь все вокруг казалось пустынным, и девочка не могла решить так ли это на самом деле или ей просто кажется.

Может быть, ее избегали?

Прогуливаясь по тенистой тропинке, она заметила в низине, человека, в раздумье сидящего на пне. Неподалеку послась его лошадь. Подойдя ближе, она узнала отца.

Барон Арман поднял голову.

Анжелика, сердце которой все еще сжималось от боли, присела рядом с ним.

— Дитя мое, понимаешь ли ты, — начал барон Арман, — сколько забот и тревог выпало на мою долю из-за этих детей, твоих приятелей, и из-за тебя в особенности?

— Отец, неужели дела с мулами идут плохо?

— Нет, с мулами все хорошо. Я сейчас еду от управляющего Молина. После твоей безумной прогулки в лес тетюшка Пюльшери убедила меня и твою матушку в том, что оставаться в замке вам больше нельзя. Вам необходимо как можно скорее отправиться в монастырь. Сегодня я согласился на те унижительные

условия, которых долго пытался избежать. Я искал Молина, чтобы просить предоставить нашей семье ссуду, которую он мне предлагал.

Он говорил тихо и печально: смерть отца и отъезд старшего сына он выдержал, но теперь в нем словно что-то надломилось.

— Бедный папа! — прошептала Анжелика.

— Все так запутанно, — продолжал барон. — Принять помощь от простолюдина само по себе тяжело, но меня беспокоит другое — я никак не могу понять, что он задумал и почему ссудил мне немалую сумму на очень странных условиях.

— На каких условиях?

Он задумчиво посмотрел на дочь и погладил своей мозолистой рукой ее прекрасные волосы цвета темного золота.

— Удивительно. Мне проще довериться тебе, чем твоей матери. Ты сумасбродная дикарка, но мне кажется, что ты способна все понять. Я давно догадался, что у Молина есть шкурный интерес во всем этом предприятии, но до сих пор не мог уяснить, почему он предложил сотрудничество мне, а не какому-нибудь барышнику. Оказалось, все дело в дворянском титуле. Сегодня он мне рассказал, что благодаря моим связям и родне я смогу получить полное освобождение от таможенных сборов, пошлины на ввоз, «пыльного» налога для четверти наших мулов и гарантированное право на экспорт в Англию или в Испанию, когда война прекратится...

Барон снова задумался.

— Возможно, я действительно смогу добиться привилегий от мессира де Тремана, сюринтенданта нашей провинции. Мы ведь состоим в родстве, а подобная услуга ему ничего не будет стоить.

— Вот и отлично! — обрадовалась Анжелика. — Действительно, ловко придумано. Молин — простолюдин и делец с одной стороны, а вы — дворянин и человек чести — с другой.

— И к тому же не делец, — улыбнулся отец.

— Нет. Но... вы разбираетесь в том, что затеяли. Кроме того у вас есть связи и титулы. Вы должны преуспеть. Вы же сами недавно говорили, что не представляете себе, как можно продавать мулов за границу из-за подорожных и пошлин на ввоз, которые увеличивают расходы. Но ведь сюринтендант сможет помочь вам только с четвертью товара! Как вы поступите с остальным?

— Военное интендантство оставило за собой право покупать их по годовой цене на рынке Пуатье.

Анжелика одобрительно кивнула.

— Вроде бы, все продумано. Молин умный человек! Может, вам также стоит увидеться с дю Плесси и написать герцогу де Трему. Хотя, поговаривают, что они оба скоро появятся в наших краях по делам своей Фронды.

— Об этом действительно поговаривают, — воодушевленно продолжил барон. — И все-таки не спешите меня поздравлять. Приедут принцы или нет, я не уверен, что смогу получить их поддержку. Но я не рассказал тебе самое удивительное.

— Что именно?

— Молин хочет восстановить наш свинцовый рудник возле деревни Волу.

Барон мечтательно вздохнул.

— Порой я задаю себе вопрос, в здравом ли уме этот человек, ибо я с трудом постигаю суть столь запутанных дел... если, конечно, это настоящие дела. Он советует ходатайствовать у короля о возобновлении привилегии наших предков на добычу свинца и серебра из старого рудника. Ты ведь помнишь заброшенную

шахту Волу? — спросил Арман де Сансе, заметив, что дочь его больше не слушает.

Анжелика рассеяно кивнула. Она снова вспомнила свое ночное приключение, когда брат Ансельм показал ей шахту, что вызвало у нее неприятные чувства.

Отец продолжал с беспокойством:

— Хотел бы я знать, что именно чертов управляющий надеется извлечь из старых камней? Понятно, восстановление шахты будет идти от моего имени, но за его деньги. Мы заключили тайное соглашение, согласно которому он берет свинцовый рудник в аренду сроком на десять лет и избавляет меня от всех обязанностей землевладельца и забот, связанных с добычей руды. Единственное, что я должен сделать, так это получить от сюринтенданта освобождение от налога на четверть будущей продукции и гарантированное право на вывоз через границу. Все это кажется мне немного запутанным.

Он снова глубоко вздохнул.

— Но в конечном счете, нам не на что жаловаться! Справедливо, что откупщики и банкиры, знающие толк в денежных делах, помогают дворянству, которое всю жизнь сражается на службе у короля. И я, и твой дедушка внесли немалую долю в приумножение королевской казны, и теперь мы не должны умереть в нищете. Благодаря моему сотрудничеству с Молином вы с Ортанс сможете получить хорошее образование. А это уже, какое-никакое, а приданное, которое поможет вам выйти замуж... Мы с твоей матерью напишем настоятельнице монастыря урсулинок в Пуатье и узнаем, смогут ли они вас принять. Я думаю, им понадобится определенное время, чтобы все подготовить к вашему приезду. А пока, Анжелика... Могу я тебя попросить, Анжелика...

В его голосе слышалась мольба.

— ...не предаваться больше нелепым затеям, хорошо? Тебе уже пора перестать дурачиться, бегать по полям, собирать цветы... Анжелика, ты можешь мне пообещать?

Анжелика молчала.

Сидя рядом с отцом, на краю дороги, ведущей в низину, она на мгновение вновь почувствовала себя ребенком, и необъяснимое горе, давившее на нее свинцовой тяжестью, уменьшилось.

Жизнь течет своим чередом, постоянно загоняет их в угол заботами и бедами, но в то же время дает надежду на лучшее.

Она поняла, что дни текут, словно бурный водный поток, который увлекает людей за собой, принуждая выполнять установленные им правила, и чтобы выжить, она сама должна плыть по течению, как поступают ее родители.

— Обещайте мне, — настаивал барон.

Анжелика склонила голову.

Она обещала.

Часть третья
«Боги Олимпа»

Глава 10

Прошло немало времени, прежде чем в переписке урсулилки из Пуатье подтвердили, что могут принять новых учениц. После опасений, что их прошение в очередной раз отвергнут, мессир и мадам де Сансе, все домочадцы, и даже Анжелика вздохнули с облегчением. Событие, которое долгое время казалось им трудной и, возможно, напрасной затеей, приближалось.

Итак, Анжелика начала собираться в дорогу. Ортанс и Мадлон тоже уезжали. Раймон и Гонтран ехали с ними. Братьям надлежало проводить сестер к урсулинкам, после чего отправиться к монахам-иезуитам, которые считались лучшими наставниками. Именно гугенот Молин посоветовал Арману де Сансе доверить им образование сыновей. Он сообщил барону то, о чем мало кто знал: иезуиты обучали детей бесплатно.

Думали даже, не отправить ли к иезуитам и маленького девятилетнего Дени. Однако кормилица решительно запротестовала. Сначала на нее взвалили заботу о десятирех детях, а теперь решили отобрать всех сразу. Она пришла в ужас от таких крайностей. Так что Дени остался. И с ним вместе Мари-Аньес, Альбер и кроха, которому исполнилось только два годика и которого пока все так и звали — Кроха. В общем, вполне достаточно, чтобы не дать Фантине Лозье заскучать. Когда вопрос был улажен, все успокоились. Путешествие запланировали на осень. За это время вполне могло случиться что-нибудь, что отдалило бы отъезд в монастырь. И действительно, произошло событие, которое едва не изменило судьбу Анжелики.

Как-то утром мессир де Сансе вернулся из замка дю Плесси с весьма озабоченным видом.

— Анжелика! — вскричал он, входя в столовую, где вся семья уже собралась и ждала его, чтобы сесть за стол. — Анжелика, ты здесь?

— Да, отец.

Он окинул критическим взглядом дочь, которая за последние месяцы еще больше выросла. Теперь Анжелика всегда ходила аккуратно причесанная, ее руки были чистыми, и все поверили в то, что девочка постепенно учится уму-разуму.

— Сойдет, — прошептал он.

Затем обратился к жене:

— Только представьте себе, все семейство дю Плесси: маркиз, маркиза, сын, паж, слуги, собаки — все они только что приехали в замок. У них высокопоставленные гости — принц Конде со свитой. Я случайно наткнулся на них и почувствовал себя неловко. Однако кузен был любезен. Он меня окликнул, расспросил о новостях, и, знаете, о чем попросил? Привести к ним Анжелику, чтобы заменить одну из фрейлин маркизы, поскольку та оставила в Париже всех своих девушек, которые ее причесывают, развлекают, играют ей на лютне. Приезд принца стал для маркизы потрясением. Она уверяет, что теперь ей не обойтись без помощи милovidных камеристок.

— Но почему она, а не я? — воскликнула рассерженная Ортанс.

— Потому что было сказано «милovidных», — резко ответил барон.

— Однако маркиз нашел, что я умна.

— Но маркиза хочет, чтобы ее окружали милovidные молодые девушки.

— Ах! Это уже слишком! — закричала Ортанс, набрасываясь на сестру с кулаками.

Однако Анжелика предвидела выпад сестры и ловко отскочила в сторону. Сердце ее бешено колотилось. Она поднялась в большую комнату, которую делила теперь

только с Мадлон и, выглянув в окно, приказала слуге принести ей ведро воды и лохань.

Анжелика тщательно вымылась, и долго расчесывала свои прекрасные волосы, которые носила распущенными, словно шелковый капюшон. Пюльшери принесла самое лучшее из всех ее платьев — то самое, в котором девушке предстояло отправиться в монастырский пансион. Анжелике оно очень нравилось, несмотря на довольно невыразительный серый цвет. Впрочем, ткань была совсем новой — ее купили у торговца сукном из Ньюра специально по этому поводу. К тому же белый воротничок весьма оживлял строгий наряд. Ее первое длинное платье. Тетушка в умилении всплеснула руками.

— Моя маленькая Анжелика, тебя вполне можно принять за взрослую девушку. Может, стоит поднять волосы?

Однако Анжелика отказалась. Женский инстинкт подсказывал ей, что не стоит прятать такие прекрасные локоны.

Анжелика села на гнедого мула, которого отец велел оседлать для нее, и вместе с бароном отправилась в поместье дю Плесси.

***

Замок пробудился от волшебного сна. Как только барон с дочерью оставили мулов управляющему Молину и стали подниматься вверх по главной аллее, до них донеслись звуки музыки. Длинные борзые и маленькие грифоны^[66] резвились на лужайках. По дорожкам прогуливались господа с завитыми волосами и дамы в переливающихся платьях. Некоторые из них с любопытством поглядывали на бедного дворянина в

костюме из грубой шерсти и девочку-подростка в наряде монастырской ученицы.

— Выглядит смешно, но хорошенькая, — сказала одна дама, играя веером.

Анжелика спросила себя, не к ней ли относились эти слова. Почему ее называли смешной? Она внимательнее пригляделась к пышным ярким нарядам, отделанным кружевами, и среди них ее серое платье показалось ей неуместным.

Барон Арман совершенно не разделял смущения дочери. Его сильно тревожил предстоящий разговор с маркизом дю Плесси. Он собирался просить о снятии налога с четверти всех мулов и с четверти отлитого на руднике свинца. Для такого знатного дворянина, каким являлся барон де Ридуэ де Сансе де Монтелу это должно было быть парой пустяков. Но бедный барон понимал, что, прожив годы вдали от двора, он стал неловким, как простолюдин. Его пугали все эти люди — напудренные и благоухающие, чей разговор походил на щебет попугаев. И пока Арман де Сансе вместе с Анжеликой протискивался сквозь шумную разодетую толпу, он с грустью вспоминал старых друзей, которых больше не было и славные времена Людовика XIII, когда люди держались проще и естественнее.

С невысокого помоста, где расположились музыканты с виолами, лютнями, гобоями и флейтами, лились чистые, приятные звуки музыки. В большой зеркальной зале Анжелика увидела танцующих молодых людей и вдруг подумала, что, возможно, ее кузен Филипп среди них.

Тем временем барон де Сансе, пробрался вглубь залы и теперь низко кланялся, сняв старую фетровую шляпу с пером. Анжелике стало не по себе. «При нашей бедности гораздо уместнее было бы держаться гордо и с достоинством», — подумала она. Вот почему вместо того чтобы опуститься в глубоком реверансе, который

они отрепетировали с тетушкой Пюльшери целых три раза, она словно остолбенела и смотрела прямо перед собой. Лица окружавших ее людей виделись как в тумане, но Анжелика знала, что, глядя на нее, все они умирают от желания рассмеяться.

Тишина, которую нарушали приглушенные смешки, внезапно стала полной, когда слуга объявил:

— Мессир барон де Ридуэ де Сансе де Монтелу.

Лицо маркизы дю Плесси покрылось густым румянцем, который она тщетно попыталась скрыть веером, а ее глаза засветились сдержанным весельем. Маркиз дю Плесси тут же бросился спасать положение. Он приветливо шагнул вперед и произнес:

— Дорогой кузен, вы доставили нам несказанную радость, прибыв так скоро вместе с вашей прелестной дочерью. Анжелика, со времени нашей последней встречи, вы еще больше похорошели. Не так ли? Ну разве она не похожа на ангела? — спросил он, поворачиваясь к жене.

— Вы совершенно правы, — подтвердила та, вновь надев маску невозмутимой безмятежности. — В каком-нибудь другом платье она была бы божественна. Присядьте на этот табурет, милая, чтобы мы смогли лучше вас рассмотреть.

— Кузен мой, — сказал Арман де Сансе, чей грубоватый голос странно прозвучал в изящном зале, — я бы хотел незамедленно поговорить с вами об одном важном деле.

Маркиз удивленно поднял брови:

— Правда? Я вас слушаю.

— Сожалею, но это дело личного характера.

Мессир дю Плесси бросил на родственника насмешливо-смиранный взгляд.

— Конечно, мой кузен барон, конечно. Пойдемте в кабинет. Дамы, простите нас, мы скоро вернемся.

В то мгновение, когда кузены направились к выходу, один из молодых людей с завитыми волосами, напудренный и даже покрашенный, вдруг повернулся и окликнул барона:

— Мессир де Сансе!

И, когда тот остановился, спросил:

— Вы, наверное, всегда охотитесь с чеглоком ^[67]?

Зал прыснул со смеху.

— Ни с чеглоком, ни с соколом, — парировал барон, поначалу озадаченный. — Я не охочусь, у меня нет на это времени...

Должно быть, ответ впечатлил гостей, так как смех внезапно смолк и разговор принял совершенно другое направление. Анжелика не поняла, в чем смысл шутки, но почувствовала, что над ее отцом хотели посмеяться.

Устроившись на табурете, она оказалась под прицелом любопытных взглядов гостей. Анжелика взяла себя в руки, и бушующее в ней чувство обиды немного утихло.

Теперь она отчетливо видела окружающие ее лица. Большинство из них были ей незнакомы, но рядом с маркизой стояла очень красивая женщина, которую Анжелика узнала по белой жемчужной коже груди.

«Мадам де Ришвиль», — подумала она.

При виде отороченного золотом платья графини с расшитым бриллиантами пластроном Анжелика еще сильнее осознала, насколько нелепо выглядит ее собственное серое платье. Все дамы сверкали с головы до ног. Они носили на поясах странные безделушки: маленькие зеркальца, черепаховые гребни, бонбоньерки и часики. Никогда Анжелика не сможет так одеваться. Никогда она не научится смотреть на других с таким высокомерием, а говорить таким медовым голосом с изяществом и нараспев.

— Дорогая, — сказала одна дама другой, — у нее восхитительные волосы, но, по всей видимости, за ними никогда не ухаживали.

— Грудь маловата для пятнадцати лет.

— Но, дорогая, я думаю, что ей нет еще и тринадцати.

— Хотите знать мое мнение, Генриетта? Обтесывать ее уже поздно.

«Как будто я мул, выставленный на продажу», — размышляла Анжелика. Она была слишком потрясена, чтобы оскорбляться на слова дам.

— Что же вы хотите! — воскликнула мадам де Ришвиль. — У нее зеленые глаза, а зеленые глаза приносят несчастье, так же как и изумруды.

— Но зато какой редкий цвет, — возразила другая дама.

— Однако им не достает обаяния. Посмотрите какой холодный у нее взгляд. Нет, мне решительно не нравятся зеленые глаза.

«Они ни во что не ставят мое единственное богатство — глаза и волосы», — думала девочка.

— Ну конечно, мадам, — неожиданно громко произнесла она, — я не сомневаюсь, что в голубых глазах настоятеля Ньельского аббатства больше нежности и они доставляют вам счастье, — закончила она более тихо.

Повисло гробовое молчание. Послышались робкие смешки, но и те быстро смолкли.

Дамы растерянно переглядывались, словно не веря в то, что услышали подобные слова из уст этой бесстрастной девчонки. Лицо и даже шея графини де Ришвиль залились пурпурной краской.

— Господи, я знаю ее! — воскликнула она и тут же прикусила язык.

Все удивленно смотрели на Анжелику. Известная своим остроумием маркиза дю Плесси приглушенно

посмеивалась, прикрывая лицо веером. Но на этот раз ее соседка, а не юная родственница стала причиной смеха, который она пыталась скрыть.

— Филипп! Филипп! — позвала она, чтобы сгладить неловкость. — Где мой сын? Мессир де Бар, не будете ли вы столь любезны, позвать моего сына полковника?

И когда юный шестнадцатилетний полковник подошел, она сказала:

— Филипп, здесь твоя кузина де Сансе. Проводи ее к танцующим. В компании молодых людей ей будет куда веселее, чем с нами.

Не дожидаясь приглашения, Анжелика встала. Сердце готово было выпрыгнуть из груди, и это злило девушку. Юный сеньор смотрел на свою мать, не скрывая возмущения. Его взгляд, казалось, говорил: «Как вам только в голову пришло навязать мне общество безвкусно одетой девчонки?»

Однако по выражению лиц окружающих он, должно быть, понял, что произошло нечто из ряда вон, и, протянув Анжелике руку, тихо проговорил сквозь зубы: «Ну идемте же, кузина».

Она вложила свои маленькие пальчики, изящество которых не замечала, в раскрытую ладонь Филиппа. Молча, он повел ее к входу в галерею, где пажи и молодые люди их возраста могли развлекаться в свое удовольствие.

— Дорогу! Дорогу! — внезапно закричал он. — Друзья, позвольте представить вам мою кузину, баронессу Унылого Платья.

Послышался громкий смех, и их тут же окружила толпа молодых пажей. Юноши щеголяли в забавных пышных панталонах гораздо выше колена. Тощие длинные ноги подростков смешно торчали из туфель на высоких каблуках, напоминая ходули.

«Если на то пошло, я в своем печальном платье не более смешна, чем они в панталонах, больше похожих

на тыкву», — подумала Анжелика.

Она, возможно, и пожертвовала бы еще толикой самолюбия, чтобы постоять рядом с Филиппом, но тут один из мальчиков спросил:

— Мадемуазель, вы умеете танцевать?

— Немного.

— Правда? А какие танцы?

— Буре, ригодон, хороводы.

— Ох-хо-хо! — расхохотались молодые люди. — Филипп, что за птичку ты к нам привел! Идемте, идемте, господа, вытянем жребий. Кому посчастливится танцевать с нашей пастушкой? Куда подевались любители буре? Ха-ха-ха!

Резким движением Анжелика вырвала руку из руки Филиппа и убежала.

Она бежала по заполненным слугами и вельможами просторным залам, по холлу, выложенному мозаикой, и где на бархатных подстилках спали собаки. Она искала отца, но главное, старалась не заплакать. Все происходящее того не стоило. Надо забыть этот день как безумный причудливый сон. Всяк сверчок знай свой шесток. Анжелика вспомнила мудрые наставления тетушки Пюльшери и решила, что наказана за тщеславные мечты, которые попыталась осуществить, отозвавшись на предложение маркиза дю Плесси.

Наконец, пробегая мимо маленького удаленного салона, она услышала немного раздраженный голос маркиза.

— Нет! И еще раз нет! Вы совершенно ничего не понимаете, мой бедный друг, — громко говорил он с отчаянием в голосе. — Вы полагаете, нам, дворянам, у которых столько трат и расходов, просто получить освобождение от пошлин? К тому же ни я сам, ни принц Конде не вправе давать вам такое разрешение.

— Я лишь прошу вас выступить в качестве моего адвоката перед сюринтендантом финансов мессиром де

Треманом, которого вы знаете лично. Ведь он тоже останется в выигрыше. От него требуется только освободить от подорожных пошлин четверть моих мулов и слитков свинца, чтобы я смог спокойно добраться из Пуату до океана. Взамен военное интендантство короля сможет покупать оставшийся товар по первоначальной цене, и его величеству не придется приобретать свинец и серебро по официальным тарифам. Ведь для страны выгоднее иметь дело со своими, проверенными поставщиками, чем связываться с иностранцами. Например, чтобы управляться с тяжелой артиллерией, у меня есть прекрасные сильные мулы с внушительными крупами...

— От ваших слов несет потом и навозом, — возразил маркиз, с отвращением поднося руки к носу. — Я спрашиваю себя, до какой степени вы можете погрязнуть во всей этой, с позволения сказать, торговле, не уронив чести дворянина.

— Торговля — пусть так, но мне надо жить! — ответил Арман де Сансе с решимостью, которая порадовала Анжелику.

— А мне? — вскричал маркиз, простирая руки к небу. — Вы думаете, я не испытываю трудностей? Еще как испытываю, но до сего дня смиренно удерживал себя от всякой работы, присущей простолюдину и способной опорочить дворянина.

— Кузен мой, ваши доходы не сопоставимы с моими. Можно сказать, что я живу в нищете, не получая никакой помощи от короля и страдая от притеснений ростовщиков из Ньюра.

— Знаю, знаю, мой храбрый Арман. Но вы никогда не спрашивали себя, как я, придворный, занимающий две серьезные должности, поддерживаю в более и менее сносном состоянии свое материальное положение? Уверен, что не спрашивали! Ну так вот! Знаете ли вы, что мои траты во много раз превышают мои доходы? И

это, учитывая доходы от моих владений дю Плесси, доходы моей жены в Турене, должность офицера королевской палаты — примерно сорок тысяч ливров — и главы военного лагеря Пуату. В общей сложности где-то сто шестьдесят тысяч ливров в год...

— Хм, я бы вполне удовольствовался десятой частью, — сказал барон.

— Секундочку, мой дорогой деревенский кузен. Да, у меня сто шестьдесят тысяч ливров дохода. Но знайте, что траты моей жены, полк сына, парижский отель, проживание в Фонтенбло, постоянные переезды вслед за королевским двором, проценты по закладным, приемы, наряды, экипажи, слуги и так далее обходятся мне в триста тысяч ливров.

— То есть, за год ваши расходы превышают доход на сто сорок тысяч ливров?

— Вы сами все подсчитали, дорогой кузен. Я позволил себе произнести этот скучный длинный монолог перед вами только для того, чтобы вы осознали, насколько невозможно для меня просить о чем-либо мессира де Тремана, сюринтенданта финансов Пуату.

— Но вы же знакомы с ним.

— Я знаком с ним, но я с ним больше не вижусь. Мне уже надоело повторять вам, что мессир де Треман служит королю, королеве-регентше и, возможно, даже предан Мазарини.

— Ах да! Конечно...

— Вот почему он больше не появляется в нашем обществе. Разве вы не слышали о том, что принц Конде, которому я остаюсь верным, рассорился с королевским двором?

— Откуда мне знать? — произнес Арман де Сансе в полном недоумении. — Я видел вас несколько месяцев назад, и тогда, кажется, у регентши не было лучшего советника, чем принц Конде.

— Да, но с тех пор многое изменилось, — вздохнул маркиз дю Плесси с досадой в голосе. — Я не стану вдаваться в подробности. Скажу лишь, что если королеве, ее двум сыновьям и этому чертову кардиналу удалось снова обосноваться в Лувре, то исключительно благодаря монсеньору Конде. Однако вместо благодарности с ним обошлись совершенно возмутительно. Ему не пожелали отдать в управление Гиень, его брату Конти — Прованс. А вот Ларошфуко, жену и сына которого принц спас, когда их не выпускали из Шантильи, получил в управление Блуа. Больше того, принца даже какое-то время продержали в тюрьме. Согласитесь, это немало...

Отныне монсеньор принц считает себя ярим врагом Мазарини и всех, кто ему служит. Недавно мессир де Марсийак приезжал на похороны своего отца и призывал дворян Пуату поддержать Фронду, встав на сторону Гастона Орлеанского. Почему вы, человек высокого происхождения, не откликнулись на его призыв?

— Я? — в ужасе воскликнул Арман де Сансе.

— А почему нет? Если истинное положение дел обстоит именно так. Отношения между жалким двором и великими деятелями королевства накалились уже давно. Предложения, с которыми выступила Испания, показались принцу весьма интересными. Он приехал ко мне, чтобы обдумать все основательно.

— Испанцы делали какие-то предложения? — изумился барон.

— Да. Говоря между нами, ведь вы человек чести и не проболтаетесь, король Испании Филипп IV предложил нашему великому генералу, так же как и мессире де Тюренну, армию в десять тысяч человек каждому.

— Но зачем?

— Чтобы ограничить власть регентши, разумеется, и вора кардинала, который сейчас, слава богу, сбежал!

Испанские армии под командованием монсеньора Конде войдут в Париж, и тогда Гастон Орлеанский — Месье, брат покойного короля Людовика XIII, будет провозглашен королем. Монархия будет спасена и наконец-то избавится от женщин, детей и иностранца, который ее позорит. Учитывая все это, подумайте, что я могу сделать? Я спрашиваю вас! Чтобы вести тот образ жизни, о котором упоминал ранее, я не могу себе позволить встать на сторону проигравшего. Кстати, народ, парламент, двор — все ненавидят Мазарини. А королева продолжает за него держаться и никогда не отречется от своего итальянца. Невозможно описать, какое жалкое существование вот уже два года влачит королевский двор и маленький король, — его можно сравнить лишь с цыганскими скитаниями: побеги, возвращения, ссоры, войны и все в таком же духе...

Однако дело слишком затянулось. Король Людовик XIV уже выбыл из игры. Кстати, должен заметить, что дочь Гастона Орлеанского — влиятельная Мадемуазель де Монпансье — ярая фрондерша. Она уже сражалась год назад на стороне восставших. И теперь снова стремится бой. Моя жена ее обожает, и та отвечает ей взаимностью. Но на этот раз я не позволю Алисе оказаться в лагере противника. Нет ничего плохого в том, чтобы повязать вместо пояса голубой шарф и вставить в шляпку колосок, если это не ведет к разладу в супружеских отношениях. А у Алисы такой характер, что она всегда выступает «против»: против обычных подвязок для чулок и за шелковые, против челки и за открытый лоб и так далее. Такое поведение ей кажется оригинальным. Сейчас она против регентши Анны Австрийской только потому, что та сказала, будто сосательные таблетки, которые Алиса рассасывает для свежести дыхания, напоминают по запаху

слабительное. Ничто не заставит Алису вернуться ко двору, где она скучает от набожности королевы и выходок маленьких принцев. А стало быть, мне придется присоединиться к жене, раз она не хочет присоединиться ко мне. У меня к ней слабость, я нахожу ее пикантной, а также ценю ее таланты в искусстве любви... В конце концов, Фронда — приятная игра...

— Но... но вы же не хотите сказать, что мессир де Тюренн тоже... — пролепетал Арман де Сансе, теряя почву под ногами.

— Мессир де Тюренн, мессир де Тюренн! Подумаешь! Он такой же, как и все. Ему не нравится, когда его услуги недооценивают. Он попросил, чтобы Седан пожаловали его семье и получил отказ. Он разозлился, и правильно сделал. Я даже слышал, что он уже принял предложение испанского короля. А вот монсеньор Конде пока в сомнении. Он ожидает новостей от сестры де Лонгвиль, которая отправилась вместе с принцессой Конде призвать к восстанию Нормандию. К тому же здесь находится герцогиня де Бофор, к чарам которой принц не безразличен... Так что наш рыцарь впервые не торопится вступить в бой. Поверьте, вы простите его, когда увидите божественную герцогиню... Она великолепна, мой дорогой!

Анжелика, прислонившись к занавеске, отделяющей один зал от другого, увидела, как отец достал свой большой платок и вытер лоб. «Он ничего не добьется, — подумала она, и ее сердце сжалось. — Какое им дело до наших мулов и сереброносного свинца?»

От обиды за отца девочке захотелось плакать и она поспешила уйти прочь, в парк, на который уже ложились синие вечерние тени. Звуки скрипок и гитар все еще доносились из окон парадных залов, но вереница слуг уже несла в дом подсвечники. Лакеи, взгромоздившись на специальные табуреты,

закрепляли свечи в настенных подставках рядом с зеркалами, в которых отражалось пламя.

«Господи, у отца столько хлопот и тревог из-за каких-то мулов, которых Молину пришло в голову продать Испании во время войны! — размышляла Анжелика, медленно прогуливаясь по аллеям. — Предательство ли это?.. Молину совершенно безразличны принцы, живущие исключительно за счет милости монарха. Неужели они действительно собираются бросить вызов королю?»

Она обошла замок вокруг и оказалась у подножия стены, по которой раньше частенько карабкалась вверх, чтобы полюбоваться сокровищами прекрасной комнаты. Вокруг не было ни души, так как даже те редкие парочки, которых не пугал по-осеннему промозглый вечерний туман, предпочитали прогуливаться на лужайке перед входом.

Анжелика привычным жестом сняла туфли и, несмотря на длинное платье, ловко взобралась по стене на карниз второго этажа. Уже совсем стемнело. Ни один прохожий не смог бы разглядеть детскую фигурку, напоминавшую барельеф, в тени небольшой башенки, украшавшей правое крыло.

Окно было открыто. Анжелика подалась вперед и поняла, что внутри кто-то есть. Впервые за долгое время комната не пустовала, и ее озарял золотым светом масляный ночник. При таком освещении мебель и гобелены казались еще таинственнее. Словно кусочки льда сверкали эбеновые шкафчики с перламутровыми инкрустациями.

Бросив взгляд на высокую резную кровать, Анжелике вдруг показалось, будто картина с изображением бога и богини ожила.

Два тела, обнаженных и белоснежных, слились на небрежно разбросанных простынях, кружева которых свисали до пола. Тела были так тесно переплетены, что

Анжелика сначала подумала о драке подростков, о борьбе между задиристыми и бесстыдными пажами, прежде чем различила мужчину и женщину.

Каштановые вьющиеся волосы мужчины почти полностью закрывали лицо женщины, чье длинное стройное тело, казалось, могло быть раздавлено телом любовника. Однако мужчина двигался нежно, ритмично, охваченный страстью, и свет ночника освещал игру его великолепных мускулов.

Что касается женщины, то в полумраке ее почти не было видно: стройное бедро, обхватившее мужское тело, мелькнувшая из-под ласкавших ее ладоней грудь. Тонкая белая рука, как бабочка, порхала туда-сюда, лаская спину мужчины, а потом внезапно, словно обессилив, падала на край кровати, и под пологом раздавался громкий женский стон. Еще некоторое время Анжелика слышала только два смешанных дыхания, с каждым мгновением все более прерывистых, похожих на звуки ветра во время бури. Затем миг тишины. И снова в темноте алькова застонала женщина, а ее ослабевшая, побежденная рука упала на простыню, словно срезанный цветок.

Увиденное потрясло Анжелику и одновременно очаровало. Она так часто рассматривала картину, изображавшую Олимп, любовалась ее красочным и выразительным величием, что теперь, ей, маленькой деревенской девочке, показалась прекрасной сцена, смысл которой давно не был для нее тайной. «Так вот она какая, любовь», — сказала себе Анжелика, и по ее телу пробежала дрожь страха и удовольствия.

Наконец любовники разжали объятия. Теперь они отдышали, лежа рядом, словно две неподвижные бледные скульптуры. Их дыхание становилось все тише и размереннее, будто они засыпали. Никто из них не произнес ни слова. Женщина пошевелилась первой. Она протянула белую руку к ночному столику, на котором

стоял графин с вином темно-рубинового цвета и томно засмеялась.

— Ах, дорогой, я лишилась последних сил, — прошептала она, — вы должны выпить со мной это прекрасное руссильонское вино, которое оставил ваш предусмотрительный слуга. Наполнить вам бокал?

Мужчина, которого в глубине ниши почти не было видно, ответил невнятным бормотанием, впрочем, похожим на согласие. Дама, к которой, казалось, вернулись силы, наполнила бокалы, один из которых протянула любовнику, а второй с явным удовольствием выпила сама.

Тут Анжелика подумала, что тоже хотела бы лежать, обнаженная и расслабленная, в этой постели и смаковать чудесное вино с юга Франции. «Шодо принцев», — думала она. Стоять на карнизе было весьма неудобно, но сейчас Анжелика этого не замечала. Она словно замороженная рассматривала женщину, она восхищалась ее идеально круглой грудью с малиново-красными сосками, ее упругим животом, длинными скрещенными ногами. На подносе лежали фрукты. Женщина взяла персик и впилась в сочную мякоть зубами.

— Черт бы побрал этих несносных людей! — вскричал мужчина и выбрался из кровати, перепрыгнув через любовницу.

Анжелика, которая не слышала стука в дверь, решила, что ее обнаружили и, затаив дыхание, вжалась в стену. Когда она вновь осмелилась выглянуть, то увидела, что «бог» облачился в широкий коричневый халат с серебряным поясом. Его лицо оказалось не таким красивым, как тело. Лет тридцати с длинным носом и суровыми горящими глазами, он напоминал хищную птицу.

— Я не один, а с герцогиней де Бофор! — крикнул он, повернувшись к двери.

Глава 11

Несмотря на предупреждение, в дверях показался слуга:

— Простите меня, Ваше Высочество. В замок только что прибыл один монах, он настаивает на встрече с принцем Конде. Маркиз дю Плесси решил немедленно сопроводить его к Вашему Высочеству.

— Пусть войдет, — произнес принц после недолгого молчания.

Затем он подошел к эбеновому секретеру, стоявшему у окна, и выдвинул ящики.

Слуга ввел в комнату еще одного человека — монаха в рясе с капюшоном на голове, который приблизился к принцу, низко кланяясь на ходу.

Когда он, наконец, покончил с церемониями и выпрямился, открылось его загорелое лицо с темными миндалевидными глазами.

Появление духовного лица, казалось, ничуть не смутило женщину, расположившуюся на кровати. Она продолжала безмятежно лакомиться фруктами, едва прикрыв покрывалом бедра.

Мужчина с каштановыми волосами, склонившись над секретером, доставал большие конверты с красными печатями.

— Отец мой, — проговорил он, не поворачиваясь, — вас послал месье Фуке?^[68]

— Да, монсеньор.

Монах прибавил какую-то фразу на певучем языке, который Анжелика приняла за итальянский. По-французски он говорил с акцентом: в его голосе появлялась какая-то детская интонация, которая, однако, не лишала речь монаха изящества.

— Пароль вовсе не обязателен, синьор Экзили^[69], — сказал принц Конде, — я бы узнал вас и так по приметам и главное — по голубому пятнышку в уголке глаза. Так это вы тот самый знаменитый кудесник, владеющий сложной и тонкой наукой изготовления ядов? Говорят, вам нет равных в Европе.

— Ваше Высочество оказывает мне большую честь. Я всего лишь усовершенствовал некоторые рецепты, перешедшие мне по наследству от флорентийских предков.

— Итальянцы, однако, мастера на все руки! — воскликнул Конде и разразился громким хохотом, но его лицо тут же вновь приняло суровое выражение.

— Вы привезли?

— Вот.

Капуцин вытащил из широкого рукава резной ларец и, надавив на одну из частей орнамента, украшавшего дорогое дерево, открыл его.

— Видите, монсеньор, достаточно лишь коснуться ногтем этой милой фигурки человека с голубкой на руке.

Крышка ларца откинулась. На атласной подушке поблескивал стеклянный флакончик с жидкостью изумрудного цвета. Принц Конде аккуратно взял его и поднес к свету.

— Римский купорос^[70], — тихо произнес отец Экзили. — Он действует не сразу, но в результате можно быть уверенным. Я предпочитаю его едким ядам, способным умертвить за несколько часов. Как я понял со слов месье Фуке, вы, монсеньор, не хотели бы, чтобы у близких этого человека возникли какие-либо подозрения на ваш счет. Он начнет постепенно слабеть, но продержится где-то неделю, и его смерть будет выглядеть вполне естественно — всего лишь как следствие желудочного воспаления от залежавшейся

дичи или несвежей пищи. Было бы очень кстати, если бы ему подавали к столу в течение той недели мидии, устрицы — в общем, всякие ракушки, которыми можно отравиться. Тогда списать внезапную смерть на неправильное питание будет проще простого.

— Благодарю вас за дельные советы, отец мой.

Конде продолжал рассматривать светло-зеленую жидкость, и его глаза горели огнем ненависти. Анжелика испытала глубокое разочарование: бог любви, спустившийся на землю, оказался некрасивым и внушал ей страх.

— С этим ядом надо обращаться очень и очень осторожно. Когда я делаю смесь более насыщенной, мне даже приходится надевать стеклянную маску. Одной капли, попавшей на кожу, достаточно, чтобы разъедающая боль добралась до какого-нибудь органа и уничтожила его. Если самому вам не удастся добавить зелье в кушанья этого человека, лучше поручите дело ловкому умелому слуге.

— Слуга, который привел вас, — мое доверенное лицо. К тому же человек, о котором мы говорим, его совершенно не знает, с чем я себя и поздравляю. Думаю, будет достаточно легко приставить к нему моего лакея.

Принц бросил на монаха, которого превосходил в росте, насмешливый взгляд.

— Я полагаю, синьор Экзили, что, занимаясь искусством, подобным вашему, вы не очень щепетильны. Однако что вы скажете, если я признаюсь вам, что жертвой яда станет один из ваших соотечественников, итальянец из Аbruцци^[71]?

Лукавая улыбка мелькнула на тонких губах Экзили. Он снова поклонился.

— Моими соотечественниками являются только люди, которые способны по достоинству оценить мои

услуги, монсеньор. А в данный момент месье Фуке из парижского парламента более щедр ко мне, нежели какой-то итальянец из Абруцци, которого я тоже знаю.

Конде расхохотался.

— Браво, брависсимо, синьор! Мне нравится иметь дело с людьми, подобными вам.

Он аккуратно положил флакончик на атласную подушку. Повисло молчание. Синьор Экзили созерцал свое творение с выражением глубокого удовлетворения и даже гордости на лице.

— Я должен прибавить, монсеньор, что вещество не имеет запаха и почти безвкусно. Оно не изменяет вкус пищи, с которой смешивается, так что интересующий вас господин, даже если он подозрителен и внимательно следит за тем, что ему подают, сможет упрекнуть своего повара только в избытке приправ.

— Вы ценный человек, — задумчиво повторил принц.

Несколько нервно он собрал запечатанные конверты, разбросанные на задрапированном столике.

— Вот то, что я, в свою очередь, обещал передать через вас для месье Фуке. В этом конверте обязательство маркиза Д'Окинкура. А здесь — мессиров де Шаро^[72] и дю Плесси, мадам дю Плесси, мадам де Ришвиль, герцогини де Бофор, мадам де Лонгвиль. Как видите, дамы оказались менее ленивыми... или менее щепетильными, чем мужчины. У меня еще нет писем мессира де Мопеу, маркиза де Креки и некоторых других...

— А ваше, монсеньор?

— Да, правильно. Вот оно. Я его как раз дописывал и еще не успел поставить подпись.

— Могу я просить Ваше Высочество соблаговолить прочитать мне текст, чтобы я мог проверить каждое слово документа? Месье Фуке очень беспокоится, чтобы ни один пункт не был забыт.

— Как пожелаете, — сказал принц, едва заметно пожав плечами.

Затем он взял листок и стал читать вслух:

«...Я, Людовик Второй, принц Конде, заверяю месье Фуке в том, что буду служить ему и только ему, подчиняться ему и только ему, а также обязуюсь по первому приказу предоставить в его распоряжение все свои земли, укрепления и прочее. В подтверждение своих слов я предоставляю ему это письмо, написанное и подписанное моей рукой по доброй воле и даже без изъявления какого-либо пожелания с его стороны. Да примет он на веру мое честное слово. Подписано в...» Дата может быть неточной, дабы сбить с толку ищущих... Это оговорено.

— Подписывайте, монсеньор, — произнес отец Экзили, чьи глаза сверкнули в тени капюшона.

Быстро, словно спеша скорее со всем покончить, Конде взял с секретера гусиное перо, которое только что заточил. Пока он подписывал бумагу, монах разжег небольшой позолоченный серебряный светильник. Конде расплавил на огне сургуч и поставил на письмо большую круглую печать.

— Все остальные обязательства составлены по примеру моего и подписаны, — сообщил он. — Надеюсь, ваш хозяин будет доволен и докажет нам это.

— Будьте уверены, монсеньор. Однако я не могу покинуть замок прежде, чем вы отдадите мне остальные письма, о которых только что говорили.

— Ручаюсь, что вы получите их завтра до полудня.

— Хорошо, тогда до той поры я задержусь в замке.

— Наша дорогая подруга, маркиза дю Плесси, позаботится о том, чтобы вы удобно устроились, синьор. Я предупредил ее о вашем прибытии.

— А пока я буду ждать, полагаю, было бы благоразумнее запереть письма в ларце, который я вам

только что передал. Замок скрыт, так что они будут в безопасности от любопытных глаз.

— Вы правы, синьор Экзили. Слушая вас, я начинаю понимать, что интриги — это тоже искусство, требующее практики и опыта. А я простой воин, и не скрываю этого.

— Прославленный воин! — воскликнул итальянец, кланяясь.

— Вы мне льстите, отец мой. Впрочем, не скрою, мне бы хотелось, чтобы монсеньор Мазарини и ее величество королева разделяли ваше мнение. Как бы то ни было, я считаю, что военная тактика при всей ее грубости и масштабности в чем-то сродни вашим ловким махинациям. Надо всегда предвидеть намерения врага.

— Монсеньор, вы рассуждаете так, словно сам Макиавелли был вашим учителем.

— Вы мне льстите, — повторил принц.
Однако лицо его просияло.

Экзили посоветовал принцу приподнять атласную подушку и спрятать компрометирующие конверты под ней. Затем ларец был помещен в секретер.

Едва итальянец исчез за дверью, как Конде, словно ребенок, снова достал ларец и открыл его.

— Покажи, — прошептала женщина, протягивая руку.

Пока длилась беседа, она не вмешивалась и развлеклась тем, что снимала и снова надевала на пальцы кольца. Но, очевидно, она не упустила из разговора ни единого слова.

Конде подошел к кровати, и они вместе склонились над флаконом с изумрудной жидкостью.

— Ты думаешь, яд и впрямь так опасен, как он утверждает? — прошептала герцогиня де Бофор.

— Фуке заверил меня, что на свете нет более умелого аптекаря, чем этот флорентийский монах. А мы

в любом случае вынуждены действовать через Фуке. Ведь именно ему в прошлом апреле пришла в голову мысль о сотрудничестве Парижского парламента с Испанией. Вмешательство испанцев нам всем не по душе, но зато Фуке смог заручиться поддержкой его католического величества Филиппа IV. Без него я могу потерять свою армию.

Дама вновь откинулась на подушки.

— Итак, монсеньора Мазарини можно считать мертвым, — произнесла она медленно.

— Да, пожалуй, ведь его смерть у меня в руках, и она настигнет кардинала, где бы он ни находился.

— Он сейчас в бегах, будет ли в этом необходимость?

— Он вернется. Мы еще не покончили с пресловутым итальянцем.

— Но разве не он приехал в Гавр и своими руками открыл двери вашей тюрьмы?

— Да! Но как раз его проворство меня больше всего и настораживает. Он освободил меня и тем дал понять, что королева никогда не сможет обойтись без него и что я никогда не смогу занять в управлении королевством его место. Поэтому теперь нам предстоит весьма серьезный выбор: он или я.

Тут принц вновь засмеялся своим саркастическим смехом.

— Решено. Начнем действовать, когда он вернется... Благодаря донесениям моих шпионов я уверен, что это произойдет в самом ближайшем будущем.

Женщина оставалась задумчивой. Затем она произнесла:

— Не говорят ли, что он иногда приезжает пообедать вместе с королевой-матерью, которую страстно любит?

— Да, говорят, — ответил принц после непродолжительного молчания. — Но мне не нравится

ваш план, душенька. Я думаю поступить иначе — гораздо хитрее и действеннее. Кто такая королева-мать без сыновей? Испанке останется только запереться в монастыре, чтобы оплакивать их...

— Отравить короля? — произнесла, вздрогнув, дама.

Принц весело захохотал. Затем подошел к секретеру и поставил ларец на место.

— Вот что значит женщины! — воскликнул он. — Король! Вы таеете, потому что речь идет о милом ребенке, который мучается проблемами взросления и, когда вы бываете при дворе, смотрит на вас глазами преданной собаки. Вот что для вас значит — король. А для нас король — опасное препятствие, мешающее всем нашим планам. Что касается его брата, маленького Месье, развращенного мальчишки, который одевается, как девчонка, и охотно принимает мужские ласки, — то его я представляю себе на троне еще меньше, чем вашего венценосного девственника. Нет, поверьте мне, в лице герцога, который легкомысленен в той же степени, в какой был суров его брат Людовик XIII, — мы получим короля, который нас устроит. Он богат и не уверен в себе. Чего нам еще желать?

— Моя дорогая, — снова начал Конде, закрыв секретер и положив ключ в карман широкополого халата, — я думаю, нам пора предстать перед нашими гостями. Скоро ужин. Хотите, я позову вашу горничную Манон?

— Буду вам весьма признательна, мой дорогой сеньор.

Анжелика изрядно устала. Она догадывалась, что отец уже давно ее ищет, однако никак не решалась покинуть свой насест. В комнате принц и его любовница облачались в наряды при помощи слуг. Слышался шорох тканей и изредка проклятия монсеньора, который не отличался терпением. Когда Анжелика оторвала взгляд от ярко-освещенного окна и осмотрелась, то ничего не

увидела сквозь непроницаемую темноту ночи, из которой доносились еле слышные завывания ветра между деревьями в лесу.

Наконец Анжелика поняла, что комната опустела. Ночник все еще горел, но спальня уже обрела прежний таинственный вид.

Анжелика осторожно перелезла через подоконник и очутилась внутри. Аромат духов и помады смешивался с дыханием ночи, в котором соединились запахи влажного леса, мхов и зрелых каштанов. Девочка не знала точно, что собирается сделать. И хотя ее могли застать в чужой комнате, она не боялась. Все вокруг казалось чудесным сном. Как отъезд в Америку, безумная дама из Монтелу и злодеяния Жилия де Реца...

Стремительным движением она достала из кармана халата, брошенного на стул, ключик, открыла секретер и вынула сандаловый ларец, от которого исходил душистый запах. Закрыв секретер и положив ключик на место, Анжелика с ларцом в руках снова взобралась на карниз. Ей было необыкновенно весело. Она представляла себе лицо принца, когда тот обнаружит исчезновение яда и компрометирующих писем.

«Это не воровство, — подумала она, — ведь я предотвращаю преступление».

Она уже знала, куда спрячет добычу. Угловые башенки, расположенные по четырем углам прекрасного замка дю Плесси, служили не более чем украшением, и, тем не менее, итальянский архитектор оснастил их амбразурами и миниатюрными бойницами, повторяющими военный декор средневековых замков. К тому же внутри они были пустыми и испещрены крошечными слуховыми окошками.

Анжелика опустила ларец в ближайшую башню. Надо обладать незаурядным умом, чтобы догадаться искать потерянный предмет здесь!

Затем она осторожно спустилась по стене и спрыгнула на землю. Только сейчас она почувствовала, как сильно замерзли ее босые ноги.

Надев старые туфли, девочка вернулась к замку.

***

Все гости уже собрались в салоне. Никого не вдохновляла темная туманная ночь.

Очутившись в прихожей, Анжелика уловила аппетитный запах ужина. Она увидела целую вереницу слуг в ливреях, которые с важным видом несли большие серебряные блюда. Фазаны и гуси, украшенные собственными перьями, молочный поросенок, увенчанный цветами, словно невеста, куски прекрасной косули, уложенные на артишоки и приправленные укропом, — весь этот парад яств шествовал перед Анжеликой. Из комнат и галерей, где вокруг небольших столиков, накрытых кружевными скатертями, собралось все общество, доносился звон фарфора и хрусталя. За каждым столиком сидело около десяти человек.

Анжелика, остановившись на пороге одного из самых просторных залов, заметила принца Конде в окружении мадам дю Плесси, герцогини де Бофор и графини де Ришвиль. Маркиз дю Плесси и его сын Филипп тоже сидели за столом принца, впрочем, так же как и некоторые другие молодые дамы и сеньоры. Коричневая ряса итальянца Экзили выделялась среди моря кружев, ленточек и дорогих тканей, вышитых серебром и золотом. Впрочем, если бы барон де Сансе находился в зале, его наряд вполне бы сочетался с монашеским облачением. Однако, как Анжелика ни искала, отца она не увидела.

Вдруг один из пажей, который нес серебряный позолоченный поднос, узнал ее. Это был тот самый паж, который так грубо посмеялся над ней из-за буре.

— О! А вот и баронесса Унылого Платья! Чего желаете выпить, Нанон? Домашней настойки из яблок или простокваши? — пошутил он.

Она быстро показала ему язык и, оставив пажа в замешательстве, направилась к столику принца.

— Боже, кто к нам идет? — воскликнула герцогиня де Бофор.

Мадам дю Плесси обратила взгляд в сторону, куда указывала герцогиня, и, заметив Анжелику, вновь призвала на помощь сына:

— Филипп! Филипп, дружочек, будь так любезен — отведи свою кухню за стол, где сидят фрейлины.

Молодой человек поднял на Анжелику угрюмый взор.

— Вот табурет, — сказал он, указывая на свободное место рядом с собой.

— Не сюда, Филипп, не сюда. Вы оставили это место для мадемуазель де Санлис.

— Мадемуазель де Санлис следовало поторопиться. Когда она соизволит к нам присоединиться, то увидит, что ей нашли замену... удачную, — заключил он с насмешливой улыбкой.

Его соседи прыснули от смеха.

Но Анжелика все же села на указанное место. Ее заметили, а значит отступить было поздно. Она не осмеливалась спросить, где ее отец. Отблески света, отбрасываемые бокалами, графинами, серебром и бриллиантами дам, ослепляли ее, доводя до головокружения. Пытаясь прийти в себя, она выпрямилась, чуть откинулась назад и убрала со лба тяжелую прядь волос. Ей показалось, что некоторые сеньоры с интересом разглядывали ее. Сидевший напротив принц Конде, некоторое время рассматривал ее высокомерным взглядом хищной птицы.

— Черт возьми, у вас странные родственники, мессир дю Плесси. Что это за гадкий утенок?

— Юная провинциальная кузина, монсеньор. Ах! Пожалейте меня! Целых два часа сегодня вечером, вместо того чтобы наслаждаться музыкой и очаровательными беседами дам, я выслушивал обвинительную речь ее отца, барона. От запаха его дыхания меня воротит до сих пор. Как писал наш циничный поэт Аржатей, «скажу я вам наверняка, что эта вонь сильнее, чем запах трупа или тела старика».

В ответ раздался взрыв подобострастного смеха.

— Знаете, о чем он меня просил? — продолжал маркиз, изящным движением указательного пальца смахивая слезинку с мокрых от смеха глаз. — Держу пари, не угадаете. Он хотел, чтобы я помог освободить его от налога на каких-то мулов из его конюшни и еще на производство — вы только подумайте! — свинца, который он надеется обнаружить сложенным в слитки на грядках своего огорода. Никогда в жизни не слышал ничего глупее.

— Черт бы побрал обнищавших дворян, — пробормотал принц. — Они позорят своим невежеством наши гербы.

— Прискорбно, что даже маленький сокол, чеглок ^[73], с которым наши деревенские кузены охотятся, стараясь подражать благородной соколиной охоте, — даже он слишком обременителен для них. Впрочем, от него им и досталось прозвище.

«Ах, даже так! — подумала Анжелика. — Значит они благородные соколы, а мы никуда не годные бедные маленькие птички».

Дамы буквально задыхались от хохота.

— Видели, какое у него перо на шляпе?

— А туфли с налипшей соломой!

У Анжелики так бешено колотилось сердце, что ей казалось, кузен Филипп, сидящий рядом, должен слышать его удары. Она посмотрела в его сторону и с

удивлением заметила, что Филипп разглядывает её с загадочным выражением, застывшим в голубых холодных глазах. «Я не могу им позволить и дальше оскорблять моего отца», — решила она.

Анжелика была бледна как мел. Она вспомнила, как несколько часов назад покраснела после ее слов мадам де Ришвиль, и какое ледяное молчание они вызвали. Есть и другие тайны, которых боятся эти наглецы. «Малышка де Сансе» глубоко вздохнула.

— Может, мы и нищие, — произнесла она громко и отчетливо, — но мы, по крайней мере, не замышляем отравить короля!

Как и в тот раз, смех тотчас прекратился, улыбки исчезли с лиц, тишина стала такой тяжелой и давящей, что даже за соседними столиками люди замерли, почуяв неладное. Мало-помалу разговоры затихли, исчезла оживленность гостей — все смотрели на принца Конде.

— Кто... кто... кто... — залепетал маркиз дю Плесси, но вдруг замолчал.

— Надо же, какие странные слова, — выдавил наконец принц, который с трудом держал себя в руках. — Эта юная особа не привыкла находиться в высшем обществе. Она все еще не выросла из сказок кормилицы...

«Еще секунда, и он рассмеется мне в лицо, а потом меня с позором выгонят, обещая хорошую порку», — со страхом подумала Анжелика.

Она подалась немного вперед, глядя на край стола.

— Говорят, сеньор Экзили лучший знаток ядов в королевстве.

Этот новый камень, брошенный в воду, привел к настоящей буре. Тут и там слышался испуганный шепот.

— Ах, девочка одержима дьяволом! — воскликнула мадам дю Плесси, в ярости кусая кружевной платок. — Она уже во второй раз позорит меня. Сначала держится

словно кукла с зелеными глазками, а потом вдруг открывает рот и говорит ужасные вещи!

— Ужасные! Почему же ужасные? — мягко возразил принц, не сводя глаз с Анжелики. — Ужасными они были бы, если бы она говорила правду. А так это всего лишь вымыслы девчонки, которая не умеет держать язык за зубами.

— Я замолчу, когда сочту нужным, — резко ответила Анжелика.

— И когда же вы сочтете нужным, мадемуазель?

— Когда вы перестанете оскорблять моего отца и предоставите ему те скромные льготы, о которых он просит.

Лицо принца Конде внезапно потемнело. Скандал достиг апогея. Люди в глубине залы вставали на стулья, чтобы лучше видеть героев спектакля.

— Черт побери! Черт побери!.. — задыхался принц.

Неожиданно он вкочил, вытянув вперед руку, словно призывал свою армию атаковать испанские окопы, и указал на Анжелику.

— Идите за мной! — прогремел он.

«Он меня сейчас убьет», — решила Анжелика. Вид этого огромного сеньора вызывал у нее дрожь ужаса, и вместе с тем восхищения.

Итак, она последовала за ним, маленькая серая уточка, за огромной, украшенной бантами птицей.

Она заметила, что он носит короткие штаны, переходящие чуть ниже колен в накрахмаленные кружевные воланы, а поверх них нечто похожее на короткую юбку с невероятным количеством нашивок. Никогда в жизни она не видела, чтобы мужчина одевался так необычно. Однако она любовалась его походкой, тем, как грациозно он переставляет ноги, обутые в туфли с выгнутыми каблуками.

— Теперь мы одни, — сказал Конде, резко обернувшись. — Мадемуазель, я бы не хотел с вами

ссориться, но вы должны ответить на мои вопросы.

Эта новая манера говорить — вкрадчивая и мягкая — напугала Анжелику сильнее самой яростной вспышки гнева. Она оказалась в пустом будуаре, наедине с могущественным человеком, чьи интриги потрясли ее. Она поняла, что уже запуталась в них и увязла как муха в паутине. Анжелика сделала шаг назад и пролепетала что-то бессвязное, прикинувшись деревенской дурочкой.

— Я не хотела сказать ничего плохого.

— Зачем же вы нанесли мне оскорбление за столом дяди, которого уважаете?

Она догадывалась каких именно признаний ждет принц и сомневалась, взвешивая все «за» и «против». Бессмысленно отрицать все, ведь после сказанного ранее, ей просто не поверят.

— Я ничего не выдумала... Я только повторила то, что слышала, — прошептала она, — что сеньор Экзили настоящий мастер по изготовлению ядов... А про короля — это я придумала. Мне не стоило говорить таких глупостей, но я была в гневе.

Она неуклюже теребила в руках пояс платья.

— Кто вам сказал эти глупости?

Анжелика напрягла все свое воображение.

— Один... один паж. Я не знаю его имени.

Тогда принц подвел ее к входу в зал. Анжелика указала на того самого пажа, который посмеялся над ней.

— Черт бы подрал этих мальчишек, подслушивающих под дверь, — пробурчал принц. — Как вас зовут, мадемуазель?

— Анжелика де Сансе.

— Послушайте, что я вам скажу, мадемуазель де Сансе. Повторять по делу и без дела слова, не вполне понятные девочке вашего возраста, очень нехорошо. Подобное поведение может навредить и вам, и вашей

семье. На этот раз я сделаю вид, что ничего не произошло. Я даже попытаюсь вникнуть в дело вашего отца и посмотрю, нельзя ли чем-нибудь ему помочь. Но какова гарантия, что взамен вы будете молчать?

Она подняла на него свои зеленые глаза.

— Я умею молчать, когда мне делают добро, так же хорошо, как говорить, когда меня оскорбляют.

— Клянусь честью, когда вы станете женщиной, мужчины будут готовы отдать жизнь за один ваш благосклонный взгляд, — сказал принц.

Его лицо озарила лукавая улыбка. Он, кажется, не подозревал, что девочка может знать больше того, о чем рассказала. Конде был слишком импульсивным и ветреным, чтобы разбираться в хитросплетениях человеческого поведения. Первоначальное смятение прошло, и он решил, что это не более чем сплетни.

Принц привык к лести, к тому же был весьма чувствителен к женской красоте, поэтому обаяние юной Анжелики весьма способствовало смирению его гнева. Анжелика изо всех сил старалась смотреть на него с искренним восхищением.

— Могу я у вас кое о чем спросить, — сказала она, изображая наивную простоту.

— О чем же?

— Зачем вы носите юбочку?

— Юбочку? Дитя мое, это рингравы^[74]. Не правда ли, они придают особую изысканность наряду? Рингравы прикрывают некрасивые короткие панталоны, которые подходят лишь для верховой езды. Рингравы можно украшать лентами и нашивками. К тому же это просто удобно. Вы такого, наверное, никогда не видели у себя в деревне?

— Нет. А большие воланы, что висят у вас под коленями?

— Такой волан называется «канон». Он подчеркивает изгиб икры.

— Действительно, — подтвердила Анжелика, — выглядит великолепно. Я никогда раньше не видела такого красивого наряда!

— Ах! Поговорите с женщиной о нарядах, и вы успокоите самую опасную фурию, — сказал принц, довольный произведенным на девочку впечатлением. — Однако мне пора возвращаться к гостям. Вы обещаете мне быть благоразумной?

— Конечно, монсеньор, — ответила Анжелика с нежной улыбкой, сверкнув перламутровыми зубками.

Принц Конде вернулся в зал, отвечая на встревоженные возгласы успокаивающими жестами.

— Ешьте, ешьте, друзья мои. Слишком много шума из ничего. Наша дерзкая малышка сейчас извинится.

Анжелика опустила голову перед мадам дю Плесси.

— Я прошу у вас прощения, мадам, и разрешения удалиться.

Мадам дю Плесси была не в силах ответить и молча указала на выход. Кое-кто снова прыснул со смеху.

Однако перед дверью возникла какая-то суета.

— Моя дочь, где моя дочь? — громко вопрошал барон Арман.

— Мессир барон потерял дочь, — насмешливо объявил лакей.

В кругу элегантных гостей и слуг в ливреях несчастный дворянин походил на толстого черного шмеля. Анжелика подбежала к нему.

— Анжелика, — вздохнул он, — ты меня с ума сведешь. Вот уже больше трех часов как я ищу тебя — ночью — мечусь туда-сюда между Сансе, домом Молина и Плесси. Ну и денек, дитя мое! Ну и денек!

— Пойдем, папа, пойдем скорее, прошу тебя, — сказала она.

Они были уже на крыльце, когда раздался голос маркиза дю Плесси:

— Минутку, дорогой кузен. Принц хотел бы с вами поговорить насчет таможенных прав, о которых вы мне рассказывали...

Конец фразы Анжелика не услышала, потому что барон тут же развернулся и мужчины удалились.

Анжелика села на последнюю ступеньку крыльца и стала ждать отца. Она вдруг почувствовала себя опустошенной, свободной от мыслей и желаний. К девочке подбежал маленький белый гриффон и принялся ее обнюхивать. Она машинально погладила его.

Вскоре вернулся барон де Сансе. Он крепко ухватил Анжелику за руку.

— Я боялся, что ты опять куда-нибудь исчезнешь. В тебе словно черт сидит. Принц Конде наговорил таких странных комплиментов о тебе, что я подумал, не следует ли мне извиниться за то, что ты появилась на свет.

Позже, когда они медленно ехали по темной дороге, барон де Сансе снова заговорил, покачивая головой:

— Я совершенно не понимаю этих людей. Сначала они насмеются над моими словами. Маркиз, с цифрами в руках, доказывает мне, насколько его финансовое положение хуже моего. Меня буквально выпроваживают, даже не предложив стакан вина, чтобы утолить жажду после долгой беседы. Потом вдруг догоняют и обещают исполнить все, о чем я прошу. Монсеньор сказал, что я буду освобожден от таможенных налогов уже в следующем месяце.

— Тем лучше, папа, — прошептала Анжелика.

В тишине ночи послышалось пение жаб — верных спутников болот, а значит их старый замок Монтелу уже совсем близко. Внезапно Анжелика почувствовала острое желание заплакать.

— Думаешь, мадам дю Плесси сделает тебя своей фрейлиной? — спросил барон.

— О нет, я так не думаю, — спокойно ответила Анжелика.

Часть четвертая
Под сенью собора Нотр-Дам-
ла-Гранд

Глава 12

От поездки в Пуатье у Анжелики остались только неприятные воспоминания об отвратительных дорогах и постоянной тряске. В очень старую карету, специально починенную по этому случаю, запрягли пару мулов, и Анжелика заняла в ней место рядом с Ортанс и Мадлон. Раймон и Гонтран ехали верхом на прекрасных лошадях, которых им подарил отец. Он сказал, что в новом коллеже у иезуитов есть обустроенные конюшни для лошадей молодых господ.

Два тяжеловоза завершали караван. На одном из них ехал Гийом, который был призван сопровождать юных хозяев. По стране ходили слухи о приближающейся войне. Поговаривали о том, что герцог де Ларошфуко поднимает жителей Пуату в поддержку принца Конде, и, чтобы прокормить армию, изымает половину годового урожая. Если где-то произносили слово «армия», все знали, грядут тяжелые времена: бедность, голод, разбойники и бродяги на дорогах. Именно поэтому Гийом ехал вместе с ними, упираясь пикой в стремя и прицепив с другого бока свою старую шпагу.

Путешествие, однако, прошло спокойно. Только один раз, проезжая через лес, путники заметили несколько странных фигур, мелькавших среди деревьев, но то ли пика старого солдата, то ли убогий вид кареты отбили у грабителей всякий интерес.

На ночь путешественники остановились в трактире, который стоял в зловещем месте, на перекрестке дорог, посреди леса, откуда доносилось лишь завывание ветра. Хозяин подал им к столу сыр и горячую воду, которую он называл бульоном. Свет тонкой сальной свечи освещал их скудный ужин.

— Все трактирщики в сговоре с грабителями, — сказал Раймон перепуганным сестрам. — Именно на таких постоянных дворах, которые стоят на краю дороги, и совершается большинство убийств. Во время нашей последней поездки мы ночевали на постоялом дворе, где меньше чем за месяц до нашего приезда убили какого-то богатого ростовщика, вся вина которого состояла лишь в том, что он путешествовал один.

И решив, что его словам недостает важности Раймон добавил:

— Эти преступления, совершаемые крестьянами, являются следствием тех беспорядков, которые происходят в высшем свете. Больше никто не испытывает страха перед Богом.

Время от времени со стороны дороги, покрытой корочкой льда, доносился топот копыт, но повозки останавливались редко.

Путешественники предпочитали искать гостеприимства в замках, а не ночевать в одинокой гостинице, где рисковали тем, что их, по меньшей мере, ограбят.

В большом зале сидели несколько завсегдаев, торговец-еврей и четверо посыльных. Они курили длинные трубки и пили почти черное вино.

Когда наши путники отправились спать, то обнаружили в номере всего одну кровать. Правда, настолько широкую, что все пятеро легко на ней поместились: три девочки — в изголовье кровати, а мальчики в ногах. Старый Гийом лег спать перед дверью, а слуга отправился к лошадям в конюшню.

Следующие дни оказались не менее трудными: дорога была вся в рытвинах, ямах и кочках. Сестер подбрасывало и трясло в карете как мешки с орехами, из-за чего они чувствовали себя совсем разбитыми. Попадались участки старой римской дороги, вымощенной большими плитами, но в основном они

ехали по развороченному нескончаемым потоком экипажей и всадников глинистому бездорожью. Часто путники часами мерзли при въезде на мост в ожидании, пока сборщик пошлины, как правило, чересчур болтливый и медлительный, соизволит вдоволь наговориться с путешественниками. Без задержек проезжали только кареты богатых вельмож, которые небрежным жестом выбрасывали под ноги сборщика кошель с нужной суммой и быстро проезжали дальше. Мадлон плакала. Она вся продрогла и прижималась к Анжелике. Ортанс, поджав губы, твердила:

— Это просто невыносимо!

Девочки, изнемогая от усталости, не смогли сдержать вздоха облегчения, когда вечером увидели остроконечные бледно-розовые крыши Пуатье, стоящего на холме, который огибала речка Клэн.

День выдался ясным.

На небе не было ни облачка, крыши домов тонули в лазурной синеве, и можно было подумать, что это Юг, преддверием которого когда-то считался Пуату. Колокола звонили к вечерне, извещая о начале молитвы «Ангелюс»^[75].

Теперь колокольный звон будет в течение пяти лет отсчитывать для Анжелики дни и часы. Пуатье — город церковей и монастырей. Именно колокола устанавливали ритм жизни всех этих людей в сутанах и их учеников, таких же веселых и шумных, насколько тихими и спокойными выглядели их наставники. Священников и бакалавров можно было встретить на перекрестках улиц, ведущих вверх, и в прохладных тенистых аллеях, на площадях и в местах, где обычно располагались паломники.

Перед собором дети барона де Сансе расстались. Монастырь урсулинок находился немного левее, над речкой Клэн, тогда как коллеж отцов-иезуитов

располагался на самой вершине холма. Из чувства неловкости, присущей юности, расстались почти молча; одна Мадлон, обливаясь слезами, поцеловала братьев на прощание. Монастырские ворота закрылись за Анжеликой.

Только намного позже она поняла, что мучительное ощущение нехватки воздуха, связано с тем, что ее лишили свободы, простора. Вокруг стены, одни только стены и решетки на окнах. Монастырские воспитанницы Анжелике не понравились. Она с детства привыкла играть с деревенскими мальчиками, которыми всегда верховодила, они восхищались ею и следовали за ней повсюду, а здесь, среди родовитых и богатых воспитанниц, место Анжелики де Сансе оказалось в самых последних рядах.

Ко всему остальному добавилась пытка тесным корсетом на китовом усе, он сильно утягивал девочек, придавая им горделивую осанку королевы, которая всю жизнь оставалась неизменной в любой ситуации. Анжелика была крепкой, сильной, изящной от природы и легко могла бы обойтись без этого каркаса, но так уж повелось с давних времен, и не только в монастырях. Анжелика, слушая разговоры старших воспитанниц, поняла, что корсеты в женском туалете играют очень важную роль. Пансионерки оживленно обсуждали то, какими должны быть корсетные кости и особый пластрон в форме утиного клюва, в который для большей жесткости вставляли картон или металлические пластинки, украшали его вышивкой, бантами, кружевами и драгоценностями. Он особым образом поднимал грудь, что казалось, она вот-вот вырвется из корсажа. Все эти ухищрения обсуждались воспитанницами тайком, хотя монастырь готовил девочек как раз к замужеству и светской жизни.

В монастыре девушек учили танцевать, приседать в изящных реверансах, играть на лютне и на клавесине,

поддерживать разговор с двумя-тремя подругами на заданную тему, искусно обмахиваться веером и накладывать румяна. Обучали воспитанниц и домоводству. Для того чтобы подготовить девочек к ударам судьбы, которые может послать им Небо, учениц заставляли выполнять грязную и тяжелую работу. Они по очереди трудились в кухне и в прачечной, зажигали и чистили лампы, мыли и подметали полы. Также в монастыре девочки получали элементарные знания по географии, истории, которые излагались крайне сухо и неинтересно, мифологии, арифметике, теологии и латыни. Много внимания уделялось стилистике, ведь именно женщины увлекались эпистолярным искусством, а переписка с друзьями и родственниками считалась одним из самых важных занятий светской дамы.

Нельзя сказать, что Анжелика была непокорной, но и особой радости наставницам она тоже не доставляла. Она делала все, что от нее требовали, но казалось, не могла понять, зачем нужно выполнять столько бессмысленных вещей. Случалось, что она сбегала с уроков, и после долгих поисков ее находили возле грядок в огороде, который нависал над промозглыми и почти непроходимыми улочками. На строгие упреки наставниц, она отвечала, что не думала, будто совершает нечто предосудительное, наблюдая, как растет капуста.

***

Мазарини был жив.

Юный король и его брат были живы.

Регентша была жива.

В стране полыхала самая настоящая гражданская война.

Если прежде благодаря разумной политике Ришельё и короля Людовика XIII Франция избежала опустошения

Тридцатилетней войной, то Фронда — «такая легкомысленная» — привела к этому за несколько месяцев.

Убитыми насчитывалось тысячи и тысячи.

«В тот год, — свидетельствует историк, — на шесть лье вокруг Парижа ни на одном дереве не цвело цветов и не росло фруктов. Сломанные стволы, оцетинившиеся обрубленными ветками, стояли, словно мертвецы в садах.

А на полях не созрел урожай».

Солнечная провинция Иль-де-Франс, которую топтали многочисленные армии наездников на лошадях в полном снаряжении; земля, которая выдерживала на себе кровопролитные битвы, была свидетельницей набегов и осад; земля, усеянная мертвыми телами — сама стала могилой. Трупы маленьких храбрых мулов, тащивших на себе телеги военных обозов и сраженных артиллерийскими выстрелами, валялись повсюду.

Роскошные леса Сенар, Шантильи, Иль-Адам, маленькие зеленые королевства Парижа — Рамбуйе и Фонтенбло — напоминали картины из апокалипсиса. Уцелевшие островки дикой природы стояли угрюмы и безнадежны. Теперь они служили приютом для измученных голодом, лишившихся всего жителей деревень, одичавших дезертиров и редких путешественников, спешивших поскорее выбраться из этого ада, а также превратились в логово грабителей и банд, опустошавших близлежащие замки. Сначала нищета и голод бушевали только в центральных провинциях, а затем, словно волна, подгоняемая беспощадным приливом, добрались и до юго-западных. Толпы нищих стояли у городских ворот с протянутыми руками.

Нищих, просящих милостыню, становилось в Пуатье больше, чем учителей и учеников монастырских школ.

***

В определенные дни воспитанницы монастыря урсулинок раздавали милостыню нищим, которые толпились у дверей обители. Девочек учили, что это занятие тоже входит в обязанности знатных дам.

С такой жестокой, безнадежной нищетой в лохмотьях и с затравленным и жадным взглядом Анжелика столкнулась впервые в жизни. Зрелище не тронуло ее так, как других воспитанниц, которые или поджимали губы от отвращения, или плакали. Анжелике думалось, что это образ того, что она, возможно, носит в себе, и того, что ее ждет в далеком будущем. Быть может, она уже сейчас предчувствовала ту странную судьбу, которую ей приготовили Небеса. Монахини корили ее за равнодушие, бесчувственность и жестокосердие. Им казалось, что она бессердечна и совершенно не сочувствует несчастным беднякам, муки которых олицетворяют страдания Христа. Анжелика не могла понять, чего от нее ждут и за что упрекают. Столкнувшись лицом к лицу с худшей стороной жизни, она почему-то решила — это напрямую коснется ее.

Однажды она услышала вопрос: «Ты боишься смотреть на Нечистых, отмеченных знаком сатаны?»

Но единственное, что она видела в несчастных и оборванных людях, которые зло переругивались у стен монастыря — болезнь. Ту самую болезнь, которая постепенно овладевала их телом и которая их убивала. Молитва и покорность воле Бога — единственное средство против болезни и смерти, как ей говорили.

Со временем те особые знания, которые она получила от неземного создания — создания всеми проклятого, забытого и отвергнутого... создания, чье имя она даже не решалась произнести, — стирались из памяти. Но когда Анжелика подавала нищим их скудную порцию, она ощущала, что делает добро. «Хлеб

— это благо». Хлеб — это врачующая сила природы, он придаст их изможденным телам силу. Раздавая беднякам еду, Анжелика старалась прикоснуться к ним. Ведь еще в Монтелу крестьяне признавали целительный дар ее прикосновений. Послушниц возмутил странный жест и они не приминули донести о поведении одноклассницы наставницам, а потом еще очень долго вместе сплетничали...

Летом на заполненные нищими крутые грязные улочки, где фонтаны пересохли от июльского зноя, пришла чума. Полчища крыс покидали норы, чтобы умереть на улице или в домах горожан.

Несколько воспитанниц из монастыря тоже заболели. Однажды утром в школьном дворе Анжелика не встретила Мадлон. Оказалось, что девочка нездорова и ее унесли в лазарет.

Анжелика прокралась к постели больной сестры. Мадлон тяжело дышала, все ее тело горело в лихорадке. Ей становилось все хуже и хуже.

«Она, наверно, умрет?» — сказала Ортанс, и в ее голосе смешались одновременно гнев и покорность перед лицом предстоящей трагедии. Анжелика отказывалась в это верить. Нет, невозможно! Да, вокруг умирало множество людей, но ничто не могло разрушить ту стену, которую возвел замок Монтелу вокруг детей де Сансе. Мадлон не может умереть!

Анжелика приподняла кудрявую голову сестры, лежавшую на подушке, и поднесла к ее губам жидкость, которая стояла на столике рядом с кроватью. Девочка с жадностью все выпила.

«У нее жажда, а они даже не знают об этом! — подумала она. — Они о ней не заботятся! Что за отвар ей принесли? Успокаивающее снадобье? Похоже, оно ей не помогает. Я знаю травы, от которых потеют... и болезнь выходит из тела вместе с потом. Нужны цветы

бузины, листья репейника... Она будет пить хороший, очень сильный отвар, который я приготовлю сама».

— Анжелика, — прошептала Мадлон, открыв глаза.

— Что, дорогая?

— Расскажи мне что-нибудь.

Анжелика начала рыться в памяти.

— Что тебе рассказать? Историю про Жиля де Реца и...

— Нет, только не ее! Она приводит меня в ужас. Каждый раз, когда я закрываю глаза, мне мерещатся мертвые дети, висящие на стене.

— Но тогда что?

Все истории, которые приходили на ум Анжелике в эту минуту, были о грабителях, привидениях и домовых.

— Мне все равно, — вздохнула Мадлон, — лишь бы ты говорила со мной. У тебя очень красивый голос. Такого голоса нет больше ни у кого, я хочу его слушать.

Анжелика стала рассказывать ей о братьях и сестрах, которые остались в Монтелу, — о Мари-Аньес, Альбере и малыше Жане-Мари. Вначале Мадлон улыбалась, но потом стала безучастной к происходящему вокруг.

Вскоре Анжелика покинула комнату. Начался урок истории, но девочка на него не пошла. Об истории Анжелика сейчас думала меньше всего.

Через четверть часа Анжелика уже была в огороде монастыря. По приставной лестнице она легко забралась на монастырскую стену. Чтобы попасть на улицу, Анжелике пришлось спрыгнуть с довольно большой высоты, но врожденная гибкость помогла ей справиться с этой нелегкой задачей.

Она бежала по булыжной мостовой, горячий воздух обжигал лицо. Возле порогов домов то тут, то там лежали распростертые тела, казалось, что люди просто прилегли отдохнуть. Тучи жирных, прожорливых мух роились над ними. Анжелика сразу поняла, что все эти

люди мертвы, и только теперь осознала, от какого кошмара защищали девочек стены монастыря урсулинок.

Анжелике казалось, будто она спустилась в сумеречно-туманное пространство чистилища, где, в ожидании искупления, бродят души умерших, или в пылающий ад, что больше походило на правду, так как кругом горели костры. Анжелика не знала, для чего их разожгли. По дороге она увидела странную процессию людей в черном. Они шли парами. Одни были в масках птиц с крючковатыми клювами, другие — в деревянных шлемах с круглыми отверстиями. Выяснилось, что это лекари, которые вместе с помощниками ходили от дома к дому. Помощники несли предметы, напоминающие лейки, из дырочек которых тянулись струйки обеззараживающих паров.

Анжелика ускорила шаг. Она кашляла, задыхаясь в резком удушливом дыму, но ничто не могло ее остановить. Интуитивно она понимала, что надо идти в верхний город, где воздух был, разумеется, свежее.

Она бесстрашно преодолевала многочисленные лестницы, которые становились все более крутыми, площади с высохшими фонтанами, у которых тут и там в позах спящих лежали мертвые тела. Казалось, город вымер и лишь неспешное движение людей в белых одеждах с накинутыми на голову капюшонами, указывало на то, что в нем еще теплится жизнь. Они медленно переходили от трупа к трупу, наклонялись, слушали и, убедившись, что человек мертв, погружали очередное тело на носилки. Один из людей в белом шел во главе процессии с соборной свечой в руках и, не переставая, пел псалмы. Это были монахи из братства Святого Лазаря. Они посвятили себя опасному делу — перевозке и погребению умерших от эпидемии, в то время как служители церковных приходов,

ответственные за похороны, просто сбежали... или тоже умерли.

Настало время, когда хоронить покойников уже было негде, поэтому на перекрестках развели костры. Вначале в них сжигали тряпье и вещи больных. Потом начали сжигать трупы. Иногда умершие были почти такими же тощими, как ветви деревьев, из которых складывали костры. По всему городу установили жаровни, от которых поднимался густой и едкий пар, призванный защитить от заразы, как считали одни, или от нечисти, как верили другие. Во всяком случае едкие пары древних религиозных обрядов хотя бы перебивали тошнотворную вонь от гниющих тел.

Склон стал более пологим. Трупов на улицах становилось все меньше, а воздух — все чище.

Анжелика прошла через оживленную площадь, на которой что-то с жаром обсуждали семинаристы, не замечая или не желая замечать смерть, которая бродила рядом. Постройки стали встречаться все реже, наконец Анжелика покинула пределы города.

Это было невероятно!

На голубом небе сверкало солнце.

В чаще леса воздух был ароматным и свежим, ветер, гуляющий по холмам и в кронах деревьев, уносил прочь зловонные запахи города.

Здесь, по ту сторону смерти, истошающей силы города, торжествовало пышное лето, которое пришло вслед за щедрой весной, подчиняясь извечной смене времен года.

Анжелика помчалась вперед, глубоко вдыхая чистый воздух. В ней ожила надежда. Она долго шла, прежде чем нашла на берегу ручья то, что искала: цветущий куст бузины. Побродив по окрестности, она насобирала много целебных трав, необходимых для приготовления спасительного отвара. Увязав все в платок из черной тафты, она отправилась назад,

повернувшись спиной к надвигавшимся сумеркам, которые принесли долгожданную прохладу.

Девочка была счастлива. Она не могла поверить в то, что небо так щедро к ней. Она возвращалась в город, на зловонные дымные улицы, где суетились люди с носилками и шествовали погребальные процессии, расппевающие псалмы. Они то и дело возникали на ее пути, мешая идти.

Анжелика постоянно ускоряла шаг, пока наконец не побежала по ступенькам, жалея о том, что не умеет летать.

Она все бежала, бежала и заблудилась. Ей пришлось несколько раз останавливаться и спрашивать у прохожих, как пройти к монастырю урсулинок.

В эти страшные дни испуганные и подавленные люди так привыкли видеть на улицах странно одетых мужчин и женщин, что никто даже не задумался о том, откуда взялась девочка-подросток с распущенными светлыми волосами, в сером платье воспитанницы монастыря.

Хотя некоторые прохожие все-таки обратили на нее внимание и потом еще долго говорили о маленькой фигурке в ореоле из светлых волос, которая летела по лестнице, спускаясь все ниже, проскальзывала, словно тень, между больными и скорбящими, перепрыгивала через горки угля из костров, который вечерний ветер разметал по земле. Горожане говорили, что это был ангел, посланный для утешения живым и мертвым.

Анжелика пыталась понять где находится. Наконец она увидела площадь, на которую выходили ворота монастыря. В вечернем сумраке она разглядела крепкие монастырские стены, за которыми ее ожидала Мадлон.

Крепко сжав в руках свою легкую ношу, Анжелика изо всех сил позвонила в колокол, ничуть не беспокоясь о том, что его звук эхом отзовется за стенами и перебудит всех обитателей монастыря. Через несколько

минут, которые показались Анжелике вечностью, тяжелые ворота открылись и на пороге появилась удивленная послушница. По ее лицу девочка тотчас же поняла, что побег обнаружен и ее прихода ожидали давно. Послушница сказала, что Анжелику долго искали и что настоятельница очень недовольна ее поступком.

— Моя сестра! Пожалуйста, мне необходимо пройти. Я принесла лекарства для своей сестрички.

Анжелика отпихнула послушницу и побежала по коридору. Вдруг она увидела мать-настоятельница. Это была молодая женщина из герцогской семьи.

Настоятельница стояла перед Анжеликой с высокомерным суровым видом.

Девочка смирила свой пыл.

— Матушка! Матушка! Дайте мне пройти: я уходила за лекарствами для моей сестры Мадлон.

Держа руки в карманах, настоятельница продолжала преграждать Анжелике дорогу — неподвижная, словно каменная статуя.

— Мадемуазель де Сансе, ваш побег является ужасным проступком, — произнесла она наконец.

— Но матушка, я ходила за травами, из которых сделаю лекарство для сестры.

— Господь вас покарал, дочь моя.

— Мне все равно, покарает меня Господь или нет! — закричала Анжелика, покрасневшись от усталости и жары. — Я хочу приготовить отвар для сестры!

— Дочь моя, сейчас уже поздно чего-либо хотеть. Ваша сестра УМЕРЛА.

Анжелика не плакала, стоя над белым, неподвижным и словно высохшим телом Мадлон. Она даже злилась на Ортанс за ее театральные рыдания. Почему эта курица вообще плачет? Она никогда не любила Мадлон. Она любит только себя.

— Увы, деточки мои, — сказала им старая монахиня, — такова воля Божья. Дети очень часто умирают. Мне

рассказали, что из десяти детей ваша мать похоронила только одного. Теперь вот двоих. Это не так уж много. Я знаю даму, которая из пятнадцати детей потеряла семерых. Так случается. Бог дал — Бог взял. Дети частенько помирают. Такова воля Божья!..

После смерти Мадлон Анжелика стала еще более нелюдимою и, уж конечно, совсем непокорной.

Все время она проводила в раздумьях, забившись в какой-нибудь укромный уголок большого дома.

В наказание за побег Анжелике запретили выходить в сад и огород, но она все равно находила способ туда проскользнуть. Настоятельница сначала даже подумывала отослать девочку домой, но, несмотря на тяготы гражданской войны, барон де Сансе исключительно аккуратно вносил плату за обеих дочерей, чего нельзя было сказать о других родителях.

Кроме того, Ортанс считали одной из самых лучших воспитанниц. У нее были все шансы стать настоящей светской дамой. Поэтому из уважения к старшей сестре младшую оставили, но перестали ею заниматься.

Глава 13

Кровопролитные сражения происходили все чаще. Фронда была словно хвост гигантского дракона, в конвульсиях бьющийся о землю. Война продолжалась. У стен Парижа сошлись армии двух великих полководцев: Конде, возглавившего Фронду принцев, и Тюренна, который выступал на стороне короля. Во время сражения, начавшегося у ворот Сент-Антуан, армии наносили друг другу такие сокрушительные удары, что, казалось, силы обоих противников, в конце концов, будут разбиты в прах.

Мадемуазель де Монпансье, дочь Гастона Орлеанского, претендующего на трон Франции, решила стрелять из пушек крепости Бастилия по армии своего кузена — короля, вынудив того отступить. Это позволило открыть ворота для окровавленной мятежной армии принцев, которая укрылась в городе. Король и Тюренн отошли к Понтуаз.

Впрочем, затишье не продлилось долго.

Прошло всего несколько недель и парижане, потрясенные убийством членов магистрата и пожаром в Ратуше, совершенными наемниками Конде, который счел членов городского совета недостаточно усердными, выставили вон всех этих испанцев и немцев. И вот, в то время как принц с армией иностранных наемников покидал Париж через ворота Сент-Антуан, направляясь во Фландрию, в свою славную столицу через ворота Сент-Оноре под приветственные крики толпы возвращался четырнадцатилетний суверен, который, став совершеннолетним, наконец-то, правил. Приговоренный к смерти за оскорбление Его Величества, герой Рокруа отправился в Нидерланды, поступив на службу к испанскому монарху.

Еще долгое время после этих событий разношерстные армии продолжали рыскать по французской земле.

Королевская армия и вместе с ней королевский двор сначала наведались в Гиень, дабы призвать жителей Бордо к послушанию, затем отправились в Пуатье, где и остановились.

Одним январским днем Анжелика, которой недавно исполнилось пятнадцать, как обычно, забралась на окружающую огород стену.

Она грелась на солнышке и наблюдала за прохожими, среди которых нередко встречались любопытные экземпляры в диковинных нарядах.

Анжелика вслушивалась в звуки бурлящего города, которые достигали даже этого удаленного уголка. Ржание лошадей и ругань кучеров, чьи кареты едва помещались на узких извилистых улочках, примешивались к смеху и крикам пажей и служанок. А над всей этой суетой летел колокольный звон. Анжелика различала все колокола по голосам: Святой Иларий, Святая Радегунда, Нотр-Дам-ла-Гранд и суровый низкий голос башни Сен-Поршер.

Вдруг мимо пронеслись чьи-то пажи, похожие в своих шелковых и атласных одеждах на диковинных птиц.

Один из них остановился, чтобы завязать ленту на туфле. Вставая, он поднял голову и заметил Анжелику, которая сверху внимательно за ним наблюдала.

Галантным жестом паж снял шляпу.

— Здравствуйте, мадемуазель. Кажется, вы там наверху скучаете?

Он походил на пажей из Плесси: на нем были точно такие же коротенькие, похожие на тыкву, штаны по моде XVI века, в которых ноги напоминали длинные лапки цапли.

Впрочем, он казался довольно милым, с загорелым доброжелательным смеющимся лицом и красивыми каштановыми кудрями. Анжелика спросила, сколько ему лет. Он ответил, что шестнадцать.

— Не волнуйтесь, мадемуазель, — прибавил он, — я уже умею ухаживать за дамами.

Ласково глядя на Анжелику, он вдруг протянул ей руку:

— Спускайтесь ко мне.

Анжелику охватило какое-то ликующее чувство, словно двери мрачной, унылой тюрьмы, в которой томилась ее душа, внезапно открылись. Жизнерадостный и звонкий смех юноши, казалось, сулил ей что-то нежное и пьянящее, чего ей так не хватало и по чему она изголодалась, как после великого поста.

— Спускайтесь, — прошептал он. — Если хотите, я отведу вас к дому герцогов Аквитанских. Там расположен королевский двор. Я покажу вам короля.

Недолго думая, Анжелика поправила длинную черную шерстяную накидку с капюшоном и крикнула:

— Ловите, я прыгаю!

Она упала прямо в объятия юноши. Они засмеялись. Паж тут же обнял ее за талию и увлек за собой.

— Что скажут монашки из вашего монастыря?

— Они уже давно привыкли к моим проделкам.

— А как вы вернетесь?

— Позвоню в ворота и попрошу милостыню.

Он прыснул со смеху.

Анжелика наслаждалась неожиданным приключением. Между роскошно одетыми дамами и сеньорами, чьи наряды вызвали восхищение у провинциалов, туда-сюда сновали торговцы. У одного из них паж купил две палочки с нанизанными на них жареными лягушачьими лапками. Истый парижанин, он находил такие блюда весьма занятными. Молодые люди

с аппетитом принялись за лакомство. Паж сказал, что его зовут Анри де Рогье и что он состоит на службе у короля. Потом он рассказал, что король — отличный парень, и иногда даже покидает своих чересчур серьезных советников, чтобы провести время с друзьями и поиграть на гитаре. А очаровательные итальянские куколки, племянницы кардинала Мазарини, все еще при дворе, несмотря на скорый вынужденный отъезд их дядюшки.

Болтая, юноша уводил Анжелику все дальше от оживленного квартала. Она заметила это, но промолчала. Ее внезапно разбуженное тело с трепетом ждало чего-то, что обещала рука пажа, обвивавшая ее талию.

Вдруг он остановился, привлек ее к двери одного из домов и стал покрывать страстными поцелуями, шепча избитые, но довольно милые слова.

— Ты хорошенькая... У тебя щечки, как маргаритки, а глаза зеленые, как лягушки... Лягушки с болот... Не двигайся. Я хочу расстегнуть твой корсет... Только не мешай. Я умею... О! Я еще никогда не видел таких белых красивых грудок... Они такие упругие, как яблочки... Ты мне нравишься, милая...

Она позволила ему ласкать себя и бормотать глупости. Она немного откинула голову и, прислонившись к поросшему мхом камню, смотрела в синее небо над украшенными фестонами крышами.

Паж умолк, его дыхание участилось. Он явно нервничал, так как то и дело досадливо оглядывался. Улица была тихой, но и на ней время от времени показывались прохожие. Мимо влюбленной парочки, укрывшейся в тени стены, даже пронеслась компания улюлюкающих студентов. Тут паж не выдержал, отступил на шаг и топнул ногой.

— О! Я вне себя! В этом чертовом городишке негде уединиться. Дома и улицы скоро лопнут от наплыва

людей. Даже богатым сеньорам приходится встречаться с любовницами в прихожих. Итак, где бы нам укрыться, чтобы нас не беспокоили?

— По-моему, и здесь хорошо, — прошептала она.

Однако юноша не разделял мнения Анжелики. Он бросил взгляд на маленький кошелек, что висел на поясе, и его лицо просветлело.

— Идем! У меня появилась идея! Мы найдем себе комнатку по вкусу.

Он взял ее за руку, и они побежали по улицам к площади Нотр-Дам-ла-Гранд. По дороге Анжелика изучала город. Она с восхищением рассматривала фасад собора, богато украшенный, будто индийская шкатулка для драгоценностей, и с двух сторон увенчанный колокольнями в форме сосновых шишек. Поговаривали, что камни сами расцвели под волшебным резцом скульптора. Анри попросил юную спутницу подождать его под портиком. Через несколько минут он вернулся с довольным лицом, держа в руке ключ.

— Ризничий дал мне ключ от кафедры.

— От кафедры?.. — изумилась Анжелика.

— Эка невидаль, он не в первый раз оказывает такую услугу несчастным влюбленным!

Анри вновь обнял ее за талию, и они спустились по ступеням в собор, который немного осел от времени.

Анжелику окутали темнота и сырость, которую она ощутила, лишь только вошла внутрь. Церкви Пуату самые мрачные во всей Франции. Суровые здания, воздвигнутые на мощных фундаментах, таят во тьме старых стен древнее убранство, яркие цвета которого выглядят необычно на фоне серого камня. Они молча прошли внутрь.

— Мне холодно, — прошептала Анжелика, кутаясь в накидку.

Юный паж обнял ее за плечи, однако пыла у него поубавилось, и теперь он казался немного смущенным.

Он открыл дверь кафедры и, поднявшись по ступенькам, вошел в ротонду для проповедей. Анжелика машинально последовала за ним. Они уселись на пол, застеленный бархатным ковром. Церковь, темнота, запах ладана — все это, казалось, утихомирило предприимчивого мальчишку. Он снова обнял Анжелику за плечи и нежно поцеловал в висок.

— Какая ты чудесная девочка, — вздохнул он. — Ты нравишься мне куда больше всех этих взрослых дам, которые насмежаются надо мной. Я не очень-то люблю иметь с ними дело, но я должен им угодить. Если бы ты знала...

Он еще раз вздохнул. Вдруг лицо его стало по-детски простодушным.

— Я покажу тебе кое-что очень красивое, кое-что необыкновенное, — произнес он, роясь в своем кошельке.

Наконец он вынул квадратик слегка запачканной белой ткани, обшитый тонким кружевом.

— Платок, — удивилась Анжелика.

— Да. Это платок короля. Он уронил его сегодня утром, а я поднял и сохранил как талисман.

Анри бросил на нее долгий задумчивый взгляд.

— Хочешь, я подарю его тебе в знак любви?

— О да! — живо ответила Анжелика, протягивая руку.

Она нечаянно задела ладонью деревянную балюстраду, и звук от удара эхом отозвался под сводами. Парочка замерла, тревожно глядя друг на друга.

— Мне кажется, кто-то идет, — прошептала Анжелика.

Тут паж с жалким видом пробормотал:

— Я забыл закрыть дверь на кафедру.

Затем оба замерли, прислушиваясь к шагам. Кто-то поднимался по лестнице, и через мгновение появился

старый аббат с черной круглой шапочкой на голове.

— Что вы тут делаете, дети мои? — спросил он.

Паж, который за словом в карман не лез, тут же сочинил, на его взгляд, правдивую историю.

— Я хотел повидаться с сестрой, которая воспитывается в Пуатье, но не знал, где нам лучше встретиться. Наши родители...

— Не говори так громко в Доме Божьем, — перебил его священник, — поднимайтесь с пола, и ты, и твоя сестра, и следуйте за мной.

Он привел их в ризницу и опустился на табурет. Затем, уперев руки в колени, внимательно посмотрел на обоих. Из-под черной скуфьи священника выбивались седые волосы, окаймляя голову подобно ореолу. Его старое лицо, несмотря на морщины, выглядело очень живым. У него был крупный нос, маленькие внимательные глазки и короткая белая борода. Анри де Рогье совсем растерялся и теперь смотрел на аббата с искренним смущением.

— Он твой любовник? — резко спросил священник у Анжелики, подбородком указав на мальчика.

Анжелика вспыхнула, а паж искренне воскликнул:

— Месье, я бы очень этого желал, но она не такая девушка!

— Тем лучше, дочь моя. Скажи, если бы у тебя было прекрасное жемчужное кольцо, бросила бы ты его в навозную кучу на дворе, где роются свиньи? Ответь мне, малышка. Ты бы так сделала?

— Нет. Не сделала бы.

— Нельзя выбрасывать жемчуг свиньям. Нельзя отдавать невинность, твое главное сокровище, до свадьбы. А ты, бесстыдник, — продолжал он, повернувшись к парню, — как тебе пришла в голову столь кощунственная мысль привести подружку на церковную кафедру, чтобы полюбезничать?

— А куда я мог ее отвести? — угрюмо возразил паж.
— В этом городе невозможно даже поговорить спокойно. Улицы уже, чем книжные полки. Я знал, что ризничий Нотр-Дам-ла-Гранд иногда сдает церковную кафедру и исповедальни тем, кто хочет посекретничать вдали от любопытных ушей. Вы же понимаете, господин Венсан, в провинциальных городках многих девушек так опекают строгие папаши и сварливые мамыши, что у них нет ни малейшего шанса услышать слова нежности, кроме как...

— Ты на многое открыл мне глаза, мой мальчик!

— Кафедра стоит тридцать ливров, а исповедальня — двадцать. Это весьма дорого для меня, поверьте, господин священник.

— Я тебе охотно верю, — ответил господин Венсан, — но цена будет еще выше, если взвесить твой поступок на весах, которыми дьявол и ангел взвешивают грехи на паперти Нотр-Дам-ла-Гранд.

Его лицо, до сего момента сохранявшее спокойствие, внезапно приняло суровое выражение. Он протянул руку:

— Отдай мне ключ, который тебе одолжили.

И когда парень протянул ключ, добавил:

— Ты придешь на исповедь завтра вечером. Буду тебя ждать. Отпущу тебе грехи. Я прекрасно знаю, в каком обществе ты живешь, бедный маленький паж! Конечно, лучше уж играть в настоящего мужчину с девочкой своего возраста, чем служить игрушкой зрелым дамам, которые развращают тебя... Ты покраснел. Тебе стыдно перед ней, такой неискушенной и чистой, за свое распутство, замаскированное любовью.

Паренек склонил голову, всю его самоуверенность как ветром сдуло. Наконец он выдавил из себя:

— Господин Венсан де Поль, прошу вас, не рассказывайте о происшедшем ее величеству королеве. Если она отошлет меня обратно к отцу, он больше не

сможет меня устроить на королевскую службу. У меня семь сестер, которых надо обеспечить приданым, и два старших брата. Я стал придворным лишь благодаря протекции мессира де Лоррена, который меня... которому я нравился, — неловко оборвал он свою речь. — Это он купил мне должность. Если меня прогонят, он потребует, чтобы отец возместил ему убыток, а это невозможно.

Старый священник очень серьезно смотрел на мальчика.

— Я не выдам тебя. Но неплохо будет, если я еще раз напомню королеве, какие гнусности творятся вокруг нее. Господи! Эта женщина набожна и благодетельна! Но ее окружает грязь, с которой невозможно бороться! Указами не очистить души...

Его слова прервал скрип открывающейся двери. На пороге появился молодой человек с длинными кудрявыми волосами в черном костюме довольно изысканного покроя.

Господин Венсан поднялся с места и бросил на пришедшего суровый взгляд.

— Господин викарий, я искренне надеюсь, что вы не в курсе того мошенничества, которым занимается ваш ризничий. Он взял с этого юноши тридцать ливров за возможность провести время с подружкой на кафедре вашей церкви. Полагаю, вам надо тщательнее присматривать за своими служителями.

Чтобы собраться с мыслями, викарий долго возился, закрывая дверь. Однако когда он, наконец, повернулся, даже полумрак комнаты не смог скрыть замешательство в его глазах. А так как он молчал, господин Венсан возобновил наставления:

— Кстати, хочу вам заметить, что вы носите парик и модный костюм. Священникам это запрещено. Я буду вынужден сообщить обо всех нарушениях главе вашего прихода.

Аббат с трудом сдержался, чтобы не пожать плечами.

— Все это ему совершенно безразлично, господин Венсан. Глава моего прихода — парижский каноник. Три года назад он купил звание у предыдущего кюре, который ушел на покой и уехал в свои земли. С тех пор он ни разу сюда не приезжал. У него дом под апсидой парижского собора Нотр-Дам, и я думаю, что Нотр-Дам-ла-Гранд в Пуатье кажется ему слишком незначительным.

— Господи! Я трепещу при мысли, — воскликнул господин Венсан, — что эта достойная порицания торговля званиями священнослужителей и приходами, словно ослами и лошадьми на рынке, не доведет Церковь до добра. И вообще, кого во французском королевстве теперь называют епископами? Богатых сеньоров, вояк и либертенов^[76], которые порой даже не проходят посвящения в духовный сан, а просто покупают епископскую мантию, после чего осмеливаются носить церковное платье и величать себя служителями Бога! О Господи, помоги нам избавиться от подобных порядков!

Радуюсь тому, что гнев господина Венсана обратился на посторонний предмет, викарий оживился:

— Но я не запустил приход. Я посвящаю ему много времени и отдаю все свои силы. Окажите нам честь, господин Венсан, приходите на сегодняшнюю вечернюю службу по случаю праздника тела Господня. Вы увидите, как много будет верных прихожан. Ведь наш город был спасен от ереси именно благодаря старанию священников. Здесь все совсем не так, как в Ньоре, Шательро и...

Старик окинул его мрачным взглядом.

— Именно пороки священников и породили ересь! — сурово воскликнул он.

Затем господин Венсан поднялся и, взяв Анжелику и Анри за плечи, пошел к выходу. Несмотря на почтенный возраст и согбенную спину, он казался крепким и проворным.

Наступил вечер, и на площади перед церковью стемнело. Отблески бледного заходящего солнца играли на каменных цветах готического здания.

— Овечки мои, — сказал господин Венсан, — малые дети нашего Милостивого Господа, вы хотели вкусить несозревший плод любви. И именно поэтому лишь набили оскомину, а сердца ваши наполнились грустью. Так дайте же созреть на солнце жизни тому, чему нужно время, чтобы раскрыться. Нельзя шутить с любовью, иначе ее можно никогда не найти. Нет более страшного наказания за нетерпение и слабость, чем быть навечно обреченными вкушать только горькие плоды, лишённые настоящего вкуса и запаха!

А теперь ступайте каждый своей дорогой. Ты, мальчик, возвращайся ко двору и служи добросовестно. А ты, девочка, отправляйся к монахиням и учись. И не забывайте молиться каждое утро всеобщему отцу нашему, Господу Богу.

Затем священник отпустил детей, провожая взглядом две стройные фигурки, пока они не расстались на углу площади.

Анжелика ни разу не обернулась, пока не дошла до ворот монастыря. На нее снизошло невероятное умиротворение. Она все еще чувствовала на плече прикосновение теплой руки старика.

«Это был господин Венсан, великий господин Венсан? — думала Анжелика. — Тот, кого маркиз дю Плесси назвал Совестью королевства? Человек, который заставляет знать помогать беднякам? Человек, который каждый день видится наедине с королем и королевой? Какой у него простой и ласковый взгляд!»

Прежде чем взяться за дверной молоточек, Анжелика еще раз окинула взглядом ночной город.

«Господин Венсан, благословите меня», — прошептала она.

Глава 14

Анжелика безропотно приняла наказание за побег. С этого дня ее поведение дикарки изменилось. Она с усердием принялась за занятия и стала приветливой с подружками. Казалось, она наконец свыклась с суровостью монастырской жизни. В сентябре Ортанс покинула стены монастыря. Дальняя родственница — тетушка из Ньюра — пригласила девочку к себе в компаньонки. На самом деле тетушка, будучи родом из мелкопоместных дворян, вышла замуж за магистрата, богатого, но отнюдь не знатного, и теперь надеялась женить сына на представительнице какой-нибудь благородной фамилии, дабы придать семье больший вес. Отец купил сыну чин королевского прокурора в Париже, и желал устроить так, чтобы тот свободно чувствовал себя в обществе титулованных особ. Для обеих сторон это оказалось неожиданной удачей. Свадьбу сыграли быстро.

Тем временем молодой король Людовик XIV вихрем пронесся со своей армией по королевству, образумил взбунтовавшихся жителей Бордо и успокоил западные провинции: Пуату, Мен, Нормандию. Затем он отправился на Восток, в Шампань, чтобы по древней традиции французских королей короноваться в Реймсе.

Реймс!

За бескрайними полями кудрявых виноградников открывается Реймс, священный центр королевства, город-мать и, если верить легенде о том, что Рем, изгнанный, но не убитый Ромулом, стал основателем Реймса, — еще и город-близнец Рима.

И вот под сводами прекрасного готического собора, под разноцветными солнечными бликами от ярких витражей, поднявшись с колен, стоит

шестнадцатилетний король. Он снимает с себя одежду и остается в одной шелковой рубашке с глубоким круглым вырезом.

Архиепископ совершает миропомазание короля таинственным благовонием золотистого оттенка — миро. Предание гласит, что в далекие варварские времена на этом самом месте к Святому Реми спустился с неба голубь с таинственной жидкостью, которой и был окрещен языческий король Хлодвиг. После крещения Хлодвиг стал «наихристианнейшим королем», а Франция — «старшей дочерью Церкви». Архиепископ берет из стеклянной колбы специальной золотой иглой крошечное количество волшебного вещества и смешивает его с очищенным маслом. Потом поочередно окропляет им короля: сначала голову, затем грудь, локти, руки, ноги и ступни.

Затем король принимает регалии — различные атрибуты власти, принадлежащей ему безраздельно. Ему вручают золотые шпоры, украшенные голубой эмалью, шпагу в ножнах, эфес которой инкрустирован драгоценными камнями, скипетр — посох из ценных пород дерева шести футов длиной, увенчанный статуэткой Карла Великого, который, в свою очередь, держит в руках скипетр и земной шар. Кроме того, король принимает руку правосудия — отлитый из золота жезл и руку, как говорят, сделанную из зуба нарвала, с двумя пальцами, поднятыми вверх для приговора или защиты. Чистота. Твердость. Таковы реликвии, олицетворяющие королевское правосудие. Все символично. Все служит красоте и искусству.

На безымянный палец левой руки королю надевают кольцо, навеки связывающее его с народом. На нем застегивают тяжелую синюю мантию, отороченную горностаем и усыпанную золотыми лилиями. Затем подносят чашу для причастия.

На его кудрявую голову возложена тяжелая золотая корона с основанием из цветов лилий, от которого отходят четыре пластины, украшенные жемчугом и бриллиантами и соединяющиеся на вершине в цветок лилии с крестом из драгоценных камней. Позже на него наденут другую корону, более легкую, из чеканного золота. Это его собственная корона и она предназначена для торжественных церемоний и праздников, там, где государя будет лицезреть народ.

Затем в сопровождении армии король и его подданные целой процессией направляются в деревню Корбени, что находится между Реймсом и Лаоном, где покоятся мощи Святого Маркула — чудотворца. Здесь король получает от Всевышнего дар излечивать золотушных.

Вновь король Людовик XIV, прекрасный как никогда, под восторженные крики растроганной толпы возвращается в Париж.

Единственным, кто не устал бунтовать, был принц Конде. Стоя во главе испанских войск, он продолжал свою кампанию против французской армии и Тюрэнна на протяжении еще нескольких лет. Однако Фронда закончилась. Мазарини победил в этой жестокой гражданской войне. Его красная мантия по-прежнему мелькала в коридорах Лувра, а «мазаринады» канули в прошлое. Страна была истощена до предела.

Анжелика знала, что деревня Монтелу практически полностью разрушена. А офицеры квартировали в замке, впрочем, благодаря приказу принца Конде, как полагали де Сансе, военные вели себя на редкость любезно и вежливо по отношению к барону и его семье. В общем, непрощенные гости оставили о себе неплохие воспоминания, хотя и бесцеремонно увели с собой половину мулов. К счастью, несмотря на все неурядицы, благодаря вмешательству Молина, плату за обучение Анжелики отослали в монастырь вовремя.

***

Накануне своего семнадцатилетия Анжелика узнала о смерти матери. Девушка долго молилась в часовне, однако не проронила ни слезинки.

Она с трудом сознавала, что больше никогда не увидит родной силуэт в сером платье и черном платке, на который летом надевалась старая, давно вышедшая из моды соломенная шляпа. Будучи всю жизнь преданной хранительницей сада, мадам де Сансе вечно копалась в саду или огороде и, казалось, проявляла больше заботы и ласки по отношению к грушевым деревьям и капусте, чем к многочисленному потомству. Тем не менее, она оставила им бесценный подарок.

В то время как знатные богатые дамы устраивали в парках лабиринты и воздвигали фонтаны, мадам де Сансе вкладывала силы в куда более прозаичное занятие. Фрукты и овощи из ее сада были самыми вкусными в Пуату, и Анжелика с братьями и сестрами не довольствовались дичью и кашами подобно другим, а лакомились салатами и фруктовыми пюре, от которых крепло здоровье и улучшался цвет лица. Впрочем, детьми они мало задумывались о важности подобных благ.

У мадам де Сансе был очень приятный мягкий голос, но чаще всего она оставалась молчаливой. Она воспитывала детей в строгости, стараясь подготовить их к предстоящим тяготам жизни. Видели они ее мало из-за того, что мать была очень скромной, но тогда они этого не сознавали. Все, что она делала, казалось им само собой разумеющимся.

Вечером того дня, когда пришло известие о смерти матери, Анжелика, улегшись в кровать, внезапно с удивительной ясностью осознала, что потеряла ту

самую тихую, грустно вздыхающую женщину, которая выносила ее под сердцем.

Эта мысль взволновала девушку, она положила руку на свой упругий подтянутый живот. Возможно ли, чтобы из такого крошечного пространства мог появиться полный жизни человек, или десять человек, один за другим, или даже больше? Затем детей отдают кормилицам, потом отпускают в мир и они решают, например, отправиться в Америку, а потом женятся или умирают. Анжелика подумала о Мадлон. С тех пор как эта всегда бледная и довольно странная девочка родилась на свет, она знала лишь тоску и страх. Она дрожала всем телом, слушая истории кормилицы. Она словно обитала в страшном воображаемом мире, далеком от реальности, из которого ее никто так и не смог вызволить.

«Когда у меня будет ребенок, я ни за что не позволю ему умереть вдали от меня. Я буду любить его! Ах, как я буду любить его! Я буду качать его на руках целыми днями, не отпуская от себя!»

По случаю смерти матери Анжелике дозволили встретиться с братьями, Раймоном и Дени, которые прибыли сообщить ей печальную весть. Как того требовали правила урсулинок, свидание происходило в приемной, где девушка была отгорожена от братьев холодными прутьями решетки.

Дени учился в коллеже. Он подросток и теперь внешне сильно походил на Жослена. Настолько сильно, что Анжелике даже на мгновение показалось, будто она вновь видит старшего брата — таким, каким память сохранила его образ: ученика в черной форме с роговой чернильницей, приколотой к поясу. Она была так потрясена неожиданным сходством, что, поздоровавшись со священником, сопровождавшим брата, уже больше не обращала на него внимания. Пришлось ему представиться.

— Я Раймон, Анжелика. Ты не узнаешь меня?

Слова брата заставили ее смутиться. Монастырь урсулинок отличался крайней строгостью воспитания. Монахини самозабвенно преклонялись перед священниками, и в этом почитании сквозило некое интуитивное повиновение женщин перед мужчинами. Поэтому когда девушка услышала, что брат попростому обращается к ней на «ты», она немного оробела и опустила глаза. Раймон продолжал улыбаться, глядя на сестру. Очень тактично и деликатно он рассказал ей о горе, постигшем семью, а потом с невиданной простотой и легкостью заговорил о том, что на все воля Божья и детям надлежит смириться с утратой. Что-то новое появилось в его длинном лице с матовой кожей и светлыми горящими глазами.

Он сказал, что отца сильно огорчило известие о том, что за годы пребывания в иезуитском коллеже желание Раймона принять сан не ослабло. А ведь после отъезда Жослена барон надеялся, что хотя бы Раймон унаследует его имя как продолжатель рода, но юноша отказался от наследства в пользу младших братьев и постригся в монахи. Гонтран также разочаровал бедного барона Армана. Он не пожелал ни вступить в армию, ни получать образование. Вместо этого он отправился в Париж учиться, но вот только чему — никто в точности не знал. Оставалось только ждать, пока Дени достигнет тринадцатилетнего возраста, чтобы вернуть роду де Сансе воинскую славу, согласно обычаю знатных семей.

Итак, молодой иезуит смотрел на сестру, которая, чтобы лучше его слышать, прижалась розовым личиком к холодным прутьям решетки, и в полумраке, царившем в приемной, ее необычные глаза казались прозрачными, как морская вода.

Раймон спросил с какой-то жалостью:

— А ты кем собираешься стать? Чего бы тебе хотелось, Анжелика?

Она тряхнула золотистой копной волос и равнодушно ответила, что пока не знает.

***

Однажды Анжелику снова позвали в приемную комнату.

К ней приехал старый Гийом, еще больше поседевший со времени их последней встречи. Свою вечную спутницу, ненаглядную алебарду, Гийом аккуратно прислонил к стене.

Он объявил девушке, что прибыл забрать ее домой, в Монтелу.

Прощаясь с Анжеликой на пороге монастыря, монахини-урсулилки радостно улыбались, так как, по их мнению, отъезд воспитанницы означал, что ей нашли мужа.

Глава 15

Барон де Сансе рассматривал Анжелику, не скрывая удовлетворения.

— Монашки и впрямь превратили тебя в паиньку, дикарочка моя!

— Паиньку? Ну это мы еще посмотрим, — возразила Анжелика и привычным жестом небрежно потрянула золотистыми кудрями. Напоенный болотными, слегка сладкими и терпкими нотками воздух Монтелу воскресил в Анжелике любовь к свободе, она оживала, словно засохший цветок после обильного дождя. Родительская гордость барона Армана все возрастала.

— Ты еще красивее, чем я ожидал. Правда, кожа немного смугла для твоих волос и глаз, но в этом тоже есть определенное очарование. Почти все мои дети смуглые. Боюсь, это память об арабах, чья кровь течет в жилах многих жителей Пуату. Ты видела своего маленького братика Жана-Мари? У него кожа как у настоящего мавра!

Неожиданно барон добавил:

— Твоей руки просит граф де Пейрак де Моренс д'Ирристрию.

— Моей руки? — удивилась Анжелика. — Но я его даже не знаю!

— Это не имеет значения. Важно то, что его знает Молин. Он заверил меня, что о более лестном союзе для своей дочери я и мечтать не могу.

Барон Арман сиял от радости. Кончиком трости он сбивал примулы, растущие у обочины дороги, которая вела через овраг и по которой он прогуливался вместе с дочерью этим теплым апрельским утром.

Анжелика вместе со старым Гийомом и братом Дени приехала в Монтелу накануне вечером. Она очень

удивилась, увидев Дени, но он ей объяснил, что хотя в коллеже и нет каникул, его специально отпустили, чтобы он смог присутствовать на ее свадьбе. Возвращение в Монтелу, в родные места, не принесло Анжелике ожидаемой радости. Все здесь стало чужим, бессмысленным, вялым, несмотря на слуг, которые сновали то тут, то там, выполняя поручения. Барон специально нанял строителей, которые возводили новые конюшни и сараи. После смерти матери для Анжелики стало странно видеть в замке тетюшек. Пюльшери не изменилась. Она очень обрадовалась приезду племянницы. Но старушка так исхудала, что Анжелика побоялась обнять ее слишком крепко, чтобы не повредить хрупкие кости. Тетюшка Жанна все так же сидела целыми днями в дальнем углу гостиной и с неизменно мрачным видом вышивала очередную цветок.

Когда Анжелика была ребенком, голова которого постоянно забита новыми фантазиями и приключениями, она не придавала особого значения бесконечному брюзжанию и ворчливым упрекам тетюшки Жанны в адрес племянницы. Речь тети Жанны, как, впрочем, и она сама, казались лишь частью декораций. Возвращение в Монтелу взволновало Анжелику и разбудило в ее душе тоску, отчего она стала особенно чувствительной к исступленной злобе, которую тетюшка Жанна умела показать одним взглядом, брошенным поверх рамок своего гобелена. Отвечать на подобные взгляды словами любезности — занятие, требующее немалых усилий, на которые она в данный момент была неспособна. После предписанных этикетом приветствий, Анжелика оставила тетю наедине с рукоделием, иголкой и ниткой.

Новость о свадьбе привела Анжелику в полное замешательство. В замке, который она прекрасно помнила, словно появилась странная чужая пустота. Но

ощущение пустоты было вызвано не только смертью матери.

Возможно, это из-за братьев? Младшие выросли, и Анжелика их постоянно путала. Тому, кого когда-то все называли «крохой», — Дени — уже исполнилось пятнадцать лет^[77].

— А где Гонтран? — спросила она как-то у Мари-Аньес.

Девочка удивилась.

Гонтран был для нее из «старших», которые жили где-то далеко, в монастыре урсулинок или в иезуитском коллеже. Она их всех плохо знала. Но, обладая живым умом, Мари-Аньес старалась угодить старшей сестре, которой очень восхищалась.

Пока Мари-Аньес бегала узнавать, куда же делся Гонтран, Анжелика вспомнила, что, когда Раймон приезжал за ней в монастырь, он упоминал об отъезде брата в Париж на учебу.

Наконец Мари-Аньес вернулась и выпалила:

— Он уехал!

А потом прибавила:

— Никто не знает куда.

И она была права, так как с тех пор о нем никто ничего не слышал. Сегодня утром, прогуливаясь с отцом, она решила не упоминать о Гонтране, чувствуя, что разговор о брате может только ухудшить настроение барона. К тому же слухи о собственной свадьбе беспокоили ее куда больше. «Что может означать вся эта история с замужеством?» — думала она. Сначала Анжелика не придавала значения речам о браке, но сейчас уверенный тон отца очень беспокоил ее. За прошедшие годы отец почти не изменился, лишь несколько седых нитей появилось в его бородке в стиле Людовика XIII. Анжелика думала, что он будет подавлен смертью жены, а встретила улыбающегося и вполне

цветущего человека. Они вышли на зеленую, пологую лужайку, возвышавшуюся над болотами, и Анжелика постаралась сменить тему разговора, опасаясь, что обсуждение семейных проблем посорит их в первый же день встречи.

— Отец, вы писали мне, что во времена Фронды понесли серьезные убытки из-за того, что у вас конфисковали большую часть мулов.

— Это правда. Мы с Молином потеряли половину всего скота, и без его помощи, я бы давно сидел в тюрьме за долги, даже если бы продал все наши земли.

— Вы ему еще много должны? — встревожилась Анжелика.

— Увы! Из сорока тысяч ливров, которые он мне ссудил, за пять лет тяжелого труда я сумел вернуть ему только пять тысяч. Кстати, Молин и их долго не соглашался брать, уверяя, что деньги являются моей долей в общем деле. И только когда я стал вне себя от гнева, он их принял.

Анжелика заметила, что если управляющий сам не хотел брать деньги, то отцу не стоило упорствовать в своем благородстве.

— Если Молин предложил вам сотрудничество в деле, значит, оно ему выгодно. Он не тот человек, который просто так станет делать подарки. Но при всем этом он честен, и если отдает вам сорок тысяч ливров, значит, ваш труд стоит таких денег.

— Конечно, торговля мулами и свинцом с Испанией идет неплохо, тем более что мы освобождены от провозных пошлин вплоть до самого океана. Еще бы несколько лет без войны, в течение которых можно было бы продавать свинец и мулы государству, и мы смогли бы покрыть все расходы... Что верно, то верно.

Барон бросил на Анжелику озадаченный взгляд.

— Вы очень складно рассуждаете, дитя мое! Я удивлен тем, что юная девушка, которая только что

покинула стены монастыря, способна так здраво и практично мыслить.

Анжелика рассмеялась.

— Я знаю, что в Париже есть женщины, которые интересуются всем: политикой, религией, литературой, даже науками. Их называют «жеманницами». Каждый день в салоне у одной из них собирается весь свет Парижа, включая острословов и ученых. Хозяйка салона полулежит на кровати, а вокруг алькова размещаются гости, и они беседуют. Если я когда-либо буду жить в Париже, то обязательно создам такой же салон, в котором будут беседовать о науке и коммерции.

— Какой кошмар! — воскликнул возмущенный словами дочери барон. — Анжелика! Надеюсь, не урсулилки в Пуатье внушили вам подобные мысли?

— Они лишь находили, что я хорошо считаю и рассуждаю. Даже слишком хорошо... Но были весьма огорчены тем, что им не удалось сделать из меня благочестивую богомолку... и такую же лицемерку, как сестрица Ортанс. Они очень надеялись на то, что однажды она пострижется в монахини. Но, видимо, предложение прокурора показалось ей более заманчивым.

— Девочка моя, не стоит быть столь завистливой, ведь Молин, о котором вы судите так строго, нашел вам куда более завидного жениха, чем муж Ортанс.

Девушка нетерпеливо топнула ножкой.

— Молин слишком много на себя берет! Если послушать вас, то можно подумать, что он мой отец, а не вы, так он заботится о моем будущем.

— Вам не стоит сетовать, маленькая упрямец! — смеясь, ответил отец. — Послушайте меня. Граф Жоффрей де Пейрак — прямой потомок графов Тулузских. Их род древнее, чем у нашего короля Людовика XIV. К тому же он самый богатый и влиятельный человек в Лангедоке.

— Возможно, отец, но как я могу выйти замуж за человека, которого совершенно не знаю и которого даже вы сами никогда не видели?

— Почему нет? — удивился барон. — Все девушки из знатных семей именно так и выходят замуж. Они не могут знать, какой союз будет благоприятным для их семьи и рода, и даст невесте знатный титул. В подобном вопросе нельзя полагаться ни на выбор девушки, ни на волю случая.

— А он... он молодой? — неуверенно спросила Анжелика.

— Молодой... Молодой ли он?.. — с досадой буркнул барон. — Что за праздный вопрос для такой практичной особы. Честно говоря, ваш будущий муж на двенадцать лет старше вас. Но в тридцать лет мужчина в полном расцвете сил, он особенно привлекателен. Бог может послать вам много детей. У вас будет дворец в Тулузе, замки в Альби и в Беарне, экипажи, туалеты...

Барон де Сансе запнулся, видимо на этом его воображение иссякло.

— Со своей стороны я полагаю, что предложение вступить в брак от человека, который вас также никогда не видел, — исключительный и невероятный шанс.

Несколько шагов они прошли молча.

— Вы правы, — прошептала Анжелика, — но именно такая удача и кажется мне странной. Почему граф, у которого есть все возможности найти себе богатую и титулованную невесту, выбрал меня — бесприданницу из самого глухого уголка Пуату?

— Бесприданницу? — переспросил барон Арман де Сансе, и его лицо неожиданно просияло. — Возвратимся в замок, Анжелика, ты переоденешься, мы сядем на лошадей, и я тебе кое-что покажу.

По распоряжению барона конюх вывел во двор замка двух лошадей и оседлал их. Заинтригованная

словами отца, девушка молчала. Садясь в седло, она успокаивала себя мыслями о том, что брак, в конце концов, ее удел, и что именно так большинство ее подруг вышли замуж — за тех, кого им выбрали родители. Но тогда почему предложение так возмутило ее? Мужчина, за которого она выйдет замуж, не стар... Она будет богата...

Внезапно какое-то сладостное чувство охватило ее. Сначала она не поняла его причину, но тут Анжелика заметила, что рука слуги, который помогал ей сесть в седло, скользнула по ее ноге, задержалась там на несколько секунд и погладила. Жест никак нельзя было назвать нечаянным. Барон ушел в замок сменить сапоги и надеть чистый воротник. Анжелика нервным жестом отдернула ногу, и лошадь сделала несколько шагов.

— Что ты себе позволяешь, мужлан?

Яркий румянец залил ее щеки, она разозлилась на саму себя за то, что мимолетная ласка так взволновала ее. Конюх, здоровенный широкоплечий детина, посмотрел на нее; пряди каштановых волос падали на темные глаза, в которых светилась давно знакомая, лукавая улыбка.

— Николая! — воскликнула Анжелика. Теперь она испытывала двоякое чувство: радость встречи со старым приятелем по детским играм, и смущение, вызванное его дерзостью.

— А-а! Ты наконец-то узнала Николая! — воскликнул барон де Сансе, широким шагом подходя к ним. — Это сущий дьявол, никто не может совладать с ним. Он не желает работать ни на земле, ни с мулами. Лентяй и бабник, вот каков твой бывший дружок, Анжелика!

Но Николая, казалось, ничуть не смутили слова барона. Он по-прежнему смотрел на Анжелику и смеялся, дерзко, почти нагло обнажая в улыбке белоснежные зубы. Из-под расстегнутой рубашки виднелась мускулистая и загорелая грудь.

— Эй, парень, садись на мула и поезжай за нами, — сказал барон, ничего не заметив.

— Слушаюсь, хозяин.

Они проехали по подвесному мосту и свернули влево от Монтелу.

— Куда мы едем, отец?

— К старому свинцовому руднику.

— К развалинам недалеко от Ньельского монастыря?

— Именно так.

Анжелика вспомнила обитель распутных монахов, свою безумную детскую затею бежать в Америки и рассказ брата Ансельма о руднике и о том, как когда-то давно в нем добывали серебро и свинец.

— Но я не могу понять, какое отношение имеет этот заброшенный кусочек земли к...

— Ну, теперь уж он не такой заброшенный, и называется Аржантьер. Он и есть твое приданое. Если ты помнишь, Молин в свое время уговорил меня возобновить права нашей семьи на разработку рудника, а также ходатайствовать об освобождении от налогов на четверть добытого свинца. Затем он привез сюда рабочих-саксонцев. Видя его особый интерес к этой нашей земле, я ему сказал, что предназначил рудник тебе в приданое. Думаю, именно тогда в его хитроумной голове и зародилась мысль о твоём браке с графом де Пейраком, ведь тулузский сеньор однажды хотел купить у нас рудник. Я мало что знаю о делах, которые связывают мессира де Пейрака с Молином, но сдаётся мне, что граф играет не последнюю роль в нашей торговле мулами и свинцом с Испанией. Стало быть, дворян, занимающихся коммерцией, намного больше, чем принято думать. Хотя земельные владения графа очень обширны и ему нет нужды прибегать к таким неаристократическим занятиям, но возможно, это его забавляет. Говорят, он большой оригинал.

— Если я правильно поняла, — медленно проговорила Анжелика, — вы знали, что граф мечтает приобрести наш рудник, и дали ему понять, что он сможет его получить, если в придачу возьмет и дочь.

— Анжелика, ты очень странно все воспринимаешь! Я вот нахожу идею сделать рудник твоим приданым великолепной. Главная забота всей моей жизни обеспечить ваше, моих дочерей, будущее; об этом же мечтала и ваша покойная мать. Наша семья ни при каких обстоятельствах не продает свои земли. Даже в самые тяжелые времена нам удавалось сохранить владения баронов де Сансе в неприкосновенности, хотя маркиз дю Плесси довольно часто зарился на те наши плодородные земли, где раньше были болота. Но выдать дочь замуж не только за человека весьма родовитого, но и очень богатого — на это я согласен. К тому же, так мы сохраним наши земли, они перейдут не в чужие руки, а в новую семью, в новую ветвь нашего рода.

Анжелика ехала немного позади отца, поэтому он не видел выражения ее лица. Она тем временем в бессильной злобе кусала губы белоснежными зубками. Она не могла объяснить отцу то унижительное положение, в которое ее поставили, ведь он убежден, что очень ловко и хорошо устроил счастье дочери! И все же она попыталась бороться.

— Насколько я помню, вы отдали рудник Молину в аренду на десять лет? Значит до конца аренды еще четыре года. Но как тогда эти земли могут стать приданым?

— Молин не только согласился, но даже выразил готовность и дальше разрабатывать земли для графа де Пейрака. Работы на руднике ведутся три года... Сейчас ты все сама увидишь, мы почти приехали.

Через час езды рысью они прибыли на рудник.

Раньше Анжелика думала, что черный карьер и окружающая его протестантская деревня находятся на краю света, но оказалось они совсем недалеко. Ощущение усиливала хорошая дорога, которая вела прямо к руднику. Вокруг него появились дома рабочих.

Отец и дочь спешили, Николая взял под уздцы лошадей. От заброшенного рудника, который четко отпечатался в памяти Анжелики, не осталось и следа.

По специальным желобам подавалась проточная вода, которая с помощью колес приводила в движение несколько вертикальных каменных жерновов. Рудодробильные чугунные песты со страшным грохотом разбивали большие глыбы породы, которые рабочие откалывали от скалы кувалдами.

Две печи пылали жаром, раздуваемым кожаными мехами. Рядом с печами поднимались ввысь горы древесного угля, а остальное пространство было завалено кучами породы. Группа рабочих лопатами бросала размельченную жерновами породу в деревянные желоба, по которым текла вода, другие специальными скребками подгребали ее против течения. Немного дальше высилась весьма солидная постройка, двери в ней были затянуты сеткой, забраны железной решеткой и заперты на большой замок.

Вход туда охраняли два человека, вооруженные мушкетами.

— Тут хранятся слитки свинца и серебра, — объяснил барон.

Переполюняв гордостью, он добавил, что на следующий же день попросит Молина показать дочери склад.

Затем он подвел ее к ближайшему карьеру, который спускался большими террасами, каждая шириной по два туалета^[78]. Они делали карьер похожим на древний римский амфитеатр. Тут и там виднелись черные дыры

туннелей, и из них все время появлялись ослики, которые тянули за собой тележки.

— Здесь работают десять саксонских семей, все они потомственные рудокопы, литейщики и камнеломы. Именно они вместе с Молином и ведут разработки.

— И сколько дохода в год приносит рудник? — спросила Анжелика.

— По правде говоря, я никогда не размышлял над этим...— немного смущенно признался Арман де Сансе. — Ты понимаешь, Молин регулярно вносит за него арендную плату. Он также взял на себя все расходы по оборудованию. Кирпичи для печей доставлены из Англии, а может, и контрабандой из Испании, через Лангедок.

— Конечно же, не без помощи того, кого вы прочите мне в мужья.

— Возможно. Поговаривают, что у него разнообразные интересы. Кроме того, он большой ученый и сам сделал чертеж этой паровой машины.

Барон подвел Анжелику к входу в одну из штолен. Он показал ей огромный железный котел, под которым пылал огонь. Из котла в штольню тянулись две довольно толстые, обмотанные чем-то трубы, и то и дело из штольни вздымался фонтан воды.

— Это одна из первых паровых машин в мире^[79]. С ее помощью мы можем выкачивать подземные воды из штольни. Ее сконструировал граф де Пейрак во время одной из поездок в Англию. Как видишь, для женщины, которая собирается стать жеманницей, лучшего мужа и не найти — ведь он столь образован и остроумен, сколь я невежа и тугодум, — со скорбной миной заключил барон де Сансе. — Добрый день, Фриц Хауэр.

Один из рабочих, стоявших возле паровой машины, снял шляпу и низко поклонился. Лицо мужчины отливало синевой, — за долгие годы работы на

рудниках каменная пыль въелась в кожу. На одной руке у него не хватало двух пальцев. Он был невысокого роста, горбатый, и поэтому его руки выглядели чересчур длинными. Маленькие глазки поблескивали из-под спадающих на лоб волос.

— Мне кажется, он похож на Вулкана, бога подземного огня, — сказал мессир де Сансе. — Говорят, нет человека, который лучше него разбирается в породах, залегающих в недрах земли. Возможно, именно поэтому он и выглядит так необычно. Рудничное дело всегда представлялось мне очень таинственным, даже, немного колдовским. Поговаривают, что Фриц Хауэр владеет секретом превращения свинца в золото. Но это было бы уже совсем из ряда вон. Тем не менее, он много лет работает вместе с графом де Пейраком, и тот послал его в Пуату наладить разработки на руднике Аржантьер.

«Опять граф де Пейрак! Везде граф де Пейрак!» — с раздражением подумала Анжелика.

Но вслух сказала:

— Видимо, он потому так богат, ваш граф де Пейрак, что умеет превращать в золото свинец, который ему посылает этот самый Фриц Хауэр. Так почему бы ему не превратить меня в лягушку...

— Дочь моя, вы меня очень огорчаете. К чему насмешки? Можно подумать, что я хочу сделать вас несчастной. В моих планах относительно вашего будущего нет ничего, что могло бы вызвать подобное недоверие.

— Вы правы, отец, прошу простить меня, — с виноватым видом произнесла Анжелика, огорченная искренним разочарованием, которое прочла на лице барона. — Монахини довольно часто говорили, что мои поступки их сильно озадачивают. Я не буду скрывать, что предложение графа не только не обрадовало меня,

а наоборот, скорее расстроило. Дайте мне немного времени, чтобы привыкнуть к этой мысли.

Анжелика поймала себя на том, что к ней вернулось чувство снисходительности, которое она всегда испытывала к отцу. У барона был доверчивый нрав и открытая душа. Он охотно поверил словам дочери о том, что она вскоре свыкнется с мыслью о браке и все проблемы уладятся сами собой. На этом барон успокоился, решив как обычно переложить дальнейшие объяснения на плечи Молина. Но Анжелика чувствовала себя все более обеспокоенной и озадаченной.

Продолжая неторопливую беседу, они вернулись к лошадям. Анжелика поспешила сесть в седло, чтобы избежать помощи со стороны чрезмерно предупредительного Николя, и все-таки его загорелая рука прикоснулась к ней, когда он передавал ей поводья. «Все это очень неприятно, — с досадой подумала она. — Его необходимо поставить на место».

***

Итак, возвращение Анжелики в Монтелу было испорчено.

Она надеялась, что после долгих лет, проведенных в монастыре, вернется туда, где когда-то была так счастлива. Но даже объятия кормилицы Фантины Лозье накануне вечером показались Анжелике не такими трепетными и радостными, как она ожидала. Лицо кормилицы выглядело настолько трагичным, каким оно не становилось даже во время пересказа самых страшных историй. Хотя прошло много лет, и, возможно, кормилица больше не считала, что Анжелика принадлежит к «ее» детям.

И — это правда — в Монтелу больше не было мамы. Неужели, именно смерть матери погасила ту радость,

которую могло бы принести ей возвращение?.. Следуя за отцом, девушка придержала лошадь.

По обе стороны от дороги, пролегавшей через низину, цвел боярышник. Его волшебный аромат напомнил Анжелике о детстве и подействовал на нее умиротворяюще.

— Отец, — неожиданно произнесла Анжелика, — я полагаю, вы хотите поскорее получить мой ответ на предложение графа де Пейрака. Мне в голову сейчас пришла одна мысль: позвольте мне встретиться с Молином и серьезно поговорить с ним.

Барон поднял голову и посмотрел на солнце, чтобы определить час.

— Сейчас почти полдень, и я думаю, Молин будет рад разделить с вами трапезу. Поезжайте, дочь моя, Николя вас проводит.

Анжелика хотела отказаться от такого провожатого, но потом просто сделала вид, что не обращает на него никакого внимания, и, помахав на прощание отцу, галопом поскакала вперед. Слуга на своем муле очень скоро остался далеко позади. Анжелика позволила себе ослабить узду, разрешив лошади скакать во весь опор, не ощущая контроля наездницы, что могло оказаться весьма опасным на такой ухабистой дороге.

Все внимание Анжелики было приковано к тому, чтобы удержаться в седле, и ей наконец-то удалось избавиться от мрачных мыслей. Временами она улавливала терпкий и пьянящий аромат белых цветов боярышника, а перед глазами мелькали белые и сиреневые кустики примул, словно их посадила внимательная и заботливая хозяйка. Быть может, то была сама волшебница-весна, неизменно возвращающаяся на землю.

Она вдруг вспомнила, как ее отец, говоря о свадьбе, машинально сбивал тростью цветы примул.

Через полчаса Анжелика, проезжая мимо главных ворот замка дю Плесси, пригнулась в седле, чтобы увидеть в конце каштановой аллеи сказочный дворец.

«Филипп», — неожиданно имя кузена всплыло в ее памяти, словно для того, чтобы усилить ее печаль. Она воскрешала в мыслях тот день, когда их с отцом унизили, несмотря на родство, блистательные хозяева этого замка. Резные башенки замка дю Плесси то скрывались, то снова показывались среди густых крон деревьев в парке.

На повороте главной аллеи показался дом Молина. Построенный из красного кирпича, обрамленный белым камнем и покрытый черепицей, он казался солидным и простым, без вычурностей. На пороге появился господин Молин. Анжелика с радостью отметила, что он совершенно не изменился.

Она резко осадил взмыленную лошадь и спешила. Слуга Молина подошел к Анжелике и, приняв у нее поводья, отвел лошадь в стойло.

Управляющий провел Анжелику через затемненные комнаты, которые давали отдых уставшим глазам. Манящий аромат выпечки и негромкие голоса на кухне указывали на то, что госпожа Молин тоже дома. Скорее всего, она как обычно хлопчет у печи, отодвинув неумелых кухарок, которые, по ее мнению, «не могут поставить в печь пирог, не плеснув сока от фруктов в огонь».

Хотя бы здесь Анжелика повстречала образы из детства. На деревянном отполированном пчелиным воском столе стояли два хрустальных бокала и графин с темно-рубиновым вином, на фаянсовой тарелочке лежало несколько небольших пирожных.

— Моя жена вспомнила, что вы их любите, — сказал Молин.

Он стоял перед ней, преисполненный чувства глубокого почтения, которое всегда просматривалось в

его отношении к барону де Сансе и которое он теперь проявлял по отношению к Анжелике, ведь она больше не была ребенком. Отныне он видел в ней молодую девушку знатного происхождения, занимающую более высокое положение, чем он сам, простолюдин.

Даже после того, как они обменялись приветствиями, Анжелика все еще продолжала стоять. С волнением ожидая продолжения разговора, девушка напрочь забыла о хороших манерах, которым ее учили в монастыре, о том, как подобает садиться и вставать даме ее положения. Анжелика задалась вопросом, как долго она будет ощущать себя маленькой десятилетней девочкой перед управляющим Плесси-Бельеров. Вопрос показался ей весьма забавным, и она улыбнулась.

Господин Молин взял графин и разлил вино по бокалам.

— Это вино с наших виноградников... Я советую вам немного подождать, прежде чем его попробовать, мадемуазель Анжелика. Оно охлаждено, а вы так долго скакали по жаре.

— Я торопилась, мне надо было срочно увидеться с вами, господин Молин.

Молин низко поклонился, прижав руку к сердцу, и произнес:

— Это большая честь для меня.

Анжелика услышала топот копыт мула, на котором ехал Николя и в то же мгновение ощутила сильное раздражение, которое вызывали у нее как навязчивый слуга, так и раболепствующий Молин. Стало понятно, что управляющий приготовился к ее визиту, который, вне всякого сомнения, они с отцом спланировали заранее. Видимо, он уже продумал все свои самые весомые аргументы. Ей предстоял спор с весьма сильным противником. Но Анжелика тоже очень хорошо знала, что она хочет... или точнее, чего она не хочет.

Она решила про себя, что не позволит взволновать себя заманчивыми разговорами о землях ее предков и о тех изменениях, которые творятся вокруг нее... а может и в ней самой. Действительно, она выросла, она больше не ребенок. И если надо будет, она готова противостоять и тем, и другим. Они молчали. Анжелика огляделась, пытаясь собраться с мыслями и сосредоточиться.

Молин привел ее в небольшой кабинет, где несколько лет назад точно так же принимал ее отца. Именно здесь родилась сделка о торговле мулами. Девушка вдруг отчетливо вспомнила странный ответ управляющего на ее детский, но практичный вопрос:

— Но что я получу взамен?

— Вы получите мужа.

Возможно, он уже тогда подумывал о ее браке с этим довольно странным графом Тулузским? Что ж, более чем вероятно — в его хитроумной голове переплетались тысячи планов и идей. Нельзя сказать, что управляющий был так уж ей неприятен. Ведь его ловкачество объяснялось тем, что он был слугой, но слугой, который знает, что он умнее своих хозяев.

Для семьи бедного дворянина, что проживал по соседству, Молин всегда оказывался добрым гением, но Анжелика понимала, что за щедростью и помощью управляющего скрываются его собственные интересы. Именно это ее и устраивало больше всего, так как она могла считать себя свободной от унижительного чувства благодарности к нему. Но вместе с тем ее удивлял тот факт, что расчетливый гугенот внушал ей доверие и симпатию. «Вероятно потому, что он затевает какое-то совсем новое и, кажется, очень серьезное дело», — подумала она вдруг. В то же время она не могла примириться с мыслью, что ее приравнивают к слитку свинца или мулу.

— Господин Молин, — начала Анжелика, — мой отец настаивает на моем браке с неким графом де Пейраком, и я знаю, что все произошло не без вашего участия. Учитывая, что в последние годы вы имели на отца большое влияние, я нисколько не сомневаюсь в том, что для вас этот брак крайне важен. Другими словами, вы хотите, чтобы я сыграла какую-то роль в ваших коммерческих махинациях. И я бы хотела знать какую именно?

Тонкие губы собеседника растянулись в холодной улыбке.

— Я благодарю небо за то, что вы стали такой, какой обещали быть в те давние времена, когда вас в наших краях называли маленькой болотной феей. Я ведь и правда пообещал графу де Пейраку красивую и умную жену.

— Весьма опрометчивое обещание. Я могла стать глупой уродкой, что повредило бы вашей репутации сводника.

— Я никогда не обещаю того, в чем не уверен. Я регулярно получал сведения о вас, а в прошлом году во время религиозной церемонии я вас видел.

— Так вы следили за мной! Словно я дыня, которая спеет под пучком соломы!

Но созданный образ показался Анжелике настолько комичным, что ее гнев остыл и она прыснула со смеху. По правде говоря, она предпочитала знать всю правду, чем попасться в западню как наивная дурочка.

Молин предложил:

— Сядьте, мадемуазель, и выпейте вина.

Сам он уселся напротив.

— Если бы я полагал, что с вами надо разговаривать, как принято в вашем кругу, — серьезно сказал Молин, — я бы мог прибегнуть к аргументам, которые обычны для юных и невинных девушек: им нет нужды знать, чем именно руководствовались родители

в выборе мужа. К тому же добыча свинца и серебра, таможенные пошлины вообще не женского ума дело, и уж тем более не ума знатной дамы. Что касается разведения скота — то и того меньше. Но я почти уверен, что знаю вас, Анжелика, и именно поэтому хочу поговорить с вами без обиняков.

И выпейте все-таки вина.

Вообще-то Анжелика не испытывала желания что-либо пить с Молином. Неужто он думал, что ее достаточно угостить вином и пирожными и она согласится со всеми его замыслами?

— Вы шпионили за мной, — повторила она недовольным голосом.

Молин сохранял загадочный вид. Он слегка пожал плечами, показывая тем самым, что упомянутый факт не заслуживает внимания и он не придает никакого значения поступку, в котором его обвинили.

— Это не имеет значения, — сказал он, — и все же... так намного лучше.

Его строгий взгляд потеплел, стоило ему скользнуть по юному и прелестному лицу собеседницы, красота которой была совершенна и в минуты задумчивости, и в минуты волнения. Во время разговора в ее прекрасных глазах редкого оттенка отражался живой и пылкий ум. Эти удивительные глаза, на которые то и дело падали пряди золотых волос, были не просто глазами молодой девушки, которая постепенно превращается в необыкновенно красивую женщину, они говорили о много большем. В тот миг, когда он увидел, как Анжелика скачет галопом на лошади, как она ловко и проворно спрыгивает на землю, легко и непринужденно бросает слуге узду, он подумал: «Она еще совсем ребенок», но сейчас он уже сомневался в праведности сделанных им выводов. Разумеется, в ней сохранились прежняя пылкость и непосредственность, но теперь она выглядела более

сдержанной, словно укрощенной монастырским воспитанием. Годы, проведенные в монастыре урсулинок, не прошли даром. В ее манерах, жестах появился шарм и изысканность. И хотя внешне она стала более сосредоточенной, но внутри так и осталась свободной и непосредственной маленькой феей болот.

Он решил разговаривать с ней открыто.

Анжелика с удивлением отметила, что для Молина их разговор значит не меньше, чем для нее. Она с нетерпением ждала, что же скажет управляющий, поэтому любопытство и стремление узнать правду победили в ней чувства разочарования и смущения, которые не давали ей покоя с самого вечера. Она даже не удивилась тому слегка непринужденному тону, в котором протекал их разговор.

— Почему вы думаете, что со мной можно говорить иначе, чем с моим отцом?

— Это довольно сложно объяснить, мадемуазель. Я не философ, и все мои знания я приобрел в процессе работы. Простите меня за откровенность, но хочу сказать вам, что дворяне никогда не поймут, что меня в моей деятельности вдохновляет именно жажда труда.

— Но я думаю, крестьяне работают больше вас.

— Они тянут лямку, а это не одно и то же. Они тупы, невежественны и не осознают собственного интереса, как, впрочем, и люди вашего круга, которые ничего не создают. Знать не приносит никакой пользы, единственное, что она способна производить — разрушительные войны. Ваш отец, хотя он и начал что-то делать, так или иначе тоже никогда не поймет, что такое труд! Для него, это всегда будет лишь неизбежный выбор из-за безвыходного положения.

— Вы считаете, что он не добьется успеха? — с беспокойством спросила Анжелика и тут же почувствовала, как сжалось ее сердце. — Я считала, что

его дела идут довольно неплохо, и ваш интерес к ним лишний раз это доказывает

— Вот если бы мы ежегодно продавали по несколько тысяч мулов и наши годовые доходы постоянно увеличивались, тогда можно было бы утверждать, что дела идут неплохо.

— Но ведь мы добьемся успеха рано или поздно?

— Нет, а все потому, что разведение мулов, пусть даже поставленное с большим размахом, да при хорошем денежном резерве на случай всяких непредвиденных обстоятельств вроде эпидемии или войны, так и останется всего-навсего разведением мулов. Это как земледелие — очень долгое и не прибыльное дело. Между прочим, ни земля, ни скот никогда никого не обогащали по-настоящему: припомните, какие большие стада были у библейских пастухов и как бедно они жили.

— Но если вы так уверены в неудаче, господин Молин, то тем более я не понимаю, как вы, человек весьма осмотрительный, могли затеять дело, которое, по вашим словам, не только долгое, но и не очень прибыльное.

— Вот именно поэтому мессиру барону, вашему отцу, и мне нужна ваша помощь.

— Но я же не могу заставить ваших ослиц приносить приплод в два раза чаще.

— Но вы можете помочь увеличить доходы от них в два раза.

— Не могу уяснить, каким образом.

— Сейчас поймете. Чтобы любое дело стало прибыльным, капитал должен оборачиваться быстро, а так как на законы Божьи мы влиять не можем, то нам приходится пользоваться человеческим недомыслием. Мулы для нас всего лишь ширма. Именно они покрывают наши текущие расходы и позволяют поддерживать хорошие отношения с военным

интендантством, которому мы поставляем кожу и рабочий скот. Но самое главное то, что караваны мулов перевозят по дорогам большое количество грузов, а мы не платим ни дорожных, ни таможенных пошлин. И вот, используя эти льготы, мы с караванами мулов отправляем в Англию свинец и серебро. Назад мулы привозят якобы мешки черного шлака, его еще называют «флюсом», который необходим для работ на руднике, но на самом деле это золото и серебро, которые переправляют нам через Лондон из воюющей с нами Испании.

— Вот теперь я совершенно запуталась, господин Молин. Зачем же отправлять в Лондон серебро, если потом его привозят обратно?

— Но назад я привожу его в два-три раза больше. Что же касается золота, то граф Жоффрей де Пейрак владеет в Лангедоке золотым прииском. Когда ему будет принадлежать рудник Аржантьер, обменные операции, которые я производжу для него с этими двумя благородными металлами, не будут вызывать подозрений, потому что все будут думать, что и серебро, и золото добыты на его рудниках. Вот в чем заключается наше настоящее дело. Понимаете, количество золота и серебра, которое можно добыть во Франции, ничтожно мало, а мы, не нанося ущерба ни фиску, ни налоговому управлению, ни таможне, можем ввозить много золота и серебра из Испании. Слитки, которые я сдаю менялам, говорить не умеют. Они никому не расскажут, что родом не из Аржантьера или Лангедока, а из Испании и привезены к нам через Лондон. Так что государственная казна получает свою долю, а мы, под прикрытием работы на рудниках, ввозим большое количество драгоценных металлов, не тратясь, ни на рабочую силу, ни на таможенную пошлину, ни на оборудование для рудников. Ведь никто не может проверить, сколько золота и серебра мы

добываем на самом деле, поэтому все вынуждены верить нам на слово...

— Но если ваши махинации раскроют, вас отправят на галеры?

— Почему? Мы же не фальшивомонетчики. И не собираемся ими становиться. Наоборот, мы регулярно пополняем королевскую казну золотом высшей пробы и серебром, она их пробирует и чеканит из них деньги. Когда же прииск в Лангедоке и Аржантьер будут собственностью одного хозяина, мы получим возможность, прикрываясь работами на приисках, быстро увеличить ввоз драгоценных металлов из Испании. Испания буквально наводнена золотом и серебром, которое привезено из Америк, эта страна почти забыла, что такое труд, и живет лишь благодаря продаже сырья другим странам. Лондонские банки служат для нее посредниками. Испания одновременно и самая богатая и самая убогая страна в мире. Если же говорить о Франции, то наши торговые операции, которые невозможно вести открыто из-за порочной системы управления, смогут обогатить страну чуть ли не против ее воли. Но главное, что подобная торговля обогатит нас самих, ведь вложенные деньги будут возвращены в более короткие сроки и со значительными прибылями. Ведь ослицы носят приплод десять месяцев и не могут дать больше десяти процентов прибыли с вложенного капитала.

Анжелика почувствовала, что заинтересовалась этими хитроумными вычислениями.

— А что вы собираетесь делать со свинцом? Он будет лишь прикрытием или он входит в круг ваших коммерческих интересов?

— Свинец - металл очень прибыльный. Он нужен и для охоты, и для войн. За последние годы он очень сильно поднялся в цене и все благодаря королевематери, которая пригласила мастеров из Флоренции

для оборудования ваннных комнат во всех дворцах, как когда-то сделала ее свекровь Мария Медичи. Возможно, вы видели такой зал с римской ванной и свинцовыми трубами в замке дю Плесси.

— Скажите, а маркиз, ваш хозяин, в курсе ваших дел?

Молин снисходительно улыбнулся, устремив свой взор к небесам.

— Увы! Господин маркиз совершил большую ошибку, когда встал на сторону принца Конде против короля. Кажется, сейчас он одумался и отдалился и от принца Конде, и от его окружения, ведь принц Конде заранее приговорен к смертной казни, что однако не мешает ему продолжать военные действия против армии короля. Что касается маркиза дю Плесси, то он сейчас при дворе и снова всеми способами пытается вернуть монаршью милость. Мы очень редко видимся. Я неустанно охраняю его владения, и он знает, что именно благодаря мне его замок не постигла участь замка мессира де Ларошфуко, который разрушили по приказу королевы-матери. Но рудник Аржантьер никак не связан с этими событиями. Он принадлежит вам и вашей семье. Ведь когда-то давно Сансе де Монтелу были сюзеренами Плесси, а не наоборот.

Слова управляющего вызвали в Анжелике хоть и краткое, но удовлетворение.

— Моему отцу известно о торговле золотом и серебром?

— Я думаю, он был бы огорчен, узнав, что через его земли возят испанское золото и серебро. Не лучше ли ему пребывать в уверенности, что те скромные доходы, которые позволяют ему жить, — плод его честного труда?

Анжелику задела презрительная ирония, сквозившая в голосе управляющего, и она довольно сухо произнесла:

— Тогда почему вы удостоили подобной чести меня и рассказали о своих делах, от которых за 10 лье несет галерами?

— Какие еще галеры! Даже если и появятся затруднения с чиновниками в королевской администрации, так пара экю — и все дела улажены. Вот, например, Мазарини и Фуке: они куда более могущественны, чем принцы крови или даже сам король. А все потому, что они сказочно богаты. Вас же я посвятил в наши дела потому, что знаю: вы будете сопротивляться до тех пор, пока не выясните, для чего все затевается. А дело обстоит очень просто. Графу де Пейраку нужен Аржантьер. Ваш отец согласен уступить землю только в том случае, если граф обеспечит будущее одной из его дочерей. Вы не хуже меня знаете, какой он упрямый. Ваш отец ни за что не откажется и от кусочка сродовых земель, если одновременно не сможет реализовать свою заветную мечту: удачно пристроить дочерей. С другой стороны, граф хочет жениться на девушке из знатной дворянской семьи, и он счел этот брак выгодным для себя.

— А что, если я нарушу ваши планы?

— Это будет весьма скверно. Но я надеюсь, вы не хотите, чтобы вашего отца бросили в тюрьму за долги, — очень медленно проговорил Молин, — чтобы ваша семья столкнулась с куда более серьезными трудностями, чем те, с которыми вы сталкивались до сих пор? Вы состаритесь в бедности так же, как и ваши тетушки. Ваши братья и сестры не получат должного образования. Самому маленькому из них, кажется, сейчас исполнилось семь или восемь лет. Боюсь, я не смогу помочь им деньгами, как помог когда-то вам. К тому же вы только представьте, какое будущее ожидает вас без приданого.

Заметив, как глаза Анжелики заблестели от гнева, Молин вкрадчивым голосом добавил:

— Ну зачем вы заставляете меня рисовать столь мрачную картину? Я уверен, что вы сделаны из другого теста, нежели все те бесчисленные дворяне, которые только и умеют, что хвалиться своим гербом и жить на подачки короля... Можно преодолеть трудности, только борясь с ними и поступаясь в чем-то личными интересами. Другими словами — необходимо действовать. Вот по какой причине я не стал от вас ничего скрывать, я хотел, чтобы вы знали все и в частности, в чем состоит смысл вашей жертвы.

Его слова попали точно в цель. Никто и никогда так не разговаривал с Анжеликой, а ведь именно это больше всего соответствовало ее характеру.

Она встрепенулась словно от удара хлыстом. Перед ее глазами встала картина: приходящий в упадок Монтелу, ее маленькие братья и сестры, спящие на соломе, руки матери, покрасневшие от холода, и отец, сидящий за своим небольшим столом и старательно выводящий прошение королю, на которое Его Величество так и не ответил... Все ее существо сопротивлялось предложению Молина и вместе с тем, она не могла допустить, чтобы многолетние усилия отца пропали даром. Анжелика продолжала сомневаться. Она старалась найти подходящие слова, чтобы заставить этого холодного и сурового человека понять, что ее отец, как и она сама не должны ощущать себя вечно обязанными управляющему. Молин не стал бы заниматься делом, если бы не был уверен, что оно будет выгодно ему самому.

Тщательно обдумывая каждое слово, она произнесла:

— Поймите, господин Молин, я прекрасно сознаю, в каком неоплатном долгу нахожусь перед вами. Вы ссудили моему отцу деньги, чтобы я, мои сестры и братья получили хорошее образование в Пуатье, но вместе с тем я убеждена, что для такого опытного и

делового человека как вы не было убыточным делом, которые вы затеяли с моим отцом, особенно с учетом полученных им привелегий.

Губы Молина растянулись в искренней улыбке. Казалось, он был доволен. Он принадлежал к реформистской церкви, которая поощряла воспитание в человеке чувства собственного достоинства, и поэтому столь дерзкая речь Анжелики не вызвала у него протест.

— Да, но, как и в любом другом деле, связанном с коммерцией, мы очень сильно рискуем. Хотя я к этому готов.

— Что же это за риск?

— Ну, например, вы можете не согласиться выйти замуж за графа де Пейрака.

Анжелика от неожиданности даже подпрыгнула. Затем она с удивлением посмотрела на Молина.

Она еще не думала о возможных последствиях своего решения.

Управляющий невозмутимо продолжал:

— Вы ведь у меня спросили, что будет, если... Я вам рассказал, что будет. Вашего отца посадят в тюрьму за долги. Я тоже рискую оказаться в подобной ситуации. Чтобы наше дело потерпело крах, нужна лишь самая малость. Даже сейчас мы держимся на плаву исключительно благодаря помощи графа де Пейрака, которую он оказывает в работах на Аржантьере, а граф не из тех людей, что разрешают пользоваться своей милостью безгранично. Пути назад нет.

Ловушка захлопнулась... Анжелика сдалась. Кому она могла объяснить истинную причину своего возмущения? Кому могла рассказать о своей печали? Кто сможет оценить ту жертву, которую она приносит? И может ли она сама оценить ее?

Молин наблюдал за тем, как бесстрашно она боролась.

Анжелика поймала себя на том, что ощущает ненависть к управляющему, хотя настоящих причин сердиться на него, равно как и на отца, у нее не было. Он открыл ей всю правду. Если вспомнить те трудности, какие они преодолели за минувшие годы, стоило признать, что предприятие было обдуманное и прекрасно организованным, хотя и сомнительным свиду, но в конечном итоге вполне честным, ибо все получали выгоду. Теперь Анжелика поняла, что окончательное решение принимать ей. Лишь от нее зависело, увидит ли отец плоды своего упорного труда: спасенный замок Монтелу и владения де Сансе. Но самым поразительным было то, что от нее одной зависело, выиграет или проиграет пари у судьбы ловкий и предприимчивый Молин, и он тоже...

Управляющий спас их от нищеты.

Настало время расплаты.

Анжелика встала.

— Пусть будет по-вашему, господин Молин, — произнесла она беззвучным голосом. — Я выйду замуж за графа де Пейрака.

Глава 16

Анжелика хотела сразу же уехать. Но исходя из правил учтивости и чувствуя потребность восстановить силы, она поддалась искушению и перекусила печеньем с «капелькой вина».

Затем пришла, как всегда услужливая, госпожа Молин и пригласила Анжелику разделить с ними второй завтрак, хотя полдень давно миновал. Жена управляющего, приветливая и по-матерински заботливая, вся пропитанная запахом свежее испеченного пирога, одним своим присутствием создавала атмосферу доброжелательности и благодушия. Вытирая навернувшиеся на глаза слезы, она заговорила о смерти баронессы де Сансе, которая оказалась тяжелым потрясением как для нее, так и для всех других местных жителей. Анжелика была взволнована и удивлена, поскольку часто слышала, что протестанты — холодные бессердечные люди. Тем не менее семейство Молин было близко ей именно из-за того участия, которое они всегда проявляли по отношению к семье барона де Сансе. Неожиданно Анжелика спросила:

— Господин Молин, а не знаете ли вы, что случилось с моим братом Гонтраном?

— Увы, нет, мадемуазель! Он уехал отсюда около четырех лет назад, отказавшись поступить на службу к королю, хотя в то время дела барона позволяли ему обеспечить сына воинским снаряжением, может, не богатым, но вполне достойным... Ему бы оставалось только доказать свое рвение и храбрость. Но Гонтран не желал об этом слушать. Он говорил, что хочет стать художником.

— Художником?! Ремесленником?!

— Да! Это очень расстроило господина барона и мадам, вашу матушку.

Вот так, следуя по стопам старшего брата Жослена, Гонтран уехал, отказавшись от того, что предназначалось ему по праву рождения. Пока Молин говорил, мимолетная дрожь пробежала по телу Анжелики. Она не могла избавиться от мысли, что братьев, из-за разрыва семейных уз, ожидает печальная участь.

Ее сердце сжалось еще сильнее...

***

Погруженная в свои мысли, ничего не замечая вокруг, она возвращалась домой по знакомым дорожкам. Воздух вокруг благоухал лесными ароматами.

Следом за ней на муле ехал Николя. Впрочем, она больше не обращала на молодого слугу ни малейшего внимания. Анжелика изо всех сил старалась прогнать ощущение неясного страха, которое не покидало ее. Решение было принято. Что бы ни случилось, она не отступит. Поэтому самое верное — смотреть только вперед и безжалостно отгонять любые мысли, способные поколебать ее на пути к осуществлению этого идеально продуманного плана.

Вдруг ее окликнул мужской голос:

— Мадемуазель! Мадемуазель Анжелика!

Она инстинктивно натянула вожжи, и лошадь, которая уже несколько минут шла шагом, остановилась совсем.

Обернувшись, Анжелика увидела, что Николя спрыгнул на землю и предлагает ей сделать то же самое.

— Что случилось? — спросила она.

Он с таинственным видом прошептал:

— Спускайтесь, я хочу вам что-то показать.

Она спрыгнула на землю, и слуга, обмотав поводья лошади и мула вокруг ствола молодой березы, углубился в рощу. Анжелика последовала за ним. Весенний свет, проникающий сквозь молоденькие листочки, был цвета дягиля, цвета ее глаз. В зарослях кустарника, не умолкая, пела какая-то птица.

Николя шел, наклонив голову, внимательно оглядываясь вокруг. Затем он опустился на колени и, поднявшись, протянул Анжелике пригоршню душистых красных ягод.

— Первая земляника, — сказал он, лукаво улыбаясь и сверкая карими глазами.

— О, Николя, не стоит, — возразила Анжелика.

От охвативших ее чувств на глазах выступили слезы, ведь от жеста юноши так веяло детством, чарующим миром Монтелу с прогулками по лесу, опьяняющим ароматом боярышника, прохладой, струящейся от каналов, по которым Валентин катал ее на лодке, ручьями, где они ловили раков. Без сомнения, Монтелу, где сладковатое, таинственное дыхание болот смешивается с резким ароматом окутанного тайной леса, не походило ни на одно другое место на земле...

— Помнишь, как мы тебя называли, — прошептал Николя, — Маркиза Ангелов...

— Глупый, — ответила Анжелика дрожащим голосом, — Николя, ты не должен...

Но вот уже сама, как и в детстве, она брала губами нежные и сладкие ягоды прямо из его протянутых ладоней. И, как тогда, Николя стоял совсем рядом, но теперь некогда худенький подвижный мальчуган с лицом, напоминавшим беличью мордочку, превратился в юношу значительно выше ее; в вырезе его рубашки она видела смуглую, заросшую черными волосами грудь, вдыхала исходящий от него особенный мужской запах. Она слышала, как медленно поднимается и

опускается в дыхании его грудь, и это настолько ее взволновало, что Анжелика не осмеливалась поднять голову, боясь встретиться с его дерзким и жарким взглядом.

Она снова склонилась к землянике, поглощенная упоительным занятием, которое в действительности имело для нее особый смысл.

«Последний раз Монтелу! Последний раз им насладиться! — думала она. — Все самое лучшее, что я здесь пережила, находится в этих руках, в загорелых руках Николая».

Нежный аромат земляники почти успокоил ее. Беря одну ягоду за другой из рук друга, Анжелика постепенно забывала напряженную атмосферу утра, досадные слова отца, омрачившие прогулку, которой она так радовалась, а кроме того жесткий и суровый разговор с управляющим гугенотом, таким методичным и неумолимым под маской вежливости.

Она наконец успокоилась, вновь обрела в Монтелу все то, что было для нее таким родным, добрым и необходимым.

Николя, казалось, догадался, что с ней происходит. Но Анжелику не смущало, что он понял ее слабость и особое опьянение, толкнувшее ее к нему. Он был воплощением Монтелу — его запахов, его томности, его таинственности.

Анжелику мучали сомнения.

Управляющий Молин возложил на нее груз, который не готова нести юность и еще оставалось время сказать нет. Анжелика вдруг почувствовала себя свободной, словно она сбросила давившую на нее тяжесть.

А если бы ничего не случилось? Если бы она не приняла решения?.. Остаться! Снова жить в Монтелу!

Как легко было бы жить как раньше, отдаваясь медленному течению почти неподвижных зеленых вод, или по-прежнему бегать по тропинкам, выющимся среди

мхов и корней в глухой чаще леса! Утонуть в зелени Монтелу! Посвятить себя бесконечным открытиям под покровом листвы развесистых ветвей. И разве не было у нее среди этой роскошной природы цели, которую надо выполнить, миссии, зов которой она не переставала слышать?..

Близкое присутствие Николая усилило колдовское ощущение, завладевшее ею, парализуя ее решимость сдержать обещание, данное Молину. В руках Николая уже не было земляники, но Анжелика продолжала стоять неподвижно.

Таинственным и загадочным голосом, призванным очаровать ее — и Анжелика готова была признать, что у Николая это неплохо получалось, — друг-пастушок ее детства прошептал новость, способную удержать ее навсегда.

— В скале в пещере теперь живет другая колдунья. Она совсем не похожа на первую, но все наши зовут ее Мелюзиной.

Эти слова вернули Анжелику с небес на землю. Она ощутила внезапную боль, как от удара ножом в сердце.

И тут же взяла себя в руки. Он совершил ошибку, напомнив ей о колдунье Мелюзине.

Мелюзина, повешенная в лесу из-за глупости людей... Анжелике вдруг показалось, что Мелюзина зовет ее, но одновременно и запрещает возвращаться.

Вердикт был вынесен. Голос, пришедший издалека, из-за пределов рощи, кричал: «Уходи!»

Она пристально посмотрела на Николая, от разочарования его лицо приняло жесткое выражение.

Нет! Монтелу не может возродиться! Нить давно оборвана. Она сама так решила, еще у Молина. Анжелика закрыла глаза и, откинув голову назад, прислонилась к стволу дерева.

— Послушай, Николая...

— Я слушаю тебя, — ответил он на местном наречии.

Она ощущала на своей щеке его горячее дыхание с запахом сидра. Он стоял очень близко, почти вплотную, и словно окутывал ее теплом своего крепкого тела. Но он не прикасался к ней, и больше того она вдруг заметила, что Николая намеренно держал руки за спиной, чтобы устоять перед соблазном ее схватить и сжать в объятиях. Анжелику поразило его выражение — страшный, без тени улыбки, в котором читалась мольба, лишенная всякой двусмысленности. Еще никогда Анжелика не ощущала так сильно страсть мужчины, еще никогда так ясно не осознавала, какое желание будит ее красота. Влечение юного пажа в Пуатье было лишь детской игрой, забавой молодого зверька, который проверяет силу своих когтей.

Теперь Анжелика столкнулась совсем с другим — с чем-то могущественным и первобытным, старым, как мир, как земля, как буря. Девушка испугалась. Будь она более опытной, она бы не устояла перед таким зовом плоти. Ее тело трепетало, ноги дрожали, но она все же отпрянула от Николая, как лань от охотника.

Она не представляла, что могло произойти, кроме того, затаенная жестокость во взгляде юноши насторожила ее. Неизвестность, что ее ждала, и неистовая сила, которую она ощущала в молодом человеке, напугали ее.

— Не смотри на меня так, Николая, — произнесла она, с усилием придавая голосу твердость. — Я хочу тебе сказать...

— Я знаю, что ты хочешь мне сказать, — глухо перебил он. — Я читаю это в твоих глазах и в том, как ты вскидываешь голову. Ты мадемуазель де Сансе, а я слуга... И теперь мы не можем даже смотреть друг другу в лицо. Я должен опускать голову! Хорошо, мадемуазель... Да, мадемуазель... А твои глаза смотрят сквозь меня и не видят... Я для тебя как бревно, хуже собаки. Некоторые маркизы в своих замках заставляют

лакеев мыть себя, ничего особенного, перед ними можно показаться и голой!.. Ведь лакей — не мужчина, а вещь... вещь, которая служит. Теперь и ты будешь обращаться со мной так же?

— Замолчи.

— Хорошо, я замолчу.

Он тяжело дышал, но с закрытым ртом, словно больное животное.

— Напоследок я тебе скажу, скажу прежде, чем замолчу, — снова начал он, — в моей жизни была только ты. Я понял это, лишь когда ты уехала. Несколько дней я был как сумасшедший. Это правда, я — лентяй и бегаю за девками, мне противно возиться с землей и со скотом. И я, точно неприкаянный, не могу найти себе места, болтаюсь то тут, то там, и сам не знаю, зачем это нужно... Мое место — рядом с тобой. И когда ты вернулась, я не мог больше ждать, не зная, осталась ли ты моей или я тебя потерял. Да, я дерзок и не знаю стыда. Но если бы ты только захотела, ты бы стала моей прямо здесь, в этом маленьком лесу, в нашем лесу, на поросшей мхом земле Монтелу, принадлежащей лишь нам двоим, как раньше! — закричал он.

Испуганные звуком голоса птицы смолкли в ветвях.

— Ты болтаешь вздор, мой бедный Николая, — нежно ответила Анжелика.

— Вовсе нет, — произнес юноша, чья бледность внезапно выступила из-под загара.

Она встряхнула длинными волосами, которые все еще носила распущенными по плечам, и в свою очередь заговорила на местном диалекте тоном, в котором ясно слышалась нотка гнева:

— Как ты хочешь, чтобы я с тобой разговаривала? Хочу я этого или нет, я отныне не вправе выслушивать любовные признания пастуха. Я скоро выйду замуж за графа де Пейрака.

— За графа де Пейрака... — повторил Николая потрясенно.

Он отступил на несколько шагов и молча посмотрел на нее.

— Так то, о чем говорят у нас, правда? — воскликнул ошеломленный парень. — Граф де Пейрак. Вы!.. Вы! Вы выйдете за этого человека?

— Да.

Она не хотела задавать вопросов, она ответила «да», и этого было достаточно. Она на все сейчас отвечала бы только «да», до самого конца лишь одно «да».

Она шла по узкой тропинке к дороге, по пути нервно сбивая хлыстом нежные побеги боярышника, что рос у обочины.

Лошадь и мул дружно паслись на опушке леса. Николая отвязал их. Опустив глаза, он помог Анжелике забраться в седло. Внезапно она схватила шершавую руку слуги, заставив того остановиться.

— Николая, скажи мне, ты знаешь его?

Он поднял на нее глаза, и она увидела в них злую усмешку.

— Да... я видел его... Он много раз приезжал сюда. Этот мужчина так уродлив, что девушки разбегаются, когда он проезжает мимо на черном коне. Он хромой, как дьявол, и такой же страшный. Говорят, в своем замке в Тулузе он увлекает женщин любовными напитками и странными песнями. И те, кого он заманивает, исчезают навсегда либо сходят с ума. О, у вас будет прекрасный супруг, мадемуазель де Сансе!

— Говоришь, он хромой? — повторила Анжелика, чьи руки стали холодными, как лед.

— Да, хромой! ХРОМОЙ! Спросите любого, все вам ответят: Великий Лангедокский Хромой.

Он расхохотался и направился к мулу, нарочито хромая.

Анжелика хлестнула лошадь и пустила ее в галоп. Она мчалась сквозь кусты боярышника, убегая от насмешливого голоса, повторяющего: «ХРОМОЙ! Хромой!..»

***

Она уже въезжала во двор Монтелу, когда следовавший за ней всадник пересек подъемный мост. По его потному запыленному лицу и по коротким штанам с кожаными нашивками она тут же определила, что это посыльный.

Сначала никто не мог понять, о чем он спрашивает, так как он произносил слова с таким необычным акцентом, что понадобилось некоторое время, чтобы убедиться, что он все-таки говорит по-французски. Он вынул письмо из маленькой железной коробочки и протянул его подоспевшему барону де Сансе.

— Бог мой, завтра приезжает мессир д'Андижос, — вскричал барон взволнованно.

— Это еще кто такой? — спросила Анжелика.

— Друг господина графа. Мессир д'Андижос должен на тебе жениться...

— Как? И он тоже?

— ...по доверенности, Анжелика. Дай мне закончить фразу, дитя мое. Черт возьми, как говаривал ваш дедушка, хотел бы я знать, чему тебя научили монахини, если они даже не сумели внушить тебе должного почтения к отцу. Граф де Пейрак посылает лучшего друга как представителя на первой брачной церемонии, которая состоится здесь, в часовне Монтелу. Второе церковное благословение будет дано в Тулузе. На той церемонии — увы! — твоя семья не сможет присутствовать. Маркиз д'Андижос будет тебя сопровождать до самого Лангедока. Хм, южане —

быстрый народ. Я знал, что они уже выехали, но не ждал их так скоро.

— Как я вижу, на мое согласие времени было с избытком, — с горечью прошептала Анжелика.

***

На следующий день, незадолго до полудня, двор наполнился скрипом каретных колес, конским ржанием, звонкими криками и быстрым говором. В Монтелу пожаловал сам Юг.

Маркиз д'Андижос, жгучий брюнет, с усами в форме «острия кинжала» и горящим взглядом носил рингравы из желтого и оранжевого шелка, которые искусно маскировали излишнюю полноту весельчака. Он представил своих спутников. Двое из них, граф де Карбон-Доржерак и юный барон Сербало, должны были стать свидетелями на свадьбе.

Во дворе замка барон де Сансе приказал расставить оловянные кубки и кувшины вина с виноградников Шайе. Гости умирали от жажды. Однако, сделав глоток, маркиз д'Андижос отвернулся и, ловко сплюнув прямо на землю, сказал:

— Во имя святого Паулина! Господин барон, ваши пуатевинские вина обдирают мне язык! Вино, что вы мне подали — кислое до зубовного скрежета. Эй, гасконцы, тащите-ка бочки!

Его бесхитростная простота, певучий акцент и чесночный запах изо рта не только не вызвали неприязни у барона де Сансе, а напротив, очаровали. Он помнил то время, когда даже принцы выражались напрямик и обходились без манер. Так, в Парижском Лувре или в Пуатье, когда барон состоял на службе у Людовика XIII, он видел, как король, шокированный неприличным декольте молодой женщины, взял бокал красного вина и вылил его в то, что он назвал

«кропильницей дьявола». И в то время как бедная девушка, вся мокрая, едва не лишилась чувств, отец Вассо, иезуит и духовник королевы, заметил с серьезным выражением лица, что «эта грудь стоит такого глотка», подтвердив тем самым, что даже среди иезуитов встречаются шутники.

— Эту историю знают наизусть! — прошептала малышка Мари-Аньес, локтем толкнув Анжелику.

Однако у будущей невесты не было сил даже улыбаться. Накануне она столько трудилась, пытаясь с тетушкой Пюльшери и кормилицей придать их замку приличный вид, что теперь чувствовала себя совершенно разбитой и словно одеревеневшей. Впрочем, так даже лучше — зато сейчас она не в состоянии даже думать.

Она надела свое самое элегантное платье, сшитое в Пуатье, тоже серого цвета, но с несколькими крошечными голубыми бантами на корсаже: серая уточка среди сеньоров, украшенных разноцветными лентами. Она и не знала, что ее пылающее как налитое яблочко личико, такое нежное с тонкими чертами, которое подчеркивал большой жесткий кружевной воротник, ослепительно само по себе. Все три сеньора то и дело поглядывали на Анжелику с восхищением, скрывать которое пылкие южане не могли. Они осыпали ее комплиментами, но смысла половины из них она не понимала, потому как говорили они очень быстро и с невероятным акцентом, который, казалось, преображал любое заурядное слово, подобно солнечным лучам.

«Неужели я буду слышать такую речь всю оставшуюся жизнь?» — с тоской подумала Анжелика.

Лакеи тем временем вкатили большие бочки, поставили на козлы и тут же принялись их сверлить. Едва сделав отверстие, в него тотчас вставляли деревянный кран; однако струя из бочек вырывалась в

этот короткий промежуток и оставляла на полу большие розовые или красновато-золотистые лужи.

— Сент-Эмильон, — объявлял граф де Карбон-Доржерак, который был родом из Бордо, — Сотерн, Медок.

Он объяснил, что дабы не подвергать божественный нектар тряске во время пути, вино поместили на корабль прямо в Бордо в бочках, которые хорошо закрепили в трюме и таким образом доставили до устья Севр-Ньортез. Из красивого порта Маркуса плоскодонки пуатевинских болот, управляемые шестами, направились вверх по реке и ее излучинам, вдоль островков и берегов «Зеленой Венеции», встречая дома и замки, чьи фундаменты утопали в воде, а крыши — в зелени. Радужным хозяевам этих мест оставили подарки из солнечного края, которые осветят новым светом вечный шарм озер. Достигнув Ньора, близкого к цели их плавания, люди, что везли бордоские бочки, соединились с конным караваном из Лангедока под началом д'Анджоса. Словоохотливый и бурно жестикулирующий маркиз продолжил рассказ, объяснив, что на набережной того же Ньора, где происходила выгрузка, он арендовал склад и надлежало вознаградил сторожа, чтобы оставить часть привезенного на хранение. Отсюда в течение долгих лет барон де Сансе сможет пополнять свои запасы божественными винами, черпая из живительного нектара силу и мужество, чтобы пережить печаль от разлуки с дочерью, увезенной в далекий край.

Так решил граф де Пейрак, пожелавший поддержать будущего тестя в его испытании. Он не знал лучшего лекарства от печали, чем старое доброе вино. И сейчас при виде новобрачной сеньоры с Юга в полной мере осознали степень жертвы, на которую пошла семья невесты, и порадовались предусмотрительности графа, которая позволит им

оставить семью девушки в хороших руках — если можно так выразиться — в руках бога Бахуса!

Опьяненные скорее речами, чем напитками, жители Монтелу с осторожностью пробовали столь превозносимые сорта вин.

Однако вскоре Дени и трое младших де Сансе заметно повеселели. Винные пары ударили в голову. Анжелика увидела, что отец смеется и, не стесняясь ветхого белья, распахнул полы старомодного камзола. А сеньоры южане расстегнули короткие куртки без рукавов — весты^[80]. Один из них снял парик, чтобы вытереть вспотевший лоб. Все общество прошествовало в большую залу. Анжелика и Пюльшери расстелили скатерть на столе и проворно расставили большие красивые бокалы, которые ловко вынули из наполненных соломой сундуков. В бокалы то и дело подливали жидкость, играющую на свету всеми оттенками красного, золотистого и янтарного.

— Пейте! Пейте! — раздавались голоса.

Анжелика решила принести пирожные и маленькие пирожки, которые вчера испекла вместе с тетушкой. Она заметила, что гости охотно набросились на угощение. Занятые перевозкой дорогого вина, которое предназначалось для родственников будущей жены, они выехали из Ньора на рассвете и должно быть не успели подкрепиться в дороге.

Без конца прибывали и открывались все новые сундуки, полные удивительных вещей. Для детей там были мешочки со стеклянными шариками, шляпы с перьями, конская сбруя с колокольчиками для их любимых лошадей, а также потрясающая шпага с ножнами, украшенными золотыми и серебряными узорами, и перевязь из дорогой кожи с голубой атласной тесьмой для Дени, который, восхищенный, взял ее и держал словно свечу.

Сопровождая жесты любезными речами, добродушный Андижос надел на толстые плечи тетушки Жанны и тощие — доброй Пюльшери ожерелья в несколько рядов, составленные, по словам маркиза, из пиренейских камней — блестящих кристаллов с сиреневым отливом и драгоценных гранатов. Тетушка Жанна, украшенная, как королева-регентша, не могла удержаться от широкой улыбки, увидев в поднесенном пажом зеркальце свое отражение.

Среди обилия подарков, которые семья де Сансе не могла себе представить в самых заоблачных мечтах, сердце Анжелики наполнилось неопределенной тоской, и это чувство мешало присоединиться к всеобщему веселью. Но она изо всех сил старалась себя перебороть. Потом кто-то поднес к ее губам бокал, и, наконец, она забылась. Монтелу вокруг нее преобразился.

На кухне Фантина Лозье угощала наваристым супом, колбасами и большим куском мяса тех, кого она высокомерно называла «прислугой», но очень скоро ее радушная натура взяла верх и она принялась чествовать приезжих со свойственным ей гостеприимством.

С повозки спустились музыканты: два скрипача и один флейтист. Они расположились в углу двора и немного посоветовавшись, заиграли обаду^[81].

Мари-Аньес, вцепившись в руку старшей сестры, звонким голосом закричала ей в ухо:

— Анжелика, ну идем же! Анжелика, скорее пойдем наверх, в твоей комнате такие чудесные вещи...

Анжелика дала себя увести.

В просторной комнате, где она столько лет спала вместе с Ортанс и Мадлон, стояли большие сундуки из сыромятной кожи, обитые железом, которые тогда называли «гардеробами». Лакеи и служанки уже

открыли их и выкладывали содержимое на пол и в колченогие кресла. На огромной кровати Анжелика обнаружила зеленое платье из тафты цвета ее глаз. Корсаж на китовом усе был украшен тончайшим кружевом, а спереди сплошь усеян бриллиантами и изумрудами, нашитыми в форме цветов. Таким же цветочным рисунком была отделана верхняя бархатная юбка черного цвета. Ее полы по бокам приподнимали брильянтовые аграфы.

— Ваше свадебное платье, — сказал маркиз д'Андижос, который вошел в комнату вслед за сестрами. — Граф де Пейрак очень долго искал среди тканей, заказанных из Лиона, ту, которая бы подошла к цвету ваших глаз.

— Но он никогда их не видел, — возразила Анжелика.

— Господин Молин описал их очень подробно: море, которое видишь с берега, когда солнечные лучи пронизывают его до самого песчаного дна...

— Чертов Молин! — воскликнул барон. — Вы не заставите меня поверить, что он так поэтичен! Я подозреваю, маркиз, что вы несколько приукрасили его слова, чтобы заставить улыбнуться невесту, польщенную таким вниманием со стороны будущего мужа.

— А это! И это! Посмотри, Анжелика! — повторяла Мари-Аньес, чье личико, напоминающее мордочку маленькой пугливой мышки, светилось от возбуждения.

Вместе с двумя маленькими братьями, Альбером и Жан-Мари, она вертела в руках изысканное белье, открывала коробочки, где лежали ленты, кружевные украшения и веера из пергамента и перьев. Там еще был очаровательный дорожный несессер из зеленого бархата с подкладкой из белого дамаста, окованный позолоченным серебром. В нем находились две щетки, золотой футляр с тремя гребнями, два маленьких

итальянских зеркальца, квадратная подушечка для булавок, два чепчика, ночная рубашка из тонкого батиста, подсвечник из слоновой кости и зеленый атласный мешочек с шестью восковыми свечами. Было еще множество более простых, но не менее элегантных платьев, перчатки, пояса, маленькие золотые часики и бесконечное количество вещей, о назначении которых Анжелика даже не догадывалась. Как, например, маленькая перламутровая коробочка, в которой на покрытой клеєм тафте находились разные по форме крохотные кусочки черного бархата.

— Это мушки, считается хорошим тоном приклеивать их, чтобы подчеркнуть цвет кожи и красоту лица, — пояснил граф де Карбон.

— У меня не настолько светлая кожа, чтобы была необходимость ее так подчеркивать, — ответила Анжелика, закрывая коробку.

Находясь под впечатлением от увиденного, она радовалась как ребенок и в то же время впервые ощутила восторг женщины, которую инстинктивно тянет к нарядам и всему красивому.

— А что вы скажете об этом? — спросил маркиз д'Анджос. — Это сияние тоже не подойдет к вашему оттенку кожи?

Он открыл плоский футляр, и в комнате, где толпилась служанки, лакеи и работники с фермы, раздался дружный возглас изумления, а затем восхищенный шепот. На белом атласе сверкало ожерелье ослепительного, в три ряда, жемчуга с золотистым отливом. Лучшего украшения для юной невесты нельзя было и придумать. Набор дополняли жемчужные серьги и две нитки более мелкого жемчуга, которые Анжелика сначала приняла за браслеты.

— Это украшения для волос, — объяснил маркиз д'Анджос, который, несмотря на брюшко и манеры вояки, подобно пажу разбирался в тонкостях моды. —

Нужно приподнять волосы, хотя, по правде говоря, я не очень-то представляю, как это делается.

— Я причешу, мадемуазель, — вмешалась в разговор высокая крепкая служанка, приближаясь к Анжелике.

Она была молода, но удивительным образом походила на Фантину Лозье. То же сарацинское пламя — память о давних нашествиях — опалило ее кожу. Обе женщины бросали друг на друга враждебные взгляды.

— Это Маргарита, молочная сестра графа де Пейрака. Она прислуживала самым знатным дамам Тулузы и подолгу жила вместе с хозяевами в Париже. Отныне она будет вашей горничной.

Служанка ловко подняла тяжелые золотистые волосы Анжелики и искусно обвила их жемчугом. Затем она решительно вынула из ушей девушки скромные сережки, подаренные бароном на первое причастие, и вдела роскошные серьги. Настала очередь ожерелья.

— Ах! Вырез у платья должен быть больше! — воскликнул барон Сербало, чьи черные, как лесная ежевика после дождя, глаза разглядывали декольте Анжелики.

В ответ маркиз д'Анджос, не церемонясь, стукнул его тростью по голове.

— Не забывайте о приличиях, барон!

С зеркалом в руках к Анжелике подбежал паж.

Она увидела себя в новом облике. Все в нем казалось сияющим, вплоть до гладкой кожи, едва тронутой румянцем на скулах. Внезапная радость заполнила ее, поднявшись до самых губ, которые расцвели в очаровательной улыбке.

«Я красива», — подумала она. Но тут все окуталось туманом, и ей показалось, будто из глубины зеркала она слышит ужасный, насмешливый голос:

— Хромой! Хромой! Страшнее дьявола! Ах, у вас будет прекрасный супруг, мадемуазель де Сансе!

***

Свадьбу по доверенности запланировали провести через три дня. Предполагалась скромная церемония благословения в часовне замка на закате дня, а затем большой банкет с новобрачными во главе, родственниками, именитыми гостями, владельцами соседних замков и дворянами, приехавшими издалека.

Однако люди по всей округе начали праздновать заранее. Празднества в честь такого великого события должны были длиться несколько дней и продолжиться даже после отъезда невесты. В Монтелу устроили фейерверк, в воздух взлетали ослепительные ракеты и петарды. Вокруг замка вплоть до соседних лугов тянулись накрытые столы с кувшинами вина и сидра, разными сортами мяса и фруктами. Крестьяне, то и дело подходившие туда угоститься, подтрунивали над гасконцами и тулузцами, чьи бискайские барабаны, лютни, скрипки и соловьиные голоса посрамили деревенских музыкантов с их виолами и свирелями. Впрочем, последние вовсе не собирались покидать свои помосты и продолжали играть для неистовых танцоров бранля и буре.

***

В последний вечер перед отъездом невесты в далекий Лангедок, во дворе замка устроили пир, на который пригласили именитых соседей и владельцев окрестных поместий. Пришел и господин Молин с женой и дочерью.

В большой комнате, где она в детстве столько раз по ночам прислушивалась к поскрипыванию флюгера на крыше старого замка, Анжелика ждала кормилицу, чтобы та помогла ей одеться для церемонии.

В спальне поставили большое зеркало, в которое Анжелика могла видеть себя во весь рост. Барон тогда прошептал: «Такие зеркала есть только в королевских апартаментах!»

День клонился к вечеру, красный свет заката освещал все вокруг. Кормилица долго с любовью причесывала великолепные волосы Анжелики. «Прекрасные волосы», — то и дело раздавались вокруг нее восхищенные голоса.

Анжелика двумя руками приподняла локоны, и они, словно ореол, осветили ее лицо, черты которого были подобны изображениям святых, достойных людского поклонения. Лицо, в которое так жадно вглядывался Николя в тот день на лесной тропинке. Слуга был красив. Вспомнив о нем, Анжелика нетерпеливо встряхнула головой и пышные пряди разметались по плечам, словно золотой плащ. Она тоже красива — ей часто это повторяли. Она могла спасти семью благодаря своей красоте. Ее вновь охватила гордость. К чувству гордости примешивались и тоска, и радость, ведь она любила родных. Но больше всего ее обуревал дух бунтарства... Обуревал настолько, что она готова была сбежать.

В комнату вошла Фантина, торжественно неся волны зеленого шелка.

— Вот платье для твоего обручения!

Кормилица всегда умела подбирать слова. Обручение! Пожалуй, самое подходящее слово для церемонии, целью которой было лишь официально скрепить подписями в договоре брачные узы.

Благословение подставного жениха и невесты деревенским священником прошло быстро и в присутствии только членов семьи и свидетелей. Тем не менее на пиршестве, которое ей предстоит возглавить, она уже будет графиней де Пейрак.

Фантина подала ей бирюзовый корсаж и прикрепилла украшенную драгоценными камнями шемизетку на груди.

— Как ты красива! Ах! Как же ты красива, птичка моя! — вздыхала она горестно. — Грудь у тебя такая упругая, что не нуждается во всех этих корсетах. Смотри, чтобы пластины корсета не сдавливали ее. Пусть лучше будет посвободнее.

— Кормилица, а декольте не сильно глубокое?

— Знатной даме положено, чтобы грудь была видна. Как же ты красива! И подумать только, для кого, великий Боже! — приглушенно вздохнула Фантина.

Анжелика заметила, что по лицу доброй кормилицы текут слезы.

— Не плачь, кормилица, иначе я лишусь остатков мужества.

— Да, увы, девочка моя, мужество тебе понадобится! Наклони голову, я застегну ожерелье. А с жемчугом для волос пускай Марго разбирается; я, признаться, ничего не смыслю в этих изысках! Ах! Голубка моя, мое сердце разрывается от одной мысли, что в вечер твоей свадьбы тебя будет мыть и одевать дылда, от которой за сто метров несет чесноком и дьяволом! Ах! Сердце просто разрывается!

Она встала на колени, чтобы поправить шлейф платья, и Анжелика услышала, как Фантина зарыдала.

Анжелика в жизни не могла представить кормилицу в таком отчаянии, ведь обычно та, напротив, страшно радовалась, когда у кого-нибудь намечалась свадьба. От столь неожиданной реакции тревога, мучившая ее сердце, усилилась.

Все еще стоя на коленях, Фантина Лозье прошептала:

— Прости, девочка моя, что не смогла тебя защитить. Я, выкормившая тебя собственным молоком.

Но вот уже много дней, слыша разговоры об этом мужчине, я не в силах сомкнуть глаз.

— А что о нем говорят?

Кормилица поднялась с пола и посмотрела на Анжелику взглядом пророчицы.

— Золото! Полон замок золота...

— Но ведь не грех иметь много золота, кормилица. Посмотри, какие подарки он мне прислал. Я просто в восторге.

— Не обманывайся, девочка моя. Это проклятое золото. Он создает его с помощью своих реторт и приворотных зелий. Паж, который так хорошо играет на тамбурине, Энрико, сказал мне, что в графском замке в Тулузе, красном как кровь, есть помещения, в которые никого не впускают. Вход туда охраняет совсем черный человек, такой же черный, как днища моих котелков. Как-то раз, когда охранника не было на месте, Энрико увидел в приоткрытую дверь большую залу, всю заставленную стеклянными шарами, ретортами и трубками. И все вокруг свистело и кипело! И вдруг вспыхнул огонь, и раздался такой грохот, что Энрико сбежал.

— У паренька просто богатая фантазия, как у всех южан.

— Увы! По лицу было видно, что он не врет и так напуган, что ошибиться нельзя! Граф де Пейрак наверняка получил могущество и богатство от дьявола. Настоящий Жиль де Рец! Вот кто он такой! Жиль де Рец, который к тому же еще не из Пуату!

— Не говори глупостей, — резко ответила Анжелика.

— Никто никогда не рассказывал, что он ел маленьких детей.

— Но зато он странными чарами увлекает женщин. В его дворце происходят оргии. Говорят, что архиепископ Тулузы изобличил его пороки прямо с церковной кафедры, обвинив в связях с нечистой силой

и в распутстве. Его слуга, язычник, вчера на кухне с диким хохотом рассказывал мне, что после церковной проповеди граф де Пейрак велел своим людям поколотить пажей и носильщиков архиепископа. И что они дрались прямо в соборе. Можешь ли ты представить подобную гнусность у нас? Где, ты думаешь, он берет все золото, которым владеет? Родители оставили ему в наследство лишь долги да заложенные земли. И он не лебезит ни перед королем, ни перед другими знатными вельможами. Говорят, что когда господин герцог Орлеанский, наместник Лангедока, приехал в Тулузу, граф отказался преклонить перед ним колена под предлогом, что ему трудно. А когда Месье, нисколько не рассердившись, заметил графу, что мог бы для него добиться милостей при дворе, то Пейрак ответил, что...

Фантина прервалась, усердно втыкая булавки в юбку, хотя она и без того уже сидела безукоризненно.

— Так что он ответил?

— Что... что даже будь у него длиннее рука, его короткая нога не станет длиннее. Какая дерзость!

Анжелика рассматривала себя в маленькое круглое зеркальце от дорожного несессера, проводя пальчиком по бровям, искусно выщипанным горничной Маргаритой.

— Значит, правду говорят, что он хромой? — спросила Анжелика, стараясь говорить как можно более безразлично.

— Увы, правда, голубка моя! Ах! Иисус! А ты так прекрасна!

— Замолчи, кормилица. Я устала от твоих вздохов... Позови Марго, чтобы она меня причесала.

Однако Фантину было не остановить.

— Я должна... Я должна тебя предупредить, — произнесла она решительно. — Мне рассказали, что на

самом верху его дворца есть комнатка с золотым замком, куда может входить только он один.

— И за этой дверью, как в легенде, останки жен, которых он убил?

— Кто знает... — мрачно вздохнула Фантина.

— Да подумай ты! У графа де Пейрака никогда не было жен! Я буду первой.

— Кто знает?! — повторила Фантина и несколько раз покачала головой.

Все что было выше ее понимания, казалось кормилице окутанным опасной тайной, которую она никогда не стремилась разоблачить.

— Возможно, все это болтовня! Пустые рассказы! Но как бы там ни было, в тех краях хорошо помнят великого Прево, который убивал благородных дам с помощью дьявола, его пособника.

Анжелика, которая пыталась слушать только краем уха, испуганно вскрикнула:

— Он?

— Нет! Не сам граф — один из его предков. Но тут недалеко и до...

— Хватит, кормилица! — гневно закричала Анжелика. — Хватит рассказывать мне ужасные байки! Зови Марго! И не смей больше говорить так о графе де Пейраке. Не забывай, что отныне он мой муж.

***

Наступила ночь, однако факелы освещали двор и было светло как днем.

Музыканты с Юга, собравшись на крыльце, увлеченно играли на инструментах, сопровождая музыкой шум разговоров, которые становились все громче и громче.

Анжелика села на свое место рядом с маркизом д'Андижосом. Все происходящее казалось ей дурным

сном. Несмотря на то что она защищалась изо всех сил, слова кормилицы, которые еще в детстве ей казались пророческими, глубоко потрясли Анжелику. Впрочем, дело сделано! Она вышла замуж! Правды ради надо признать, что Фантина Лозье ничуть не изменилась. Выбирая между разными версиями одного и того же, она всегда склонялась к наиболее трагической. Но на этот раз слухи, рассказанные няней, удивительным образом совпадали с пугающими словами Николая. И на этом фоне медоточивые, чересчур разумные слова Молина отошли на второй план. Управляющий заботился лишь о том, чтобы устроить хорошую сделку. Впрочем, и Анжелику поначалу успокаивала и поддерживала мысль о спасении семьи. Но теперь и она не ободряла девушку. В ее душе остался лишь страх.

Она заметила среди приглашенных месье Молина с женой и дочерью, но большую часть гостей, весело праздновавших ее свадьбу за столами, ломящимися от яств, Анжелика не знала или не узнавала. Внезапно она попросила позвать деревенского музыканта, который аккомпанировал вилланам, плясавшим на лугу у подножия замка. Ее ухо не привыкло к томным мелодиям, что исполняются при дворе для знатных вельмож. Еще раз ей хотелось услышать нежный мюзет и кричащую волынку, дерзкие звуки свирели и глухой стук крестьянских сабо.

Однако ее просьбу не услышали, то ли оттого, что ее голос прозвучал не так громко, как ей хотелось, то ли оттого, что в атмосфере приятной расслабленности от хорошей еды и славной компании никто не понял смысла сказанного.

Небо было усеяно звездами, но в воздухе висела легкая дымка, создавая вокруг луны золотистый ореол. К столам без конца подносили новые блюда и кувшины с вином. Перед Анжеликой появилась корзина с теплыми круглыми булочками, которую держали до тех

пор, пока она не подняла глаза на того, кто ее принес. Она увидела высокого плотного мужчину, одетого в добротный светло-серый костюм, который обычно носят мельники. Воротник и каноны на чулках были из тонкого кружева. А поскольку мука ему ничего не стоила, он обильно, как знатные господа, напудрил ей волосы.

— А вот и Валентин, сын мельника! Он пришел засвидетельствовать свое почтение новобрачной! — вскричал барон Арман.

— Валентин, — с улыбкой сказала Анжелика, — я еще не видела тебя после возвращения домой. Ты все еще плаваешь по каналам на лодке, собирая дягиль для ньельских монахов?

Ничего не ответив, молодой человек низко поклонился. Подождав, пока Анжелика возьмет булочку, он поднял корзину и передал по кругу. А сам растворился в толпе и в ночи.

«Если бы все замолчали, я бы услышала кваканье лягушек, — подумала Анжелика, — возможно, если я вернусь сюда через несколько лет, то уже не услышу их, потому что во время работ болота осушат, и лягушки исчезнут».

— Вы просто обязаны это попробовать, — сказал ей на ухо маркиз д'Андижос.

Он подвинул к ней блюдо, не очень аппетитное на вид, но с тонким ароматом.

— Это рагу из зеленых трюфелей, совсем свежих, их привезли из Перигора. Знайте же, что трюфели — божественны и волшебны. Нет более изысканного блюда, чтобы подготовить тело юной новобрачной к принятию от мужа выражения его чувств. Трюфель придает пылкость, оживляет кровь и делает кожу особенно чувствительной к ласкам.

— В таком случае я не вижу никакой необходимости есть их сегодня, — холодно ответила Анжелика,

отодвигая от себя серебряную миску. — Принимая во внимание, что я не увижу мужа еще несколько недель...

— Но вам надо готовиться к встрече, мадам. Поверьте мне, трюфель — лучший друг супружества. Если вы будете их есть изо дня в день, то в брачную ночь станете сама нежность.

— В наших краях, — с усмешкой сказала Анжелика, глядя ему прямо в лицо, — перед Рождеством гусей откармливают укропом, чтобы их мясо стало более сочным, когда их поджарят и подадут в рождественскую ночь!

Подвыпивший маркиз расхохотался.

— Ах! Как бы я хотел быть тем, кто скушает такую маленькую гусочку, как вы, — произнес он, склонившись так низко к Анжелике, что его усы коснулись ее щеки. — Будь я проклят! — прибавил он, выпрямляясь и кладя руку на сердце, — если еще раз позволю себе произнести непристойность! Увы! Но вина лежит не только на мне, ибо меня обманули. Когда мой друг граф Жоффрей де Пейрак возложил на меня свои обязанности в выполнении всех формальностей, лишив, однако, очаровательных прав супруга, я заставил его поклясться, что вы косая и горбатая. Однако я вижу, он совершенно не позаботился, чтобы избавить меня от мучений. Вы действительно не хотите трюфелей?

— Нет, спасибо.

— А я съем, — ответил он с жалобной гримасой, которая в других обстоятельствах развеселила бы девушку, — хоть я и подставной муж, да вдобавок холостяк. Надеюсь, что природа будет благосклонна ко мне, и в эту праздничную ночь я встречу дам или девиц, менее жестоких, чем вы.

Она натянуто улыбнулась его выходке.

От факелов и канделябров исходил невыносимый жар. Вокруг продолжали петь и пить. В застывшем воздухе висел тяжелый запах вина и приправ.

Анжелика приложила пальцы к вискам. Они были влажными. «Что это со мной? — подумала она. — Мне кажется, я сейчас взорвусь и закричу от злости. Почему?.. Отец счастлив. Он выдает меня замуж почти по-королевски. Тетушки ликуют. Граф де Пейрак послал им ожерелья из драгоценных камней с Пиренейских гор и множество всяких безделушек. Мои братья и сестры получают хорошее воспитание. А я, на что мне жаловаться? В монастыре нас всегда предостерегали от романтических грез. Знатный и богатый муж — разве не к этому должна стремиться девушка благородного происхождения?»

Она дрожала, словно выбившаяся из сил лошадь, но отнюдь не из-за усталости. Просто это была нервная реакция, протест всего ее существа, которое не выдержало и взбунтовалось в самый неожиданный момент. «Страх ли это? Еще и истории кормилицы, которая во всем готова увидеть дьявольские проделки. Почему я должна ей верить? Она всегда была склонна к преувеличению. Ни Молин, ни отец никогда не скрывали от меня, что граф де Пейрак — ученый. Но утверждать, что он устраивает бог весть какие демонические оргии, это уж слишком. И потом, если бы кормилица действительно подозревала, что я могу попасть в руки к такому чудовищу, она бы не отпустила меня. Нет, я ничего не боюсь. Я не верю этому».

Сидящий рядом маркиз д'Анджос, повязав салфетку, держал в одной руке сочный трюфель, а в другой — бокал бордоского вина. Немного охрипшим голосом с сильным акцентом, то и дело удовлетворенно икая, он декламировал:

— О божественный трюфель! Благодетель влюбленных! Влей же в мои вены любовный трепет! Я буду ласкать мою подружку до зари!

«Вот оно, — поняла вдруг Анжелика, — вот то, на что я никогда не соглашусь и не смогу вынести».

У нее перед глазами встал образ уродливого и страшного сеньора, чьей законной добычей она стала. В ночной тишине в далеком Лангедоке пугающий незнакомец будет ее полным властителем. Она может кричать, звать на помощь, умолять, но никто не придет. Он купил ее, ее продали. И она до конца своих дней будет его собственностью!

«Вот что думают люди, но не говорят открыто, вот о чем, возможно, шепчутся на кухне слуги и служанки. Вот почему жалость ко мне читается в глазах музыкантов с юга и милого Энрико с вьющимися волосами, который так искусно бьет в тамбурин. А впрочем, лицемерие куда сильнее жалости. Одного человека принесли в жертву, зато сколько довольных! Золото и вино текут рекой! И какое кому дело до того, что там потом произойдет между их господином и мной! Ну нет, клянусь, никогда он до меня не дотронется...»

Анжелика поднялась, ее внезапно охватил страшный гнев, и усилия, которые она прилагала, дабы его превозмочь, вызвали у девушки почти боль. Наблюдая за пирующими, чей гвалт заглушал даже громкую музыку, Анжелика думала, что еще чуть-чуть, и она начнет кричать, выть и осыпать ругательствами их всех. Поздно! Скандал бесполезен! Гости восприняли бы всплеск ее эмоций как бурное выражение радости, знак, что пришло время для танцев и фарандолы!

Тут она заметила прибывших музыкантов со свирелью и волынкой. Они поднялись на крыльцо, разговаривая о чем-то с другими, решившими промочить горло. Поздно! Слишком поздно! Больше ей ни к чему слушать сельскую музыку своего детства. Она была в ловушке! Она была обречена!

Внезапно она поняла, что ей надо сделать, чтобы отомстить за принудительный брак, избежать хотя бы в

собственных глазах унижительной роли жертвы. Жиль де Рец с юга Франции не будет первым.

Она поспешила прочь от стола, и в гомоне голосов никто не заметил ее ухода. Больше всего на свете она сейчас желала, прежде чем попасть в руки другого, отдаться молодому и красивому мужчине.

Увидев дворецкого по имени Клеман Тоннель, нанятого отцом в Ньоре, она спросила у него, где слуга Николя.

— Он в сарае, разливает вино, мадам.

Девушка отправилась в указанном направлении. Она шла, словно во сне. После сцены в лесу Николя больше на нее не смотрел и ограничивался выполнением обязанностей слуги, впрочем, с некоторой небрежностью. Она нашла его в пристройке, где он переливал вино из бочек в кувшины и графины, которые ему непрерывно подносили мальчишки-слуги и пажи. Николя был одет в золотисто-желтую ливрею с обшитыми галуном отворотами, которую барон де Сансе взял напрокат по случаю празднеств. Наряд не выглядел на нем нелепо, а напротив, даже придавал элегантности. Увидев Анжелику, он выпрямился и сделал глубокий поклон в стиле дворецкого Клемана, двое суток обучавшего накануне праздника всю домашнюю прислугу.

— Я искала тебя, Николя...

— Мадам графиня...

Она бросила взгляд на мальчишек, которые ожидали, стоя с кувшинами в руках.

— Поставь кого-нибудь из мальчиков вместо себя и иди за мной.

Во дворе она снова провела по лбу рукой. Анжелику охватило волнение, которое, казалось, она вдохнула вместе с пьянящим ароматом разлитого на полу вина. Она толкнула дверь в соседний сарай, в котором тоже часть ночи наполняли кувшины. В нем еще держался

тяжелый винный дух. Но теперь бочки уже опустели, опустел и сарай. В нем было темно и жарко. Анжелика положила руки на крепкую грудь Николая. И вдруг, сотрясаясь всем телом в глухих рыданиях, она кинулась к нему на шею.

— Николая, — всхлипывала она, — друг мой, скажи, что это все неправда. Они ведь не увезут меня, не отдадут меня ему. Мне страшно, Николая. Обними меня. Обними покрепче!

— Мадам графиня...

— Замолчи! — закричала она. — Ах! Не будь таким же злым, как они!

И хриплым, срывающимся голосом, которого сама не узнала, добавила:

— Обними меня! Обними крепко-крепко! Это все, что я прошу.

Он замер в нерешительности, но потом протянул узловатые натруженные руки и обхватил тоненькую талию.

В стоял полумрак. От большой кучи сена шло тепло, в воздухе, казалось, застыло что-то тревожное, словно перед грозой. Анжелика, обезумевшая, опьяневшая от многочисленных запахов, прижалась лбом к плечу Николая. И снова она почувствовала, как ее захватывает его неистовая страсть, но на этот раз не стала ей противиться.

— Да! Ты добрый! — вздыхала она. — Ты мой друг. Я хочу, чтобы ты любил меня... Один только раз я хочу, чтобы меня любил молодой и красивый мужчина. Ты понимаешь?

Она обхватила руками могучую шею Николая и заставила его склонить к ней лицо. Он выпил, и его дыхание отдавало терпким запахом вина.

Он вздохнул.

— Маркиза Ангелов...

— Люби меня, — шептала она, прижимаясь губами к его губам. — Только один раз. А потом я уеду... Ты не хочешь? Ты меня больше не любишь?

Он что-то глухо пробормотал, схватил ее на руки и, споткнувшись в темноте, упал вместе с нею на кучу сена. Сознание Анжелики оставалось до странности ясным, и в то же время она словно разом отрешилась от всех условностей. Она очутилась в каком-то ином мире, поднялась над тем, что до сих пор составляло ее жизнь. Оглушенная темнотой сарая, жарой, спертым воздухом, а также новизной ласк, одновременно грубых и умелых, она старалась главным образом побороть стыдливость, помимо ее воли взбунтовавшуюся в ней. Единственным ее желанием было, чтобы все произошло как можно быстрее, потому что она опасалась, что их застанут врасплох. Стиснув зубы, она повторяла себе, что, по крайней мере, тот, другой, уже не будет первым. Таков ее вызов золоту, за которое, они думают, можно все купить. Она всем сердцем хотела, чтобы это случилось. Однако несколько раз она едва удержалась, чтобы не оттолкнуть тяжелое тело, объятые безумной страстью.

Внезапно сарай прорезал свет от фонаря, и в дверях раздался истошный женский крик. Одним прыжком Николая отскочил в сторону. Анжелика увидела, как к нему устремилась чья-то плотная фигура. Она узнала старого Гийома и, бросившись наперерез, изо всех сил вцепилась в него. Но Николая уже проворно вскарабкался на балки крыши и открыл слуховое окно. Было слышно, как он спрыгнул во двор и убежал.

Женщина, стоявшая на пороге, продолжала кричать. Это была тетушка Жанна. В одной руке она держала бутылку, другую положила на пышную, лихорадочно вздымающуюся грудь.

Анжелика отпустила Гийома и бросилась к ней. Вонзив ногти Жанне в руку, она прошипела:

— Замолчите, безумная старуха? Вы же не хотите, чтобы разразился скандал и маркиз д'Андижос уехал, забрав с собой все подарки и обещания? Иначе прощай ваши пиренейские драгоценности и прочие маленькие радости. Замолкнете, не то я заткну ваш старый беззубый рот кулаком.

Привлеченные шумом, из соседних сараев сбежались крестьяне и слуги. Потом Анжелика увидела кормилицу и отца, который, несмотря на обильные возлияния и неуверенную походку, оставался бдительным и, как хороший хозяин, продолжал следить за ходом праздника.

— Жанна, почему вы вопите, словно вас щекочет сам дьявол?

— Щекочет! — задохнулась от негодования старая дева. — Ах, Арман! Я умираю!

— Почему же, дорогая?

— Я пришла в сарай взять немного вина. И тут я увидела... увидела...

— Тетя Жанна увидела какую-то тварь, — перебила ее Анжелика. — Она точно не знает змею или куницу, но уверяю вас, тетушка, беспокоиться не о чем. Лучше вернитесь за стол, вам принесут вина.

— Именно, именно, — произнес барон заплетающимся языком. — Ах, Жанна, раз в жизни вы захотели оказать услугу и только всех переполошили.

«Она не хотела оказать услугу, она следила за мной и выследила. С тех пор как тетка поселилась в замке и сидит за вышиванием, как паук в паутине, она знает нас лучше, чем мы сами, она нас чувствует, видит насквозь. Она пошла за мной. А старого Гийома попросила посветить ей».

Ее пальцы все еще впивались в дряблую руку толстухи.

— Вы меня ясно поняли? — прошептала она. — Ни слова никому до моего отъезда, не то, клянусь, я вас

отравлю особыми травами, которые знаю.

Тетушка Жанна охнула в последний раз и закатила глаза. Однако упоминание об ожерелье подействовало на нее даже больше, чем угроза. Поджав губы, она молча последовала за братом.

Вдруг чья-то грубая рука потянула Анжелику назад. Гийом резким движением стряхнул соломинки, которые застряли в ее волосах и платье. Она подняла на него взгляд, пытаясь по выражению лица угадать, о чем он думает.

— Гийом, я хотела бы, чтобы ты понял...

— Мне отнюдь не обязательно что-либо понимать, мадам, — ответил он по-немецки с оскорбительным высокомерием. — Мне достаточно того, что я видел.

Он погрозил кулаком в темноту и выругался.

Анжелика вскинула голову и пошла к гостям. Сев за стол, она поискала глазами маркиза д'Андижоса. Свалившись с табурета, маркиз сладко спал на полу. Стол напоминал поднос с церковными свечами, когда они догорают и оплывают. Некоторые гости уже уехали, другие заснули. Но на лугу все еще танцевали.

Анжелика, напряженно выпрямившись, без тени улыбки на лице, сидела во главе свадебного стола. Она мучительно страдала при мысли, что ей помешали довести до конца задуманное, исполнить свою клятву и отомстить за себя.

В сердце боролись ярость и стыд.

Она потеряла старого Гийома.

Монтелу отверг ее.

Ей оставалось лишь одно — уехать к хрому супругу.

---

notes

1

Жиль Монморанси-Лаваль, барон де Рец (1404 — 1440 гг.), бретонский аристократ, соратник Жанны д'Арк, маршал Франции. Занимался оккультизмом. Был обвинен в колдовстве, многочисленных пытках, изнасилованиях и убийствах детей. Вину признал только после жестоких пыток. Казнен в Нанте 26 октября 1440 года. Однако в 1992 году группа французских историков сняла обвинения с Жилия де Реца. Они считают, что обвинения были надуманными, признания вырваны под пытками, а все дело затеяли герцог Бретонский и его канцлер, которые хотели захватить владения барона. Тем не менее, в народе издавна бытовала легенда о нем, как жестоком убийце, «людоеде из Машекуля». *(Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное)*

2

Римская дорога – дорожная сеть, представляющая собой сложное инженерное сооружение, созданная древними римлянами для перемещения войск и грузов. Дороги мостились из необработанного камня и гравия прямыми на максимально возможную длину. После падения Римской империи служили еще около 1000 лет.

3

Во время Тридцатилетней войны (1618 — 1648 гг.) 17 ноября 1632 г. шведская армия короля Густава II Адольфа в сражении при городе Лютцене нанесла поражение наемным имперским войскам, которыми командовал генералиссимус Альбрехт фон Валленштейн. Хотя Густав Адольф был убит в бою, шведские войска одержали победу.

4

Быстрый, с четким ритмом, старинный танец провансальских крестьян, распространившийся в XVII — XVIII веках как придворный. Близок к бурре и контрансу.

5

Дягиль или ангелика, лекарственное растение (лат. *Angelica archangelica*), по-французски — анжелика.

6

Бокаж (от франц. bocage — роща) — тип культурного ландшафта, характерный для западных и северо-западных районов Франции с прохладным влажным океаническим ветреным климатом. Поля и луга чередуются в нем с лесом, рощами и кустарниками. Бокаж также — местность на севере Вандеи и западе Нормандии.

Овернь — историческая провинция Южной Франции, расположена на плоскогорье, служащем водоразделом между долинами Гаронны и Луары. Высота над уровнем моря 1500 м, есть горы высотой больше 1800 м.

Савойя — историческая область на юго-востоке Франции. В описываемый период входила в состав Священной Римской империи. Жители Савойи — савояры — часто занимались отхожим промыслом.

9

Средневековая французская поэма.

10

Речь идет о «Синей библиотеке Труа», дешевых книгах для народа, весьма популярных в XVII — XVIII веках.

11

Годфрид Бульонский (Годфруа де Буйон) (1060 — 1100 гг.) — один из предводителей Первого крестового похода (1096 — 1099 гг.). После завоевания Палестины — первый некоронованный правитель Иерусалимского королевства, принял титул «защитника гроба Господня».

Альба — гэльское (кельтское) название Шотландии. В раннем Средневековье так называли королевство на северо-востоке этой страны. Другие варианты — Альбин, Олбани. Отсюда пошло слово «Альбион», которое относят ко всей Британии. По другой версии, имя «Альбион» дали острову римляне, по белым меловым скалам у Дувра.

Люзиньяны (Лузиньяны) — знатный род из Пуату. Ги де Люзиньян (Лузиньян) (1160 — 1194 гг.) — граф Яффы, с 1180 г. король Иерусалима (1186 — 1192 гг.), сеньор Кипра (1192 — 1194 гг.). После потери Иерусалима получил от тамплиеров в управление Кипр, хотя коронован не был. Его старший брат Амори стал королем Кипра, а затем номинальным Иерусалимским королем. Династия Люзиньянов правила Кипром вплоть до 1489 года.

Так иногда называют Раймона де Форез.

Джулио Мазарини (урожд. Джулио Раймондо Мазарино, 1602 — 1661 гг.) — выдающийся политический деятель Франции, кардинал, преемник Ришельё, первый министр Франции с 1642 г. Сын сицилийского дворянина, Джулио принял духовное звание в 1632 г. и стал кардиналом в 1641 г. После смерти Людовика XIII в 1643 г. Мазарини по сути был правителем Франции; ходили слухи о его тайном браке с королевой Анной Австрийской. Во внешней политике, благодаря искусной дипломатии, добился больших успехов, утвердив политическую гегемонию Франции в Европе.

Синдик — доверенное лицо, представлявшее приход или сельское сообщество, управлявшее им, а также защищавшее его интересы. Избирался на собрании, состоящим из глав семей приходов.

Жан де Верт или Верт Иоганн фон (1592 или 1602 – 1652 гг.) — полководец 30-летней войны; в 1622 г. начинал службу простым солдатом и дослужился до чина генерал-лейтенанта; за победу при Нердлингене (1634 г.) получил от императора Фердинанда II баронский титул. Позже сражался на Рейне и под Эренбрейтштейном, но в 1638 г. был разбит при Рейнфельдене Бернгардом Саксен-Веймарским и взят в плен. Выпущенный из плена в 1642 г., командовал баварской кавалерией и отличился во многих сражениях. Когда курфюрст баварский Максимилиан заключил Ульмский мир 1647 г., попытался перевести баварское войско в Богемию к Фердинанду III, но попытка провалилась, и Верт бежал в императорский лагерь. Курфюрст объявил его изменником, император же возвел его в графское достоинство и назначил главнокомандующим всей императорской кавалерией. В 1885 г. ему поставлен памятник на старом рынке в Кельне.

В компетенцию маршальского суда помимо рассмотрения судебных дел входил поиск и поимка мятежников и вооруженных банд, тогда как полиция занималась более мелкими преступлениями: кражами, разбоем и бродягами.

Нантский эдикт утвержден Генрихом IV в апреле 1598 г.; завершил религиозные войны во Франции, объявив католицизм господствующей религией, но даровав гугенотам свободу вероисповедания и богослужения, а также ряд судебно-административных и политических привелегий. После войны с гугенотами в 1621 — 29 гг. большинство статей были пересмотрены или ликвидированы. Отменен в 1685 г. Людовиком XIV.

Мул — гибрид кобылы и осла, но лошадей и ослов также специально разводят для этих целей.

21

Мулицы ценятся выше, чем мулы.

Генрих III (1551 — 1589 гг.), последний французский король из династии Валуа (с 1574 г.), был убит монахом-доминиканцем Жаном Клеманом, приверженцем Гизов. Его преемник, Генрих IV (1553 — 1610 гг.), первый король из династии Бурбонов, погиб от руки Франсуа Равальяка, фанатичного противника Нантского эдикта. Равальяк был школьным учителем из Ангулема.

Генрих II Валуа (1519 — 1559 гг.), сын Франциска I, король Франции (1547 — 1559 гг.).

Порода ослов пуату была выведена во Франции специально для разведения мулов. Эти ослы с очень длинной косматой шерстью и отсутствующей спинной полосой пользуются большой известностью благодаря своим росту и силе, пригодны для перевозки тяжестей.

25

Колбаса, приготовленная из желудка и толстой кишки свиньи в оболочке из кишок, с сильным специфическим запахом и вкусом.

26

Горячее вино с пряностями, подаваемое молодоженам в первую брачную ночь.

Боже мой! (нем.)

28

Вероятнее всего, это карбункул.

Терции — испанские военные подразделения. 19 мая 1643 года герцог Энгиенский разбил испанскую армию под командованием дона Франсиско де Мелло и снял осаду с города Рокруа. Победитель позднее унаследовал титул своего отца и вошел в историю под именем Великого Конде.

В сражении под Нёрдлингеном 6 октября 1634 года шведы и немцы потерпели поражение от имперской армии. Но Анн Голон явно имеет в виду другое сражение, 3 августа 1645 года, где баварцы под командованием барона де Мерси потерпели поражение от французов и Мерси погиб.

Пурпуэн — верхняя мужская распашная одежда 14 — 17 вв. Изначально одевался под доспехи. К середине 17 века представлял собой короткую куртку с высокой талией, узким лифом, четырьмя длинными басками и широкими рукавами с частыми продольными разрезами. Богато украшался галуном и пуговицами.

Кипрское королевство — государство крестоносцев, созданное на Кипре, во время Третьего крестового похода. Просуществовало до 1489 года.

Иерусалимское королевство — христианское королевство, возникшее в Леванте в 1099 году, после завершения Первого крестового похода. Уничтожено в 1291 году с падением Акры. (О Мелюзине и Люзиньянах см. выше, в главе второй.)

Пикет (от фр. *piquet* — кол) — слабоалкогольный освежающий напиток, приготовленный из экстракта виноградных выжимок.

Прозвище короля Генриха IV.

Сен-Жермен-ан-Лэ — город на Сене в 19 км к западу от Парижа, где до строительства Версаля находилась королевская резиденция.

Фронда (от фр. *fronde* — рогатка) — название ряда противоправительственных выступлений, имевших место во Франции в 1648 — 1652 гг.

Людовик де Бурбон, принц де Конде (1621 — 1686 гг.) — выдающийся французский полководец, начал свою военную карьеру во время Тридцатилетней войны в титуле герцога Энгиенского, победитель в битве при Рокруа (1643 г.), позднее — один из вождей «Фронды принцев». После поражения Фронды воевал на стороне Испании, служил королю Филиппу IV. Впоследствии получил прощение и вернулся во Францию. Остался в истории под именем Великого Конде.

39

30 января 1649 года.

Анна Мария Луиза Орлеанская (1627 — 1693 гг.) — французская принцесса королевской крови, герцогиня де Монпансье. Внучка Генриха IV, дочь Гастона Орлеанского. Приходилась племянницей Людовику XIII. Также известна как Гранд Мадемуазель (или Великая Мадемуазель), активная участница Фронды, автор известных «Мемуаров».

Гастон Орлеанский (1607/8 — 1660 гг.), брат Людовика XIII, дядя Людовика XIV. Отец Великой Мадемуазель. Много лет, до рождения племянника, считался прямым наследником французского трона. Фрондеры и позже подумывали посадить его на трон.

Речь идет, скорее всего, о Марии Эме де Роган-Монбазон. Ее вторым мужем был Клод Лотарингский (Лоррен), герцог де Шеврёз. Герцогиня принимала участие в нескольких заговорах, в том числе в заговоре с целью посадить на престол Гастона Орлеанского.

Лонгвиль (Longueville), Анна-Женевьева герцогиня де Бурбон-Конде, герцогиня, жена герц. Генриха II де Лонгвиля, дочь принца Генриха II Конде, душа Фронды.

Франсуа VI де Ларошфуко (1613 — 1680 гг.) — французский писатель и политический деятель. Губернатор Пуату. Принц Марсийяк, герцог де Ларошфуко и пэр Франции, происходил из древнего и знатного рода, был известен как самый ученый человек в Париже. Убежденный противник политики Ришельё, из-за своих политических взглядов неоднократно находился в ссылке в своем поместье и даже попадал в Бастилию, позже под началом Конде участвовал в «парламентской Фронде» и «Фронде принцев».

Титул принца или владетельного князя во Франции до XIX века стоял ниже титула герцога. Многие французские принцы являются родоначальниками младших линий герцогских домов, а герцогские рода в свою очередь имели среди низших титулов и название принца. Младшие члены семьи суверена носят титул принцев крови, стоящий выше герцогского титула. В империи Наполеона титул принца был провозглашен первым, а герцог — вторым разрядом нового дворянства.

Франсуа де Бурбон-Вандом, 2-й герцог де Бофор (1616 — 1669 гг.) — внук короля Генриха IV Великого по боковой линии. Видный участник Фронды, позже погиб в одном из морских боев на Средиземноморье в чине адмирала.

Ламотт-Уданкур, Филипп, граф де, герцог де Кардон (1605 — 1657 гг.) — маршал, военачальник, участник Фронды, впоследствии перешел на сторону Мазарини.

Леонор де Лонгвиль был женат на Марии де Эстутвиль из рода Бурбонов, тете будущего короля Генриха IV.

Жан-Франсуа Поль де Гонди, кардинал де Рец, (1613 — 1679 гг.) — архиепископ Парижский, выдающийся деятель Фронды, автор знаменитых мемуаров.

Генрих II, герцог де Лонгвиль (1595 — 1663 гг.), принимал участие в междоусобицах в начале царствования Людовика XIII; около 1620 г. примирился с двором. Во время Фронды действовал под сильным влиянием своей жены, Анны-Женевьевы Бурбон-Конде (1619 — 1679 гг.), сестры Великого Конде.

После смерти отца к Людовику де Бурбону как к старшему сыну перешел титул принца Конде.

Анри де ла Тур д'Овернь, виконт де Тюренн (1611 — 1675 гг.) — выдающийся французский военачальник, маршал Франции с 1643 г., главный маршал Франции с 1660 г. Считается родоначальником маневренной стратегии. Начал военную службу в голландской армии, в 1630 г. перешел на французскую службу. Отличился на Тридцатилетней войне, в 1648 — 1651 гг. выступал на стороне Фронды, но в мае 1651 г. встал под знамена короля.

Арман де Бурбон, принц де Конти (1629 — 1666 гг.) — принц, брат Великого Конде. В свое время отказался от духовной карьеры и принимал активное участие в Фронде. Позднее примирился с двором и женился на одной из племянниц Мазарини.

Венсан де Поль (1581 — 1660 гг.) — выдающийся религиозный и общественный деятель. Основатель нескольких конгрегаций, занимавшихся благотворительностью, в том числе конгрегации лазаристов и конгрегации сестер милосердия, больниц для бедных. В 1737 году причислен к лику святых, в 1880 году объявлен покровителем сестер милосердия.

Ньюфаундленд

Общее название французских владений в Северной Америке (1534 — 1763 гг.)

Самуэль де Шамплен (1567 — 1635 гг.) — французский гидрограф и путешественник, основатель и первый губернатор Квебека. Прибыл в Канаду в 1603 году с экспедицией, организованной губернатором Дьепа Аймаром де Шастом, который получил патент на торговлю пушниной.

Исаак Жог (1607 — 1646 гг.) — иезуит, миссионер в Стране гуронов. Один из восьми иезуитов, которых замучили ирокезы, напавшие на гуронов и практически уничтожившие это племя. Был причислен к лику святых в 1930 году.

Шарль де Рошфор (1605 — 1683 гг.) — пастор французской протестантской церкви в Роттердаме. Несколько лет провел в Вест-Индии, по возвращении написал книгу «Естественная история и история нравов Антильских островов Америки». Впервые эта работа была опубликована в Роттердаме в 1658 году.

61

Псалом 33. Компиляция из синоидального перевода.

Псалом 18. Синоидальный перевод 1876 года.

«Молот ведьм» (нем. Hexenhammer, лат. Malleus Maleficarum) — самый известный трактат по демонологии, написанный двумя германскими инквизиторами, доминиканцами Генрихом Крамером (латинизированный вариант имени Генрикус Инститорис) и Якобом Шпренгером, и опубликованный в городе Шпрейере в 1486 году. Эта книга — инструкция по распознаванию ведьм, выдержавшая в короткий срок множество изданий, стала наиболее популярным обоснованием и руководством в последовавшей вскоре «охоте на ведьм» конца XV — середины XVII века. Хотя книга оказала значительное влияние на умонастроения католиков, она никогда официально не признавалась католической церковью, а в 1490 году даже была осуждена инквизицией.

Принц Марсийак, герцог де Ларошфуко, был в описываемое время губернатором Пуату.

65

Главное должностное лицо провинции, на общегосударственном уровне — министр.

Вероятно, имеется в виду вандейский грифон — охотничья собака.

Здесь игра слов: *Нобереау* (фр.) — чеглок, птица отряда соколиных, внешне очень похожая на сокола/сапсана, но меньшего размера. Второе уничижительное значение этого же слова: «дворянчик, мелкий помещик».

Фуке, Николя (1615 — 1680 гг.) — суперинтендант (министр) финансов в 1653 — 1661 гг. Выходец из третьего сословия, достиг богатства и могущества благодаря своему уму и хитрости. Приобрел титулы виконт де Мелён и де Во, маркиз де Бель-Иль. Построил замок Во-Ле-Виконт, вел чрезвычайно роскошную жизнь, покровительствовал поэтам и художником.

Эдиджио Экзили — известный итальянский токсиколог, одно время служил королеве Кристине Шведской, был замешан в некоторых делах с отравлениями.

Римский купорос — он же железный купорос, сульфат железа. Применяют в сельском хозяйстве, электроэнергетике, цветной металлургии, в минимальных дозах в качестве лекарственного препарата для лечения железодефицитной анемии. Опасен при попадании на кожу и слизистые. При попадании в организм человека оказывает общетоксическое действие, вызывает желудочно-кишечные расстройства. Способен накапливаться в организме, занимал в истории одно из ведущих мест среди медикаментозных отравлений.

Речь идет о кардинале Мазарини, который родился в городке Печина в области Абруцци (Италия).

Вероятно, имеется в виду Луи Бетюн Шаро (1605 — 1681 гг.) — капитан королевской гвардии, ставший впоследствии герцогом.

Здесь снова игра слов: «hobereau» — чеглок, птица семейства соколиных, второе значение — мелкопоместный дворянин, презрительное — дворянчик.

Рингравы — элемент костюма первой половины и середины 17 века: складчатая юбка, надетая поверх широких штанов. Вдоль пояса, по боковым швам, внизу по подолу рингравы украшали пышной лепной орнаментацией из рюшей, оборок, бантов, кружев.

Молитва Богородице и в то же время колокольный звон, призывающий к этой молитве.

Либертены (Либертины) — в XVII — XVIII вв. представители враждебного церкви течения, сторонники свободной морали и показного безбожия.

У автора противоречие. «Крохой» называли самого младшего брата Анжелики, Жана-Мари, которому на момент повествования исполнилось семь лет.

Туаз — единица длины во Франции, равная 1,949 м.

Первая паровая машина была изобретена еще во времена античности. В Новое время, особенно начиная с 30-х годов XVII века, было получено несколько патентов на паровые насосы. В частности, в работе лорда Сомерсета «Сто примеров изобретений» (1661 г.) приводится схема парового насоса для откачки воды из шахт. Эта машина была построена в 1667 году (иногда данные разнятся).

Веста — тип камзола середины 17 века: короткая куртка с рукавами до локтя. Веста пышно отделялась оборками, бахромой из лент, рюшами, кружевом. Вдоль борта нашивались пуговицы и позумент. Между нижним краем весты и поясом штанов просматривались сборки широкой сорочки, отделанной гофрированной оборкой

Aubade (произн. обад, франц., от провансальского alba — теперь aube, — «утренняя заря»), утренняя песня трубадуров, которая состояла из жалоб влюбленного на неизбежность разлуки с наступлением рассвета; таким образом «обада» является как бы противоположностью серенаде.